

БЛИЗНЕЦА ДВОРЕЦКАЯ

УТРОЕННИЙ ВСАДНИК

ЮБИЛЕЙНОЕ ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Князя леса

Елизавета Дворецкая

Утренний Всадник

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Утренний Всадник / Е. А. Дворецкая — «Эксмо»,
2023 — (Князья леса)

ISBN 978-5-04-186827-7

Елизавета Дворецкая – многократная победительница литературных премий, любимица реконструкторов и поклонников славянского фэнтези. «Утренний всадник» – юбилейное подарочное издание первого романа цикла «Князья леса». Красивая сказочная атмосфера, быт и верования дохристианских славян. Берегини, оборотни и лешие, магия, любовь и поиск себя в огромном таинственном мире. Сын славянского князя Велемога, Светловой, был красив, добр, чистосердечен и приветлив, так что даже сама Леля, богиня-весна, полюбила его. Но богиня не может любить, как смертная: весна – всегда девица, стать женой было бы противно самой ее природе, она – только цветок, который никогда не превращается в ягоду. С первым летним днем Леля покидает своего земного возлюбленного, и до новой весны ему предстоит ждать встречи с нею. Мечтая о своей небесной невесте, Светловой встречает другую девушку, Смеяну, и в ней вызывает ту же любовь к прекрасному и недоступному, которую сам питает к богине Леле. На поиски судьбы они отправляются вместе, но пути их расходятся...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186827-7

© Дворецкая Е. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	7
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	40
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Елизавета Дворецкая

Утренний Всадник

© Дворецкая Е., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая Янтарные глаза леса

Пролог

В новолуние месяца листопада Светловую исполнилось семь лет, и жизнь его резко изменилась. Он был единственным ребенком речевинского князя Велемога. Надеясь на появление в будущем других детей, Велемог рассчитывал пока на одного Светловую и на нем одном сосредоточил все свои надежды. Сын радовал сердца родителей: это был высокий для своих лет, крепкий и сообразительный мальчик, живой и веселый, привязчивый и добрый. Лицом он походил на мать, голубоглазую княгиню Жизнеславу, и любил ее больше всех на свете. Но после новолуния, с которого ему пошел восьмой год, Светловую пришлось покинуть свою уютную горенку возле материнской спальни. Теперь у него была другая горница, и вместо няньки с ним делил ее дядька-воспитатель, Кремень, бывший сотский Велемоговой дружины.

Свободного времени у мальчика теперь оставалось мало. Кремень учил его понимать и чертить на восковой дощечке резы, игра с деревянным мечом сменилась настоящим обучением оружному бою.

Все дальше уходило теплое лето, а вместе с ним и память о приволье детства. Семилетний мальчик не мог полностью осознать важность и необратимость перемены, но наступающие холода стали для него стеной, отделившей беззаботное прошлое от настоящего, полного нелегких забот.

– Ничего не поделаешь, соколенок мой! – ласково утешала его княгиня Жизнеслава. – Ты князем родился, а князю не до забав, не до беготни пустой. Он всю землю свою на плечах держит, обо всех думает, от всех с богами речи ведет. На отца посмотри – он все дни в делах.

Светловой очень хотел быть похожим на отца и крепился, сдерживал тоскливое «Не хочую-у!», когда кормилец приходил за ним и уводил от матери к луку и стрелам или бронзовому писалу и восковой дощечке. Шагая вслед за Кременем по гульбищу, Светловой отчаянно хмурился, стараясь сдержать слезы. Он уже не маленький, чтобы плакать! Тоска по матери была, пожалуй, самым трудным в его новой, полувзрослой жизни.

– Привыкай, родной мой! – говорила ему княгиня Жизнеслава. – Вот исполнится тебе двенадцать – отец и в походы станет тебя брать, а в походах он по полугоду бывает, и больше. Придется тебе без меня обходиться.

Княгиня старалась говорить бодро, но Светловой угадывал грусть в ее глазах и в голосе. И сознание того, что мать тоже тоскует в разлуке, еще сильнее давило на сердце.

Каждое утро Светловой старался проснуться раньше Кременя, торопливо одевался – сам, как положено взрослому, – и тихонько пробирался к матери, чтобы первым разбудить ее и немного побыть с ней, рассказать, что видел во сне. Часто княгиня и Светловой вдвоем выхо-

дили на заре на забороло детинца, куда вел переход прямо с гульбища княжеских горниц, и с высоты смотрели, как Денница-Заря отпирает небосвод золотыми ключами, открывает дорогу солнцу. Но в земной мир шла осень, утреннее небо все чаще бывало затянуто серыми тучами, и свет дня едва-едва пробивался сквозь равномерно-унылую пелену. И рассвет толком не успевал наступить, а уже скрипели плахи забороло под тяжестью шагов: Кремень шел за княжичем.

На забороле Светловой встретил первый снег. В пронзительно холодном утреннем воздухе летели белые крупинки, мелкие, легкие, еще чужие в желто-буром мире осени. На подставленной ладони они были почти не ощутимы, но лицо покалывали невидимые холодные иголочки.

– Ой, мама, что это? – в недоумении спросил Светловой, то глядя на свою ладонь, где мгновенно таяли белые крупинки, то поднимая глаза и вглядываясь в серый небосклон. – Неужели уже снег? Неужели зима? Почему так рано?

Ему казалось, что зиме быть еще не скоро – ведь только что отшумели веселые жатвенные торги. Он еще не знал, что во взрослой жизни время идет быстрее и незаметнее.

– Уже зима, светик мой! – Княгиня Жизнеслава ласково положила руку на его голову, погладила мягкие золотистые кудряшки. – А ты без шапки выскочил. Застудишься, пойдем-ка в палаты.

– Нет, нет, не пойдем! – Светловой вцепился в руку матери. Для него возвращение в терем связывалось с Кременем и мудреными науками. – Мне не холодно вовсе. Мама, ну зачем только зима бывает! Вот бы ее не было!

– Как же – не было бы! – Княгиня качнула головой. – Ты каждый день как набегаешься, так тебе спать хочется. Вот и земле-матушке, и Живе, и Перуну, и Даждьбогу отдохнуть нужно. Для того и зима – сон земли и богов небесных.

– А откуда она берется?

– Посмотри туда. – Княгиня положила руку на плечо мальчику и показала на полночь. – Оттуда Зимерзла едет. Приглядишься получше, и увидишь ее. Сани ее везут белые волки, в глазах у них льдинки сверкают, а из-под лап снег сыплется. Где они по небу пройдут, там по земле на санях ехать можно. Вот погоди – скоро кататься будем.

– А она какая, Зимерзла? – спросил Светловой, вглядываясь в серую пелену, затянувшую небо.

Белые крупинки снега садились ему на ресницы, лезли в глаза, мешали смотреть, и приходилось заслонять лицо ладонью. Голова и руки у Светловой стали мерзнуть, но он не хотел в этом сознаваться. Невидимая Зимерзла была уже где-то поблизости, ее холодные цепкие пальцы проникали под кожу, щекотали, обрызгивая все тело зябкой дрожью, пощипывали нос и уши. А что еще будет в студен и просинец, когда на помощь Зимерзле придут ее сыновья Снеговолк и Костяник, свирепые зимние духи, способные застудить все живое насмерть!

– Она сама вся седая, в волосах ее метель прячется, в рукавах шубы снег родится, – рассказывала княгиня, прижав голову сына к своему боку и рукавами шубы укрывая его от падающих снежинок. – Сама она горбатая, злая, жадная. Ей бы весь белый свет снегом засыпать, все реки навек сковать, всех людей-зверей заморозить! Она самой Морене родная сестра. От них, да еще от Мары и Морока, вся тьма на земле, весь холод, болезни и смерть сама.

– А кабы не они – не было бы зимы? – приглушенно из-под материнского рукава спросил Светловой. Теперь ему почти ничего не было видно, только кусочек серого неба, но он не спешил высвободиться: так ему было хорошо и уютно под руками матери. – И смерти не было бы? Люди бы не умирали? Никогда-никогда?

– Видно, так, – с незаметным вздохом согласилась княгиня. – Да только Зимерзла и Морена сильны. Никому еще их одолеть не удавалось.

– А я одолею! – воскликнул Светловой и даже высунулся из-под теплого собольего рукава, чтобы посмотреть в лицо матери. Щеки его разругались от холода, на кончике розо-

вого носа повисла прозрачная капля, а голубые ясные глаза полны были отчаянной решимости. – Я одолею! Убью Зимерзлу, чтобы всегда лето было!

Княгиня Жизнеслава ласково усмехнулась и снова прижала голову сына к себе. Обхватив ее обеими руками, Светловой уже представил себе вечное лето, нескончаемое тепло, зелень лугов и лесов, теплый душистый ветер, радостную улыбку на лице матери. Как это было бы хорошо!

– Вот вырасту, так и сделаю! – убежденно шептал мальчик в мягкий шелк материнской шубы. – Пусть и боги слышат – сделаю!

И в мыслях он уже видел отважного могучего витязя, победителя самой Зимерзлы, и бесконечное лето – чтобы всегда играть, бегать на приволье и не знать забот. И этот витязь был он, Светловой сын Велемога, и весь белый свет кланялся ему за то, что он прогнал из мира зиму и саму смерть.

– Вырастешь, да... – шептала княгиня, задумчиво лаская мягкие волосы сына. – Только в Сварожьих Садах вечное лето стоит. Там духи дедов наших никакой беды не знают и о старости забыли – каждый там молод и весел. А земной удел человеческий иной. И никому от него не уйти.

– А я все равно сделаю! – упрямо воскликнул Светловой, выскользнул из-под рук матери и вскинул голову, разыскивая в небе фигуру седой старухи с метелистыми космами и злыми льдистыми глазами, словно хотел вызвать ее на бой прямо сейчас. – Вот стану я князем – прогоню Зимерзлу и Морену, чтоб близко они к нам подступиться не могли! Пусть боги слышат, а князь от своего слова не отступит!

– Ах, идем-ка домой! – обеспокоенно воскликнула княгиня и взяла сына за руку. – Застудишься ты здесь!

Княгиня поспешно повела Светловую по заборулу к веже, где был переход на гульбище княжеских теремов. А снег все сыпал и сыпал с серого неба, мостил дорогу Зимерзле. Божество зимы вышло в путь к земному миру и готовилось утвердиться в своих правах, чтобы властвовать семь долгих темных месяцев.

Глава 1

Время приближалось к полудню, и Светловой уже не раз вытер взмокший лоб рукавом. Месяц травень выдался таким ясным и жарким, как бывает не всякий червень. Наконец-то и в землю речевинов, самого северного из говорлинских племен, пришла весна во всей своей красе и силе. Светловой расстегнул серебряную застежку на плече и стянул со спины плащ, положил его перед седлом и заботливо закрепил булавку в кольце застежки, чтобы не потерять материнский подарок. Он ехал по высокому берегу Истира, позади него растянулись по берегу три десятка отроков его ближней дружины. Свежий ветерок оведал лица, нес от близкого леса свежие запахи зелени, мокрой земли, напоминавшие, что еще не лето. И именно это напомирование о весне веселило сердце Светловоя. Он любил весну, когда так легко дышится после зимней скуки, любил ожидание, когда все еще впереди: и долгие световые дни, и тепло, и цветы, и ягоды, и веселые праздники Ярилы, Купалы, Рожаниц. Зелень листвы, блеск воды Истира под солнцем, легкий шум ветра в листве оплетали Светловоя ласковыми объятиями; запах тонкой, душистой свежести, свойственной только весне, с каждым вздохом в грудь вливалась бодря радость. Стоило поднять голову и окинуть взглядом светлый простор лесов и луговин, далеко видный с высокого берега, как где-то вдали мерещилась легкая девичья фигура, сотканная из радужных лучей, – сама Леля, богиня-Весна. И где пройдет она, там цветы цветут, куда взглянет, там птицы поют...

– Ох и хорошо! – глубоко дыша, приговаривал Скоромет – один из самых старших Светловоевых отроков.

Княжич с улыбкой покосился на товарища: прелесть весны проняла даже спокойного и деловитого десятского. Но тут же сам Скоромет все испортил.

– Вот ведь красота – жить бы да радоваться! – продолжал он, взмахнув сложенной плетью над ушами коня. – Да ведь нет – лезут, волчья стая, чтоб их громом разбило!

– А может, и не лезут вовсе! – крикнул сзади Взорец. Молодому и веселому парню особенно не хотелось покидать стольный город Славен перед самым началом весенних хороводов и ехать в даль и глушь, где от одного огнища до другого целый день пути. – Болтовня одна!

– А тебе коли лень, так сиди дома! – отрезал Преждан, хмуря густые черные брови. – Князю лучше знать.

Преждан был сыном воеводы Кременя; когда шесть лет назад двенадцатилетнего Светловоя опоясали мечом, Преждан первым поклялся ему в верной службе. Сын, внук и правнук воинов, Преждан унаследовал неукротимый дух многих поколений и нередко жалел, что ему достался такой миролюбивый князь, как Велемог. Относительно спокойные походы за данью, редкие стычки с личивинами и дрёмичами на рубежах едва ли можно было назвать военными походами, и Преждан с нетерпением ждал случая показать себя.

– Да, уж от дрёмичей нам ждать добра не приходится! – подтвердил Скоромет. – Да и от дебричей тоже.

– Ну до них далеко! – Взорец махнул рукой.

– От дали не легче! – отозвался Скоромет. – Бешеной собаке и то не крик! У дебричей уж второй год князем оборотень сидит. Не слышал разве? А он свою дружину может в волков

превратить, и за полдня они в какую хочешь даль добегут. Нам теперь не до веселья будет, так и запомни!

Взорец вздохнул с шутовой тоской: в его сердце звучали Ярилины песни, а разговоры о ратных делах шли мимо ушей. Светловой обернулся, поймал его взгляд и ободряюще улыбнулся. Ни в какие беды не верилось весной, под яркими лучами солнца, когда все вокруг цветет. Но князь Велемог не любил весны: как раз в месяц травень, когда дороги просохли от грязи, а на лугах выросло достаточно травы на корм коням, следовало ждать набегов. Племена речвинов не повезло с соседями: и дрёмичи, и заморянцы не упускали случая поживиться чужим добром. Особенно много забот доставляли дрёмичи, жившие за Истиром, и каждый год князь Велемог посылал дружины в дозор вдоль реки. В последние шесть лет Светловой часто сопровождал в походах отца или воеводу Кременя, но этой весной он впервые возглавил дружину. Однако блеск и свежесть весеннего дня то и дело вытесняли из его мыслей воинские заботы.

Словно продолжая спор с Прежданом, Взорец принялся петь, повторяя песню, услышанную ниже по Истиру.

*Ржица-матушка колосилася,
Во ржи свищушка поросилася.
Семьдесят поросят, да все свиночки,
Все свиночки, да все пестренькие,
Хвостики у них востренькие, —*

соловьём заливался отрок, и Светловой улыбался, покачиваясь в седле. В эти дни, когда набираются сил ростки озимой ржи, по всему Истиру толпы нарядных мужчин и женщин, детей и девушек выходят в поля, несут жертвы Яриле и Ладе, волхвы заклинают урожай. Песни и угощенья провожали дружину Светловой по всему Истиру от самого Славена, и поход казался непрерывным праздником.

Словно подхватив песню Взорца, из-за перелеска впереди сквозь мягкий шум листвы слышалось звонкое пение девичьих голосов.

*Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Вокруг поля ходили,
Березки ставили,
Ярилу окликали!*

Впереди за перелеском открылось широкое, неровное по очертаниям поле, покрытое невысокими, но отрадно густыми ростками ржи. На меже Светловой увидел пеструю стайку из полутора десятка девочек-подростков и девушек-невест. Все они были в нарядных рубахах, в праздничных красных плахах, с пестрыми лентами в косах, с яркими очельями, с блестящими стеклянными бусинками на груди. Они шли вокруг поля, а две из них несли впереди молоденькую свежесрубленную березку, украшенную лентами, венками из травы и новыми рушниками.

Придерживая коня, Светловой залюбовался девушками; их румяные лица, блестящие глаза и веселые голоса возбуждали в нем радостное волнение. От юных лиц их веяло свежестью самой весенней земли, и даже те, что не особенно хороши собой, были прекрасны, как цветы. Видя их, он с необычайной остротой чувствовал, что она близко – Весна-Красна, пора света и радости, оживания земли и расцвета новой жизни.

Вдруг одна из девушек, несших березку, заметила всадника на опушке перелеска и вскрикнула:

– Ярила! Ярила к нам пришел!

Девушки мигом оборвали песню, остановились, сгрудились тесной стайкой. Березку они опустили на землю и придерживали с двух сторон. Светловой даже не понял сразу, что это о нем, но на него были устремлены десятки взоров, полных трепетного восторга. Статный княжич с красивым ясным лицом, голубыми глазами и блестящими под солнцем светло-золотистыми волосами с мягкими кудряшками на концах и правда был похож на Ярилу, каким его рисует человеческое воображение, – самого молодого, самого прекрасного из богов, дающего новую жизнь полям и лесам, цветам и травам, птицам и зверям, роду человеческому. Он был живым воплощением юной красоты и силы, солнечные лучи играли вокруг него, и казалось, что сам он излучает этот свет.

Сообразив, что его приняли за призываемого на поля светлого бога, Светловой смутился и тронул коня вперед. Стайка девушек дрогнула, но не двинулась с места.

– Пусть Макошь и Ярила пошлют плодородие вашим полям, благоденствие вашему роду, здоровье и красоту вам, девушки! – заговорил Светловой, подъезжая, стараясь за учтивой речью скрыть смущение.

– Так ведь ты – Ярила! – воскликнула та девушка, что первой заметила его.

Светловой посмотрел на говорившую. Едва ли кто-нибудь назвал бы ее красавицей, но от ее лица трудно было отвести взгляд. Румяные щеки, вздернутый нос, усыпанный веснушками, широкий улыбающийся рот дышали задором. Это лицо невозможно было представить хмурым или грустным, казалось, она так и родилась с улыбкой и никогда не расстается с ней. Тонкие ровные брови ее были подведены угольком, немножко гуще, чем следовало бы. Должно быть, от природы они были рыжеватыми, как и волосы, а девушке хотелось походить на красавиц, которым полагается быть чернобровыми. Желтоватые, как у кошки, глаза ее блестели бойко и вызывающе. Две рыжие косы спускались ниже пояса, лоб был перевязан красной тканой тесьмой, по сторонам лица с очелья свешивались длинные привески: цепочки с бусинками, с лунницами, с узорными бронзовыми бляшками. Бляшки были отлиты в виде красивых золотистых листочков, висевших гроздью, почти как на ветке. Точно такие же были и в наряде других девушек, и Светловой догадался, что это, должно быть, знак рода. При каждом движении девушки все это качалось, звенело, блестело, придавая ей сходство с наряженной березкой, которую девушка придерживала одной рукой. «Как сестренку за руку!» – мельком подумал Светловой и улыбнулся.

Кто-то из девушек засмеялся, кто-то смутился – все уже поняли свою ошибку, но все равно были явно рады встрече, и улыбка княжича подбодрила их.

– Не Ярила я! – ответил Светловой, чувствуя, что под веселым и пристальным взглядом рыжей девицы невольно краснеет. – Человек я простой.

– Это ты-то простой? – уверенно возразила девица, смущенная гораздо меньше него. – Ты – княжич славенский, Светловой. Я тебя прошлой осенью в становище видела!

– Княжич! Это княжич! Верно! – зашебетали девушки, стали кланяться.

– А красивый какой, Лада Светлая! – ахнула какая-то, и Светловой отвел глаза.

Уже не первый год он ловил на себе восхищенные взгляды девушек, но до сих пор смущался и старался их не замечать.

– А чего же говоришь – Ярила, если знаешь меня? – стараясь не слушать других, спросил Светловой у желтоглазой.

Но едва он встретил ее взгляд, как его обдала горячая волна. Во всем ее облике было что-то приятно раздражающее, отчего Светловую делалось и неловко, и радостно. Ему хотелось и отвернуться от ее глаз, и смотреть в них еще.

– А чем не Ярила? – бойко ответила желтоглазая. – Князь ничуть не хуже. Окажи нам милость, княжич светлый, – поставь нашу березку!

Другие девушки тоже принялись просить, и Светловой не видел причин отказать: все же знают, что под руками князя любой обряд приобретает втрое бо́льшую силу, любая жертва делается более угодна богам. Сойдя с коня, Светловой поклонился березке, воплотившей в себе силу Лады и Лели, бережно взял ее за ствол и шагнул с ней в поле. Девушки пошли за ним, запели на ходу:

*Где березки шли,
Там рожь густа,
Умолотиста, уколосиста:
С одного-то колоска
Умолотишь три мешка!*

Желтоглазая пела громче всех и при этом за спиной Светловоя подталкивала сестер, подмигивала на княжича, делала какие-то знаки. Отроки, собравшись на краю поля, посмеивались, переглядывались, и многие догадывались, что сейчас произойдет.

Выйдя на середину поля, Светловоя воткнул березку заостренным концом ствола в землю среди ростков, поднял руки и громко пожелал:

– Расти, береза, к лесу, а рожь – к овину! Как береза высока, так будь рожь высока, сколько в березе листочков, столько будь зерна в колосочках!

И едва он кончил речь, как все девушки разом набросились на него, повалили и стали катать по полю, со смехом и визгом выкрикивая:

– Будь рожь так высока! Так добра и красна! Так бела и густа!

Множество девичьих рук тормозило Светловоя, перекатывало его по холодной земле и свежим росткам, то и дело он ощущал на лице, на шее, на руках торопливый горячий поцелуй, но не успевал даже заметить чей. У княжича много силы, он всем поможет – и урожаю на поле, и счастью девушек в замужестве.

Наконец Светловоя выпустили, он смог приподняться и сесть. Голова кружилась, он жмурился и держался за виски, стараясь прийти в себя. Земля и небо качались, а вокруг раздавался задорный девичий смех. Светловоя протирал глаза и пытался пригладить волосы, смеясь над самим собой. Тоже, знатный волхв – заклинатель урожая выискался!

– Ай, спасибо тебе, княжич! – услышал он над собой веселый голос желтоглазой девицы. – Все соседи от зависти лопнут – у нас рожь будет гуще леса стоячего, выше облака ходячего!

– А ты не держишь ли обиды на нас? – виновато и ласково спросила другая девушка.

– Не держу! – Светловоя наконец открыл глаза, нашел рыжую совсем рядом с собой и улыбнулся ей. – Ловки вы, красавицы! И самого Ярилу, если мимо поедет, поймаете!

– Поймаем! – уверенно подтвердила егоза, завлекаясь сверкнув на Светловоя глазами. – Пойдем-ка, угостим тебя!

Поднявшись с земли, Светловоя отряхнул рубаху и вслед за желтоглазой пошел к краю поля, где девушки оставили принесенное из дому угощение: яичницу в горшках, пироги, ржаные лепешки и блины. Усевшись общим кругом, девушки угощали отроков, бросали вверх ложки, приговаривая:

– Как ложка высоко летает, так бы высока рожь была!

Отроки тоже бросали ложки, глядя, у кого выше, Взорец опять спел свою песню про свиношку, чем сильно насмешил девушек. Рыжая егоза сидела рядом со Светловоем, сама угощала его, но не давала доесть ни одного куска, а все отбирала и бросала подальше в поле – Макоши и Полевику. При этом она то и дело прикасалась к нему то плечом, то коленом, глаза ее смотрели лукаво-значительно, то ли с каким-то намеком, то ли с насмешкой, так что Светловоя было и неловко, и весело разом. Лада и Ярила, владыки весны, услышали песни и заклятья;

они были здесь, близко, их животворящая сила наполнила весь этот теплый день, и небо, и лес, и ржаное поле, и сердца человеческие. Березки вокруг поля кивали верхушками, радовались, зная, что скоро и к ним придут девушки с венками, лентами и угощением.

– Приезжайте на Ярилиин день к нам! И на Купалу! – звали девушки.

И радостно было помнить, что все еще впереди: и самая яркая часть весны с Ярилиными и купальскими хороводами, и теплое щедрое лето.

– А нет ли у вас тут косуль или оленей поблизости? – покончив с угощением, спросил у девушек Скоромет.

Веселье весельем, но о насущных делах он никогда не забывал, чем приносил неоценимую пользу своему княжичу, который, честно говоря, был мало склонен о них думать.

– Как не быть? – тут же ответила рыжая, мимо которой не проходило ни одно слово и на всякий вопрос находился ответ. – У нас тут кабанов больше, а косули – у Перепелов. Вот как вверх поедете, – она махнула рукой вдоль течения Истира, – там у них на опушках косули стадами бродят, даже днем видали. Поезжайте туда, да только смотрите, – она опять сверкнула глазами на Светловоя, – дороги назад не забудьте!

Поблагодарив за угощение, отроки двинулись вверх по берегу. Светловоя ехал первым, улыбался, вспоминая свое катанье по полю, даже посмеивался про себя. Эта встреча с девушками, задорные и влекущие взгляды желтоглазой егозы – эх, имя спросить забыл! – полнили его предчувствием чего-то светлого, горячего и радостного. Отъезжая все дальше, он как будто оставался там, на опушке возле ржаного поля, рядом с рыжей Ладой, ждущей своего Ярилу и нашедшей его – в нем. Сотней звонких голосов в нем пела сама весна – пора света, радости и пробуждающейся любви.

* * *

Светловоя не любил облавных охот: ему неприятен был шум, поднимаемый загонщиками, его ранило испуганное метанье животных, объятых смертным страхом. Охотился он немного, только чтобы не потерять сноровку, и предпочитал искать зверя по следу или подстерегать у мест кормежки. Проезжая по берегу Истира, как советовали девушки Ольховиков, славенцы скоро заметили на прибрежных опушках следы косуль. Сюда лесные козы по ночам выходили кормиться.

Неспешно двигаясь по берегу, Светловоя приглядывал подходящее место для укрытия, где можно устроиться на ночь и дожидаться удобного для лова рассветного часа. Как ни старался он думать об охоте, желтоглазая егоза как живая стояла перед его взором, ему мерещились ее зовущие взгляды, руки помнили прикосновения ее рук. Против воли Светловоя уже мечтал о том, как поедет назад мимо огнища Ольховиков-нижних – не захватить ли в гости? Все равно же надо где-то ночевать по дороге до Славена.

Вдруг до слуха его долетел какой-то шум, показавшийся странным. Стряхнув мечты, Светловоя прислушался. Спереди, из-за поворота реки, неслись беспорядочные звуки, совсем не вязавшиеся с безмятежной радостью ясного дня. Звенело железо, раздавались ожесточенные крики, тяжелый скрип дерева, плеск воды. Ухо улавливало хорошо знакомые глухие удары и треск – так железо оружия встречается с деревом щитов. Светловоя готов был поклясться, что слышит звуки битвы, но сам не верил своим ушам. Какая битва здесь, в мирной речевинской земле?

– Княжич, никак впереди бьются! – Ехавший чуть позади Скоромет догнал Светловоя.

На его лице отражалось тревожное недоумение, белесые брови хмурились.

– Быть не может! – ответил Светловоя то, что и думал в это мгновение.

– Правда, княжич, и мы слышим! – подтвердил Взорец. Сейчас он уже не пел, его круглое румяное лицо стало непривычно серьезным. – Я тоже было уши протер...

– Не болтай! – оборвал его Скоромет. – Что делать-то будем, княжич?

– Кончать болтать, да вперед! – горячо выкрикнул Преждан, всей душой стремясь скорее проверить, не послан ли богами долгожданный случай отличиться. – За тем и ехали!

Светловой молча кивнул, и Преждан первым устремился вперед. Сразу за поворотом берега они увидели, что прямо на реке кипит битва. Три ладьи со смолятинскими турьими головами на носах были окружены множеством лодок и челноков, и люди из лодок стремились взобраться на ладьи. Течение Истира уже снесло их вниз и прибило к берегу; хозяева ладей упрямо оборонялись, но нападавших было больше. С муравьиной густотой и цепкостью они лезли и лезли на ладьи со всех сторон, захватывали корму, пока хозяева защищали нос. Над рекой висел звон оружия, треск ломающихся щитов и весел, скрип бортов, резкие крики, брань, стоны раненых.

– Купцы, что ли? – заговорили отроки. – Не наши! Смолятичи!

– Так что же, стоять будем? Глядеть? – негодуяще воскликнул Преждан. – Княжич, дозволь! – взмолился он, уже держась за меч.

– Да кто же позволил торговых гостей обижать? – Светловой и сам возмутился, опомнившись от изумления. – У нас со смолятичами мир нерушимый. А ну!

При мягкости нрава его не упрекали в недостатке отваги, и Светловой, мгновенно собравшись с духом, выхватил меч. Приняв это за разрешение, Преждан с воинственным криком кинулся вниз по пологому берегу к тому месту, где прибило ближнюю ладью. Одним махом одолев отделявшие его от места схватки два перестрела, Преждан влетел в реку, взметая тучи брызг, загнал коня по брюхо в реку и врубился в гущу битвы. За ним подоспели остальные во главе с самим Светловым. До сих пор ему не приходилось участвовать в настоящем бою, не приходилось убивать, но он твердо помнил уроки Кременя. Жажда подвига, жившая в нем с самого детства, наполнила его силой и не оставляла места для робости.

Заметив новых противников, разбойники повернулись к ним. И крики изумления раздались над Истиром: у лиходеев не было лиц! Вместо лица у каждого была личина вроде тех, в каких волхвы на новогодье обходят огнища: раскрашенные берестяные с железными зубами в широкой пасти, сушеные овечьи, волчьи, козы морды с рогами, выкрашенными красным. Опешив в первый миг, отроки Светлова едва не подались назад. Только пример смолятичей, продолжавших рубиться, ободрил их. На речном песке и в мелкой воде виднелись тела убитых, на которых были такие же личины. Обратни это или духи, но они смертны. Опомнившись от первого удивления, речевины снова кинулись в битву. Видя помощь, смолятичи удвоили усилия, стали одолевать и сбрасывать в воду тех, кто сумел забраться на ладью. Отроки Светлова билась на берегу и в мелкой воде, встречая тех, кого смолятичи отгоняли от ладей.

Рубя мечом направо и налево, Светловой едва успевал оглядываться и совсем не думал об опасности. Незнакомое до сих пор ощущение битвы, когда волна ярости несет на гребне и не оставляет места страху, захватила и опьянила его, он сам себе казался сильным, неутомимым, как витязи древности, и он готов был рубить и рубить три дня и три ночи – как княжич Заревик в кощуне о битве со Змеем.

Вдруг кто-то обрушился на него сверху: один из разбойников прыгнул к нему на коня позади седла, мгновенно обхватил Светлова сильными руками и попытался сбросить на землю. Светловой едва удержался, ударил назад локтем, попытался развернуться и достать противника мечом, но тот сдавил его, словно кузнечными клещами, и кинулся на землю, увлекая за собой. Рядом послышался яростный и тревожный вскрик Преждана, меч голубой молнией взметнулся над самой головой падающего Светлова. И тут же сжимавшие его клещи ослабели и разжались, над ухом его раздался сдавленный рык, и в голосе этом было что-то настолько чужое, почти нечеловеческое, что Светловой на миг поверил – это и правда оборотень. А его противник, спрятавший лицо за сушеной рысьей мордой, уже катился по земле, ярко-алая кровь из раны на бедре заливала прибрежный песок. Обозленный нападением на

княжича Преждан пытался добить разбойника, но тот сумел раньше откатиться за труп убитого, на который и пришелся удар Преждана.

На песке виднелось с десятков тел убитых и раненых. Рослый, вооруженный тяжелой секирой «оборотень» с козлиной личиной громким грубым голосом выкрикивал какие-то приказы, и все его подручные, прыгая с ладей и лодок в воду, стали отходить к лесу. Отроки гнались за ними, Светловой скакал за самим козлиномордым предводителем.

Уже почти догнав его, Светловой поднял сулицу для броска, но тот вдруг резко обернулся и бросил в него остатком щита – тот был почти разбит, лишь три обломанные доски еще держались на ручке с умбоном. Не успев уклониться, Светловой от этого удара чуть не слетел с коня вторично: удар умбоном пришелся в лоб. Светловой покачнулся в седле, голову пронзила резкая боль, в глазах потемнело. Из всех сил вцепившись в поводья, Светловой придержал коня и уже не видел, куда девался его противник. Горячая кровь хлынула из раны, залила глаз.

Возбуждение битвы опало, разом навалилась такая усталость, что даже вздохнуть было трудно. Конь остановился, Светловой рукавом осторожно стирал кровь с лица, стараясь не задеть содранную кожу. В ушах звенело, перед глазами плыли то огненные, то сумеречные пятна, голова кружилась, и Светловой почти лег на шею коня, опасаясь упасть.

Битва на берегу уже была кончена. Оставшиеся в живых лиходеи поспешно скрылись в лесу, отроки Светлова пытались их преследовать, но от опушки вернулись, опасаясь стрелы из засады. На берегу осталось с десятков раненых. Двух пришлось добить, но пятерых отроки и смолятичи связали, наспех перевязав раны, чтобы пленники не истекли кровью. Были раненые и в дружине Светлова, но без убитых, к счастью, обошлось, лишь несколько коней оказалось потеряно.

Скоромет, озабоченно кусая губу, перевязывал голову Светлова рукавом, оторванным от рубахи. Княжич терпел, шепотом поторапливая отрока. Лихорадка битвы сменилась недоумением, хотелось скорее разобраться в произошедшем. Едва дождавшись, пока Скоромет закончит, Светловой снова поднялся в седло и поскакал к ладьям.

– Кто вы будете, добрые люди? – крикнул он, взглядом выискивая на ладьях старшего. – Вы из смолятических земель? Почему на вас напали?

– Да кто бы нам поведал почему, – ответили ему с ближней ладьи.

Взгляд Светлова задержался на одном из мужчин: тот был одет богаче других и держался уверенно, как привыкший повелевать. На вид ему было чуть больше пятидесяти лет, его темно-рыжая, как у большинства смолятичей, борода была прoderнута белыми нитями седины, а голубоватые глаза чуть навывкате холодно и твердо смотрели из-под тяжелых морщинистых век. Светловой сам не знал, почему обратил на него внимание. Лицо это показалось ему смутно знакомым, но он никак не мог сообразить, где его видел.

– Мы по торговым делам из Глиногора плывем, держим путь к Славену, – заговорил голубоглазый, перейдя по ладье ближе к Светловою. – Зла никому не сделали и не мыслили. В земле речевинов у нас врагов нет, и князь наш Скородум много лет живет в мире и дружбе с князем Велемогом, как раньше отцы их жили. И князю Скородуму очень не понравится весть, что для смолятических гостей небезопасно плавать по Истиру.

– Нет! – решительно ответил ему Светловой, подъехав к самой ладье, так что мог говорить с голубоглазым, не повышая голоса. – Князь Скородум не получит подобной вести. Когда камень станет плавать, а утиное перо тонуть, тогда Истир будет опасен для смолятических гостей и для всех добрых людей. Никто не смеет обвинять князя Велемога, что он не бережет покой в своей земле!

Голубоглазый окинул Светлова внимательным и холодным взглядом, приподнял брови в показном недоверии. Светловой вдруг ощутил неприязнь к этому человеку, который был ему обязан, быть может, жизнью, и внезапно усомнился: а стоило ли кидаться в чужую битву и подставлять под клинки свою собственную голову, не разобравшись, чья здесь правда.

Ну а если разбираться некогда?

– Кто ты такой, удалой витязь, чтобы говорить от имени князя Велемога? – спросил тем временем голубоглазый. – Ты храбро бился, ты помог нам и даже пролил за нас свою кровь – мы благодарны тебе за это и оплатим, как ты пожелаешь. Но не много ли ты на себя берешь?

– Не много! – Светловой выпрямился в седле, стараясь не хмуриться от дергающей боли во лбу под повязкой. – Я – сын князя Велемога. И я могу сказать от имени отца: никогда мы не допустим, чтобы Истир стал опасен для мирных гостей!

Голубоглазый помолчал, прежде чем ответить, пристальным взглядом обшарил лицо Светловой, словно искал что-то в его чертах.

– Вот оно что! – пробормотал он себе под нос. – Тогда прости мой вопрос, княжич Светловой, и прими еще раз мою благодарность! – громко сказал голубоглазый, но в его голосе не слышалось настоящего тепла. – Скоро я надеюсь быть в Славене. Пусть Велемог узнает от бывшего воина: он вырастил достойного сына. Ты позволишь нам плыть дальше?

Светловой хотел кивнуть, но не решился, боясь головокружения.

– Плывите, – стараясь скрыть боль и не кривиться, ответил он. – Ваши ладьи не сильно повреждены? В Лебедине вам помогут – вы скоро его увидите.

– Мы думаем ночевать в Лебедине, – сказал голубоглазый и кивнул на пятерых раненых лиходеев, лежавших на песке. – Не лучше ли тебе будет отдать нам пленных? Нам на ладьях будет легче их довести до Велемога. Они принадлежат тебе по праву, и я даю слово доставить их твоему отцу.

Светловой задумался ненадолго. Ему не хотелось возиться с пленными, которые в придачу все были тяжело ранены и не смогли бы даже сидеть на лошади, но отдать их в чужие руки хотелось еще меньше. Это была первая битва и первый полон, взятый им самим, и хотелось довести дело до конца: самому привезти их домой и поставить перед грозным и взыскательным взором отца.

– Видал, какие проворные! – проворчал рядом с ним Преждан. – Чужими руками...

– Спасибо за заботу! – ответил Светловой голубоглазому. – Мы сами взяли их и сами доведем до Славена.

Голубоглазый помолчал, прежде чем продолжить разговор, и только в этом проявилось его недовольство.

– А тебе не нужна ли помощь? – учтиво спросил он чуть погодя. – Ты ранен, а у меня есть умелый ведун.

– Нет, благодарю тебя. Назови твое имя, чтобы я знал, за кого получил рану.

Голубоглазый снова помедлил, как будто прикидывал что-то про себя.

– Мое имя – Прочен, – ответил он наконец и добавил, пристально глядя на Светлова: – Прочен из Глиногора. Может быть, ты еще и услышишь обо мне.

Поправив пострадавшие в битве снасти, смолятичи налегли на весла, и три ладьи двинулись вниз по Истиру. Кое-где в рядах весел заметны были промежутки: купеческая дружина потеряла несколько человек убитыми и ранеными, но все же ладьи могли плыть. Славенцы остались возле места битвы. Здесь же на песке валялись тела убитых разбойников.

– Закопать бы! – приговаривали отроки. – Не лежать же им тут! Упырями расплзутся. И откуда только взялись оборотни-то эти?

Расторопный Скоромет уже послал двух отроков на ближайшее огнище. Тем временем отроки пытались расспросить пленных, но те отмалчивались. Под сорванными личинами обнаружались обычные человеческие лица, угрюмые и замкнутые, ожесточенные поражением, перекошенные болью ран. Двое были без памяти.

– Ну, будешь отвечать? Кто такие? Говори, пока добром спрашивают! – требовал Скоромет.

Ни оружие, ни одежда пленников, лишённые украшений и племенных знаков, не говорили о них ничего.

– Да чего с ним! – Преждан грубо толкнул одного из сидящих на земле лиходеев.

Покачнувшись, тот злобно выбранился сквозь зубы.

– Дрёмич! – прислушавшись к его брани, с видом знатока определил Взорец. – Точно тебе говорю, дрёмич это. По говору слышно.

– А что вам говорили! – сурово сказал Скоромет. – Держимир дрёмический только и ищет, где что плохо лежит. Вот, грабить взялся! На нашей земле!

– Не на земле и не на нашей! – возразил Миломир, кивнув на широкое пространство Истира.

Здесь, в нижнем течении, Ствол Мирowego Дерева был так широк, что противоположный берег едва виднелся и лес на нем рисовался неясной зеленой дымкой.

Но его никто не услышал: дружина искала врага, и она его нашла.

– Ты погляди, собака! – сжимая кулаки, с трудом сдерживая ярость, Преждан остановился над одним из лежащих на песке разбойников.

Это был тот самый, что едва не погубил Светловоя, сушеная рысья морда валялась рядом с ним. Руки его были связаны, из раны на бедре сочилась кровь, и на песке темнела уже порядочная лужа.

– Перевяжите хоть как, а то кровью истечет до смерти, – велел Светловоя.

– Вот еще чего! – Преждан топтался на месте, едва сдерживая желание ударить ногой. – Да он же, гад ползучий, на тебя...

Разбойник лежал лицом вниз, и видны были только его черные волосы, заплетенные в косу длиной до лопаток. Услышав, что говорят о нем, черноволосый изогнулся, с трудом приподнялся, видно не желая встречать спиной ни брань, ни удары, повернулся к княжичу и сел. Это был даже не дрёмич, а выходец из каких-то совсем далеких земель – смуглый, с большими темными глазами и крупным, резко выдающимся вперед носом с горбинкой. На вид ему было едва ли больше двадцати лет, однако на его юном лице застыло замкнутое и враждебное выражение, губы были плотно сомкнуты. Боль от раны, которую он несомненно ощущал, на его лице никак не отражалась. Черные глаза смотрели на Светловоя с такой неприязнью, что княжичу стало не по себе. На него глядел тот самый «темный глаз», от которого предостерегают ворожеи. «Ну, убей меня!» – почти требовал этот яростный взгляд.

Светловоя отвернулся. Впервые в жизни он столкнулся с настоящей враждой и смертью, ему было не по себе, словно он сам в чем-то виноват. Кровь на песке так не сходилась с видом сияющего весеннего дня, что Светловоя хотелось просить прощения у Лады и Лели, хотелось, чтобы вся эта битва оказалась дурным сном.

– Не трогайте их, – хмурясь, велел Светловоя. – Сейчас ничего не добьешься, да и мало чести – увечных бить. В Славен отвезем, там и потолкуем.

– Вот это верно! – одобрили отроки. – Пусть сам князь потолкует – с ним-то не больно поупрямишься.

День клонился к вечеру, приходилось думать о ночлеге. Ближайший княжеский городок, Лебедин, остался далеко позади, и до темноты успеть в него было невозможно. Несколько тропок, в разных местах спускавшихся к Истиру, говорили о том, что близко есть жильё. Оставалось ждать, пока придут люди из ближних родов, и надеяться на их гостеприимство.

Светловоя сидел на песке, стараясь справиться с впечатлениями своей первой битвы. Осознавая произошедшее, он испытывал все большее разочарование. Усталость затмевала гордость победы, рана на лбу горела огнем, голова болела все сильнее, и в глазах темнело. Так вот как добывается ратная слава! Чему тут радоваться? Пятнам крови на песке? Забитым лошадям с распоротым брюхом? Пленным? Ненавидящий взгляд «черного», как прозвал его мысленно Светловоя, все еще стоял у него перед глазами и давил, как камень на груди. Светловоя было

неловко и горько, будто бы он сам привел в этот сияющий весенний мир Морену-Смерть и позволил ей торжествовать во владениях Лады и Лели. Да и отец что-то еще скажет? Наверняка ведь он что-нибудь сделал не так! Но что? Думать об этом сейчас не хотелось: на душе было слишком тяжело, а в мыслях смутно.

Поднявшись, Светловой сделал несколько шагов: поискать подорожника, чистой холодной воды. Кровь на лице засохла и стягивала кожу. Где-то неподалеку ему мерещился звон ручейка, и Светловой направился туда.

– Да куда ты? – обеспокоенно окликнул его Скоромет. – Сиди, найдем мы тебе подорожника! Вот Вихреца пошлю, он хоть папоротников цвет тебе найдет!

– Нет, я воды хочу, прямо из родника!

Отмахнувшись от Скоромета, Светловой пошел вверх по Истиру. Песня родника заманчиво журчала у него в ушах, и Светловой осматривал берег, жмурясь от боли во лбу.

Родничок нашелся перестрелах в трех от места битвы. Прозрачная струя впадала в Истир, вытекая из овражка на опушке леса. Светловой перешагнул через ручеек, встал на колени, нагнулся, зачерпнул ладонями воды и поднес ко рту. И вдруг в глазах у него потемнело, в голову ударила такая сильная боль, что он без памяти упал лицом в воду.

* * *

Очнулся Светловой от нежных, ласкающих прикосновений к лицу. Почему-то представилась птичка, голубая, с нежно-розовыми и светло-зелеными перышками; мерещилось, что она сидит у него на груди и поглаживает ему лоб и щеки пушистыми кончиками крылышек. Светловой не открывал глаз, боясь спугнуть ее. Голова его лежала как-то очень удобно и приятно – не на камне и не на земле. Рядом с собой он смутно ощущал чье-то присутствие, и ему было безмятежно хорошо, как младенцу на руках у матери.

– Как крепок бел-горюч камень, так крепок будь и ты, Воин Света, – слышался ему чей-то нежный голос. Временами он растворялся в мягком журчании воды, а потом опять выплывали слова: – Будь яснее солнышка красного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды. Как Истир чистый бежит-ярится, так пусть и кровь в тебе играет, беды и болезни прочь уносит...

Светловой слушал, не понимая и не стараясь даже понять, сон это или явь, и не желая просыпаться, если сон. Теплые волны ласково покачивали и несли его в светлую даль, словно дух уже вошел в вечно цветущий Сварожий Сад, и Светловой даже не удивился, почему голос берегини называет его таким именем – Воин Света?

Через некоторое время Светловой достаточно опомнился, чтобы все же задать себе вопрос, на каком же он свете. Кто ласкает его: птичка, река, берегиня... или живой человек? Светловой приоткрыл глаза... и тут же зажмурился снова, ослепленный красотой склонившегося над ним девичьего лица. Но и с закрытыми глазами Светловой продолжал ее видеть – ясные глаза, голубые, как весеннее небо, тонкие темные брови, красивые румяные губы, нежные щеки, золотистые волосы. Вокруг лица девушки разливалось сияние, от которого глазам было сладко и больно.

– Очнулся! – весело приветствовал его нежный голос. – Сокол ты мой! Ну, поднимайся!

Светловой снова приоткрыл глаза. Ласковые, но крепкие руки помогли ему подняться, Светловой сел, вцепился пальцами в траву и обернулся. Перед глазами у него все плыло, и он снова прижал ладонь к лицу. Но и в это краткое мгновение он успел заметить, что на траве рядом с ним сидит девушка небывалой красоты. Ему хотелось скорее разглядеть ее, и он с силой тер глаза ладонью, чтобы мир перестал кружиться. Отчаянно боясь, что сладкое виденье исчезнет, Светловой открыл глаза. Но девушка по-прежнему сидела на траве совсем рядом с ним. Ее длинные светло-золотистые волосы, разделенные прямым пробором, не заплетенные в косу, не стесненные очельем, свободно спадали до самой земли. К заходящему солнцу она

была обращена спиной, его красные лучи окружали всю ее фигуру, и от этого казалось, что она сама излучает розовый свет. Светловой смотрел ей в лицо и не мог насмотреться. Он забыл обо всем: забыл желтоглазую егозу из Ольховиков-нижних, забыл битву на реке и смолятинских купцов, забыл даже, кто он сам такой и куда ехал.

Не веря такому счастью, Светловой чуть было не поднял руку – потрогать, не блазень ли, – но вовремя опомнился.

– Ты кто такая? – спросил он у девушки.

Она ничего не ответила, только улыбнулась, склонив голову к плечу.

– Как тебя зовут? – снова спросил Светловой.

– Да как хочешь зови, – ответила она, и голос ее напоминал нежный звон капли. – У меня много имен. Кто я для тебя – то и имя будет.

– Ты – жизнь моя! – горячо ответил Светловой. – Ты – мой свет белый, другого не знаю!

– Зови меня Белосветой, – посмеиваясь, сказала девушка. От ее улыбки Светловая переполняло такое яркое счастье, что он с трудом вникал в ее слова. – А тебя я знаю. Ты – Светловой, Велемога и Жизнеславы сын. Я тебя давно видала... издали, вот ближе подойти не случилось. А сейчас сама не знаю, что со мной делается – как увидела я тебя на берегу, так и захотелось в глаза тебе заглянуть.

Она говорила, а Светловой смотрел ей в лицо, не понимая, как раньше мог жить без нее. От сидящей девушки на него веяло то ласковым теплом, то прохладной свежестью. По ее стану пробегала дрожь, как будто она зябла, и Светловой пожалел об оставленном где-то плаще, но она так же ровно и ласково улыбалась, не замечая ни холода, ни этой дрожи.

– Где же ты живешь? – спрашивал он и сам не знал, чего ждать в ответ. – Кто твой отец?

Нелепо было и думать, что это дочь оратаев – белые и нежные руки девушки вовек не знали тяжелой работы. Кожа ее казалась нежнее лебяжьего пуха, словно жаркое летнее солнце никогда не касалось ее своими лучами. Но и вообразить ее боярской дочерью, сидящей в тереме с вышиванием, Светловой тоже не мог. На ней была простая белая рубашка с пестрой вышивкой, цветы и травы в узоре перетекали один в другой. Светловой попытался взглянуть в узор, и тут же ему померещилось, что вышитые на подоле цветы задышали, закачались, как живые, оторвали лепестки от полотна, подняли головки, налились красками. Никаких украшений на девушке не было, да и зачем – никакие сокровища не смогли бы ее украсить свыше того, что было в ней самой.

– Где я живу? – повторила девушка, опять улыбнулась, склонив голову к плечу, будто задумалась. – Да здесь и живу! – Она подняла руки, как лебедь белые крылья, окинула взглядом берег, воды Истира, окрашенные багровым закатным пламенем. – Как придет срок, так я и здесь. Как выведет мой батюшка коня, как растворит матушка ворота, выпустит меня погулять во луга!

Она не то говорила, не то пела, в лад покачивая головой, поводя плечами, словно плясала. Светловой любовался ее сияющим лицом и ничего не понимал из ее речей, да это и не казалось ему важным. Важнее смысла были звук ее голоса, ее улыбка, само то, что она есть на свете.

Белосвета вдруг опустила голову, по плечам ее пробежала дрожь, лицо помертвело, как от упавшей тени. Светловой подался к ней.

– Что с тобой? – тревожно спросил он и взял ее за руку. Ее тонкие пальцы показались ему холодными, и он крепче сжал их, надеясь согреть. – Тебе холодно?

– Сейчас еще холодно...

Белосвета говорила медленно, как в глубокой задумчивости, словно забыла о Светловом и не замечала, что он держит ее руку в своей.

– Еще *она* близко... Оглянется – мне холодно...

– Кто она?

– Она... Старуха...

– Да какая старуха?

Белосвета так же внезапно вскинула глаза, и новый сноп голубых лучей ударил в лицо Светловую, так что у него захватило дух. Девушка казалась ему переменчивой, как тень плывущих облаков на бегущей воде, и тем сильнее ему хотелось узнать, кто она.

– Скоро Ярилин день! – быстрее заговорила Белосвета, и лицо снова прояснилось. – Тогда я буду хороша!

– Ты и сейчас лучше всех!

– Ты мне по сердцу пришелся. – Она ласково взглянула на Светловую. – Лучше тебя нет. Даже теплее возле тебя. В тебе сердце горячее такое... И собой ты хорош, и сердцем добр, и смел. Я ведь все видела – и как тебя по полю катали, – она засмеялась, глаза ее заискрились весельем, – и как ты в битву кинулся. Молодец ты вырос – я еще раньше знала. Давно.

– Как же ты давно знала – сколько же тебе лет? – не понимая, спросил Светловой.

На вид Белосвете было не больше шестнадцати лет – как же она могла что-то о нем знать «раньше», пока он еще не вырос?

– Просто – знала. – Девушка чуть повела плечом, словно сама удивилась.

– Может, ты чародейка?

В ней было что-то волшебное, этого нельзя было не заметить. Весенняя река, где под струйками прогретой солнцем воды проплывают прозрачные, не растаявшие еще тонкие льдинки... Ее пальцы, по-прежнему зажатые в руке Светловую, потеплели, словно откуда-то из глубины прихлынул внутренний огонь, и ее рука стала казаться горячей.

– Может, и так. – Белосвета снова улыбнулась. – А ты не боишься?

– Чего же бояться? – горячо ответил Светловой. Он боялся только одного – как бы эта встреча не оказалась сном. – Ты скажи: пойдешь замуж за меня?

– Замуж? – Белосвета удивилась, потом улыбнулась с нежным лукавством. – Замуж?

Немного подумав, она вдруг расхохоталась, как будто сама мысль об этом была неодолимо смешна. Но Светловую не было смешно – он ждал ответа, чувствуя, что от этого зависит все счастье его жизни. Узнав эту дивную красоту, он уже не знал, как сможет дальше обходиться без нее.

– Не знаю, что и сказать тебе, – с лукавым сомнением ответила девушка. – Никто меня покуда замуж не звал.

– Так я зову!

– Зовешь... – Белосвета опять задумалась, склонила голову к плечу. – Ведь если я замуж пойду, это уже не я буду...

– Со всеми же так, – растерявшись, ответил Светловой.

Каждая девушка, выходя замуж, теряет себя прежнюю и рождается заново, и не бывает ни одной, кто жалел бы об этом. Но Белосвета была не такой, как все.

– Так пойдешь? – настойчиво повторил Светловой, и сердце его замирало.

Казалось – откажись она, и мир обрушится, станет незачем жить.

– Не знаю, что и сказать, – с улыбкой повторила Белосвета. – У матушки спрошу. А теперь ступай, а то тебя товарищи обыскались.

Светловой поднял голову, огляделся, вспомнил об оставленных отроках. Казалось, весь этот день – ржаное поле, битва на реке – был когда-то очень давно, в другой жизни, в другом мире. И весь берег показался ему не таким, как был по дороге сюда, и зелень стала ярче, и цветы окрасились небывалыми красками и пахли слаще и душистее. Весь мир переменялся. И ни единого звука человеческого голоса не долетало сюда. Как же она узнала, что его ищут?

Белосвета поднялась с травы, и Светловой поспешно вскочил тоже, не выпуская ее руки.

– Куда же ты? – нетерпеливо спрашивал он. – Когда же мы еще свидимся?

– Свидимся? В Ярилин день я к вам в Ладину рощу приду, – пообещала Белосвета, отступая к лесу.

Не в силах выпустить ее руку, Светловой шагнул за ней. Белосвета улыбнулась, а потом быстро подалась к нему, поцеловала и отскочила, так что Светловой не успел ее удержать. А Белосвета легче птицы метнулась в сторону и мигом пропала из глаз, словно растворилась меж деревьев на другом берегу ручья.

Светловой остался стоять над ручьем, еще ощущая на лице тепло и нежность ее поцелуя, оглушенный, растерянный, так и не понявший, не приснилось ли ему это все. Тихо шумел на вечернем ветерке лес вокруг, ничто не намекало на присутствие человека. Светловой оторвал наконец взгляд от того места, где исчезла Белосвета, огляделся, не понимая, куда попал. Вспомнив, что перешагивал через ручей, он шагнул обратно и тут же услышал знакомые голоса отроков, звавших его.

Мир вокруг Светловоя принял прежние очертания – обыкновенный весенний вечер, красный отсвет заката на воде Истира, чернеющие заросли по берегам. Разом потемнело – на другом берегу ручья казалось светлее, а здесь, пожалуй, было уже начало ночи. Тянуло холодком, напоминающим, что еще не лето, что тепло только приближается к земному миру.

Словно проснувшись, глухо заняла рана на лбу. Светловой поднял руку, хотел поправить платок, которым его перевязал Скоромет, но полотно присохло, по лбу продернуло горячей болью. Значит, битва и рана ему не померещились. Долго же он был без памяти – совсем стемнело. Боже-Перуне, да один ли вечер прошел? Скажи ему сейчас кто-нибудь, что он пролежал на этой поляне целый месяц, Светловой не удивился бы. Придерживаясь за ствол тонкой березки, он потерянно огляделся, чувствуя себя беспомощным, заблудившимся. Вокруг простирался пустой темный берег, глухо шептала на лешачьем языке опушка леса. Нет здесь никакой Белосветы и не было. Не может быть. Таких не бывает. Светловой нахмурился от нахлынувшего чувства отчаяния. Не было ее, примерещилась. Но почему? За что ты со мной так, Лада Бела Лебедь? Подняв глаза к серому небу, Светловой то ли просил Княгиню Весны, то ли упрекал – но небо молчало.

Впереди на берегу замелькали огни, послышались голоса. Светловой узнал Скоромета с горящей веткой в руке.

– Княжич! Ну слава Перуну! – радостно закричал отрок и бросился к Светловую. – А мы тебя искали, искали! Где же ты был?

– Да здесь и был, – неуверенно ответил Светловый.

Он был так растерян, что ни в чем не стал бы клясться.

– Мы же тут проходили, искали тебя, – недоуменно отозвался Скоромет. Но ломать голову над непонятным было не в его обычае, и он заторопился: – Пойдем-ка на ночь устраиваться, Ольховики здешние челом бьют, просят к себе.

В окружении обрадованных отроков Светловый пошел вверх по берегу. При всем желании он не смог бы рассказать, что с ним случилось.

* * *

Еще издалека, с берега Истира, во тьме был виден огонь. Ольховики, уже знавшие о битве на реке, разожгли посреди двора костер и ждали княжича с распахнутыми воротами. Весенняя ночь пришла быстро, резко похолодало, и Светловый опять набросил на плечи теплый плащ. Его знобило отчего-то – Скоромет сказал, что от потери крови. Пусть так. Но Светловую казалось, что разлука с Белосветой затемнила и выстудила для него весь мир. Тепло, свет, радость она унесла с собой, а без нее земной мир был только холодом и тьмой.

В этот вечер он еще не знал, насколько прав.

На огнище Ольховиков его встретили суета и говор. Род жил небедно и мог без стыда принять даже княжескую дружину: между пятью большими избами виднелись конюшня, просторный хлев, откуда веяло теплым и густым коровьим духом, клеть из толстых бревен тер-

пеливо поджидала новый урожай. Женщины и девки бегали через двор к беседе, стоявшей у самых ворот тына, таскали охапки сена, меховые и шерстяные одеяла, овчины. Пахло жареным мясом – видно, ради княжеского сына Ольховики не пожалели зарезать кабанчика.

Раненых уже перенесли в беседу и уложили. Войдя, Светловой сразу увидел девичью фигуру, стоявшую на коленях возле одного из его отроков.

– Терпи – воеводой будешь! – услышал он бодрый грудной голос, показавшийся знакомым. – Всего-то ничего, царапина, у нас ребятня и то от таких не плачет.

– Так и я вроде пока слез не лью, – отозвался Миломир.

Он старался говорить спокойно, но дышал тяжело – у него была глубокая рана в предплечье. Рубаха на нем была разорвана почти пополам и держалась на другом плече, а висящая лохмотьями левая сторона была залита темной, уже засохшей кровью. На груди смутно поблескивал серебряный знак молота и чаши – знак Сварога, покровителя речевинов.

Рану Миломира перевязывала та самая желтоглазая девица, которую Светловой помнил по ржаному полю. Рядом с ней были разложены полосы чистого полотна и стоял крошечный горшочек, разрисованный волнами – узором Велы и Велеса, помогающих врачеванию. Перевязывая, девица придерживала край полотна зубами, но и тогда не переставала что-то говорить.

– Ничего, сокол ясный, скоро заживет, крепче прежнего будешь! – приговаривала она, и даже сейчас, среди раненых, голос ее звучал весело и задорно. Она не принимала всерьез кровь и боль, как будто сама никогда их не знала. – Ты хоть и боярич, а все роды человечьи из одной глины леплены, одним огнем обожжены! Как тебя звать?

– Миломир! – выдохнул отрок.

При свете веселого яркого огня в очаге ему хорошо было видно лицо девушки, янтарный блеск ее желтых глаз и широко улыбающийся рот. Все это отвлекало, и боль отступала, словно раздосадованная непочтительно веселым голосом желтоглазой. Прикосновение ее быстрых пальцев вливалось в кровь смутную дрожь, тепло бежало по жилам, дышалось легче.

– О, Матушка-Макошь, Улада-Благодетельница! Всему миру милый, а мне больше всех! Крепче дуба будь, а про злое забудь!

Кончив перевязывать, девушка вдруг неожиданно поцеловала Миломира прямо в губы и вскочила на ноги. Гордый боярский сын, не ждавший ничего подобного, покраснел и отвернулся в притворной досаде, на самом деле пряча усмешку. Ловкие руки и поцелуй насмешливой девки не оставили его равнодушным.

– А, княжич светлый пожаловал! – в тот же миг радостно воскликнула желтоглазая, заметив Светловую. – А я тебе что говорила – поедешь назад, к нам заглядывай! Тебе-то не надо ли чем помочь? Ой, да как же не надо! – ответила она сама себе. – А лоб-то? Ну-ка, иди сюда, тут посветлее!

Несмотря на боль, Светловой не смог сдержать улыбки. Девушка так смело распорядилась им, как будто не он, а она была княжьего рода. Светловую даже вспомнилась его старая нянька, вот так же звавшая его когда-то лечить содранные в детских играх коленки.

Девушка усадила его прямо на пол возле очага, где грелся на камнях горшок чистой воды, поставила рядом маленький горшочек с темной мазью. Светловой послушно подставил ей голову, и она принялась распутывать платок. Пальцы ее двигались смело и быстро: то она совала их кончики в воду, смачивала повязку, то вдруг быстро рванула, так что Светловой не успел и охнуть.

– У кошки боли, у собаки боли, а у княжича светлого заживи! – совсем по-детски приговаривала она, и Светловую было весело слышать ее голос.

В рыжей не было и десятой доли красоты Белосветы, но была какая-то особая жизненная сила, свежая и острая, как запах молодой липовой листвы. Эта сила плескалась через край и переливалась в каждого, кто был рядом, не убывая в ней самой. Так и каждый малый родничок – кого хочешь напоит, а сам не убавится.

Лизнув ладонь, девушка приложила ее к ране Светловоя. И боль, медленно угасавшая под ее руками, разом исчезла, словно задули огонек лучины. А девушка обмазала ранку темной мазью из своего горшочка – Светловоя узнал запах девясила – и принялась ловко обвязывать ему лоб чистым полотном.

– Заря-Денница, красная девица, выходи из злата терема, бери иглу серебряную, нитку шелковую, зашивай рану кровавую, запирай кровь горячую, – бормотала она, от усердия хмурия золотисто-рыжие брови. – Все, княжич светлый, как Заря на небо выйдет, так забудешь, где болело! – весело объявила девушка.

– Спасибо тебе! – ответил Светловоя, не очень-то в это поверив, но испытывая благодарность за доброе пожелание.

Ему подумалось, не завершит ли она и это лечение поцелуем, но она только задорно посмотрела на него и отошла. Ей бы это ничего не стоило, но красота княжича и его высокий род внушали ей некоторую робость – все же он не то, что все остальные.

– Меня поди полечи! – весело позвал Взорец.

– А у тебя-то что? – с задорным удивлением откликнулась девушка, мигом вскинув на него глаза, ярко блеснувшие янтарным светом.

– Сейчас поищу, авось найду чего! – Взорец, не вынесший из битвы ни одной раны, под смех товарищей принялся хлопать себя по бокам.

В беседу вошла женщина с тремя караваемы в руках, за ней три-четыре девушки несли горшки и кринки.

– Да уйди, бесстыжая! – зашипела женщина на желтоглазую. – Смеянка! Хоть перед княжичем род не позорь!

– А я раны заговариваю! – не смутившись, дерзко ответила девушка.

– Зубы ты заговариваешь! – крикнула молодушка. – Не слушайте ее! Княжич светлый, прости, она у нас непутевая такая!

– А ты, пава величава, попробуй как я! – Смеяна горделиво уперла руки в бока и вскинула голову. – Под ноги гляди – спотыкнешься, нос разобьешь, муж любить не будет!

– При княжиче постыдись! Пошла вон отсюда! – Старик, приведший Светловоя, замахнулся на девушку широкой ладонью.

Она ловко и привычно увернулась от подзатыльника, задорно глянула на Светловоя, насмешливо фыркнула.

– Оставь ее! – крикнул Светловоя. – Пусть свое дело делает!

– Дело! Делает! Вот наградила нас Макошь! – ворчала женщина, раскладывая караваи на столе. – Петь-плясать ловка, да не все девкам велики дни!

Однако Смеяну оставили в покое, и она пошла к другому раненому. Перед тем как наклониться, она весело подмигнула Светловоя. Задор играл в каждой черточке ее лица, а вопреки родичей скатывались с нее как вода с гуся. Светловоя невольно улыбнулся ей в ответ. Казалось, для нее не существует обиды и грусти – так, может, их и вовсе нет на свете?

Женщины уговаривали Светловоя поесть, подносили то одно то другое. Чтобы не обидеть хозяев, он поел немного хлеба со сметаной, но и за едой не отрывал глаз от Смеяны. Ее вздернутый нос пестрел веснушками, загорелые руки легко ворочали и подкидывали в очаг сучковатые поленья, на румяной щеке темнело пятнышко золы. Глядя на нее, Светловоя вспоминал Белосвету и все тверже убеждался, что она ему померещилась. Черты ее лица расплывались в его памяти, дрожали, как отражение в воде, помнилось только ощущение ослепительной красоты. Таких не бывает, живые девушки – такие, как Смеяна. Обыкновенные, земные, но надежные в самой своей обыкновенности. Они не расцветят лес и реку сиянием радужных лучей, но и не исчезнут внезапно, оставив только тоску по небывалому...

Справившись со всеми перевязками, Смеяна прошлась по клети, собирая и сворачивая окровавленные лоскуты, потом присела рядом со Светловоям.

– Ну что – не болит? – спросила она, лукаво поглядывая на него.

От ее взгляда Светловую сделалось весело, тоска по красоте Белосветы отступала. Ну ее совсем, эту призрачную красоту, когда рядом есть другая – настоящая, живая и горячая.

– Видно, крепкие ты слова знаешь – любую хворь прогоняют! – с ласковой благодарностью глядя на нее, ответил Светловой.

Смеяна встретила его взгляд и вдруг опустила глаза. Княжич был слишком хорош, слишком красив и приветлив, ей не верилось, что такие бывают на свете.

– Тогда о чем загрустил? – негромко, чтобы не слышала родня, спросила она.

– Сильно меня тот козлиномордый щитом в лоб угостил – мороки замучили!

Светловой попытался усмехнуться, но сияющее лицо Белосветы вдруг встало перед ним, заслоняя Смеяну, и снова стало больно от мысли, что такая красота – только мечта. Наигранная бодрость таяла и отступала под натиском глупой тоски по тому, чего не было и не могло быть.

– Какие такие мороки? – Смеяна серьезно посмотрела на него, и без улыбки ее лицо со вздернутым носом и широким ртом показалось Светловую совсем некрасивым.

– Привиделась мне девица красоты небывалой, как сама берегиня, – со вздохом признался Светловой. – Будто на ручье пришла она ко мне и со мной говорила...

– О чем? – спросила Смеяна, стараясь подавить вспышку глупого чувства ревности.

– О чем... не помню. – Светловой слегка повел плечом.

В его памяти мелькали обрывки речей Белосветы, но их смысла он вспомнить не мог. Да, может, его и не было? Во всяком ее слове была какая-то странность, которой Светловой тогда не замечал, но заметил сейчас. Во сне тоже не осознаешь происходящих странностей – они делаются заметны только после пробуждения.

– Думаю, может, это берегиня была?

– Макошь и Велес с тобой, княжич светлый! – с шутливой озабоченностью сказала Смеяна и сотворила знак Молота и Чаши у себя на груди. Подумав, она осенила им же лоб Светловую, и он улыбнулся, опять вспомнив свою старую няньку. – Какие тебе берегини – месяц травень на дворе. Раньше Ярилина дня не будет тебе берегинь. Да и после – не дай тебе Лада с ними встретиться! Ты собой хорош, как солнышко ясное, – уведут они тебя с собой, запляшут, заморочат, и совсем про... Ну их совсем!

Светловой вздохнул.

– У нее волосы светлые, до колен, не меньше, щеки румяные, глаза как небо весеннее, брови темные. И лицо будто сияет – глаз не отвести. Ведь не может быть красоты такой... – промолвил он с тайной надеждой, что Смеяна возразит ему, скажет, что у них в округе есть какая-нибудь необыкновенная красавица, что, как в сказании, простого рода, но достойна стать женой князя – за красоту...

Но Смеяна молчала. Уронив руки на колени, она не сводила глаз с лица Светловую, и в горле ее стоял плотный ком, мешал вздохнуть. Сам Светловую казался ей милее Ярилы, от красоты его ясного лица с налетом печали щемило сердце. Словно с земли смотришь в Сварожий Сад, на миг растворивший облачные ворота, и знаешь, что тебе туда не дойти. Темные ровные брови так ярко оттеняют голубизну глаз, в каждой его черточке, в каждом мягком волоске таится особый свет; Смеяне хотелось смотреть на него без конца, любоваться, как любят радугу в чистом голубом небе. Князя Велеславичи ведут свой род от самого Сварога – чему же тут удивляться? И не ей, простой девке, мечтать о нем. Все так – но Смеяне было больно думать, что он любит другую.

Светловой замолчал и вопросительно глянул на нее. И в глазах его были такая грусть и надежда, что Смеяне захотелось хоть из-под земли достать эту красавицу – только чтобы он был счастлив. Но где ее взять?

– У нас краше Верёны не найдешь, – с сожалением качнув головой, ответила она. – Вон она, Верёна, ты ее в поле видал.

Смеяна кивнула на одну из девушек, резавших сыры и хлеб у стола. Верёна и правда была хороша – статная, с пышной грудью, с двумя толстыми русыми косами, большими карими глазами под густыми и длинными черными ресницами. Сорочка, белая и опрятная, было украшена искусной вышивкой, очелье сидело ровно, привески-заушницы поблескивали чистым серебром. Невеста была на зависть.

– Почем невест отдаете? – спросил у старейшины Скоромет.

Сидя у стола, он любовался стройной и статной фигурой Верёны.

– Дорого! – горделиво ответил Варовит. – Наши невесты славятся, за ними издалека ездят. Да эта почти сговорена – на Купалу и свадьбу будем играть. Парень есть хороший у нее, Заревник, и близко – из Перепелов, чуть ниже по Истиру.

– А ты чего там засиделась? – вдруг бабка Гладина заметила Смеяну возле княжича. – Чем сидеть, лучше ступай полон перевязывай! А то помрут у нас тут, чего доброго! Потом их, упырей, не выживешь! В клетки они. Ступай!

– Ступай, ступай! – подхватил за женой и Варовит.

Казалось, старейшина был рад ее спровадить.

Смеяна неохотно поднялась:

– Княжич-то удал – большой полон взял! Сколько ж их у вас?

– Да восемь голов... – начал Скоромет и вдруг запнулся, виновато дернул себя за вихор на затылке. – Прости уж, княжич. Такое дело вышло... Пока мы тебя искали, один лиходей-то у нас сбежал. Вязать нечем было, да я думал, не уйдет, у него нога поранена.

– Помнишь, черный такой, как грач? На тебя еще прыгнул? – добавил Преждан. – Вот он и сбежал.

– Сохрани Свароже! – Варовит пальцем нарисовал у себя на груди знак Молота и Чаши. – Да он ведь у нас в лесу и будет бегать!

– Ой, страх-то какой! – насмешливо фыркнула Смеяна. – Это ему, что ли, полноги отрубили?

Варовит замахал на нее руками:

– Иди, иди! Без тебя обойдемся.

– Только гляди – лиходеям не скажи, что он сбежал! – поспешно предостерег ее Скоромет. – Я им сказал, что он помер. Нечего. А то и другим будет охота бегать...

А Смеяна вдруг нагнулась к Светловой и шепнула, горячим дыханием обдав ему щеку:

– Я тебе помогу! Я узнаю, кто тебе встретился!

– Чего ты там бормочешь, непутевая! – со всех сторон закричали на нее родичи. – Собралась – так ступай! Умеешь лечить – так лечи, хоть какая польза будет!

Смеяна отскочила от Светловой и мигом исчезла за дверью. И все, от княжича до лежащего Миломира, проводили ее глазами. Она ушла, и в беседе как-то потемнело. Может, просто дрова прогорели.

– Что это она у вас... не такая? – спросил Светловой у старейшины, когда за Смеяной закрылась дверь.

Он все смотрел, словно хотел через дверь еще что-то увидеть, и не сразу подобрал слова. Все Ольховики были русоволосы и кареглазы, а Смеяна со своими желтыми глазами и веснушками на вздернутом носу казалась среди них чужой.

– А! Наградили боги! – Варовит сразу понял его и махнул рукой. – Беда, а не девка! Ни прясть, ни ткать, ни шить! Все из рук валится! Сено ворошить, жать, полоть едва оглоблей загонишь! Зато из лесу не дозовешься. Грибы, ягоды, травы, корешки искать – она первая искусница. И ведь не знает ничего – а как собака, понюхает да выбирает. А спросишь, почему сия трава, а не другая, – не знает. Раны и хвори всякие заговаривать ловка – рукой иной раз по синяку проведет, и нет, будто не бывало. Кто с зубами мается – за двадцать верст к ней приезжают. Не поверишь – из Воронца один раз молодуху привезли. А по дому ничего делать

не хочет. Вроде не ленива – а и толку нет. Бабка ей невестино обручье дала только прошлой осенью, на девятнадцатом году – а то перед соседями стыдно. И как ее замуж отдавать – прямо и не знаем.

– Отчего же она такая?

– А она ведь не совсем наша. У нас в роду родилась, а кровь в ней неведомо чья. Мать ее к нам пришла уже тяжелой. Откуда пришла, почему от родни ушла – ничего не знаем. Она немая была. Пришла и так и осталась. Прежний ведун, что еще до Велема у нас жил, сказал, что зла в ней нету, мы ее и оставили. Она под Медвежий велик-день девчонку родила, а на другую зиму померла. А девчонка еще говорить не умела, а все смеялась. Так и называли Смеянкой. И по се поры все смеется.

Старик развел руками и вздохнул:

– Нравом не злая, веселая, бить вроде жалко. Ну да пусть ее! Она хоть и непутевая, а счастливая. Какую корову приласкает – у той молока вдвое.

Светловой осторожно потрогал повязку – не болело. «Скорее бы она возвращалась!» – вдруг подумалось ему о Смеяне. Может, она и правда сумеет узнать, что за берегиня повстречалась ему над ручьем.

И вдруг сама Белосвета как живая встала перед ним. Закрыв глаза, Светловой чуть не задохнулся от восторга, снова видя ее сияющие черты, мягкий блеск ее серебристых волос, небесный свет в глазах. Он ощущал сладкий запах цветов, чувствовал ласкающие прикосновения ее тонких пальцев. Беседа, дым очага, желтый свет лучин, запах мяса – все пропало для него, ушло, растаяло. Светловой видел вокруг себя сияние теплого и свежего весеннего дня, и солнцем этого дня была она – девушка, прекрасная, как сама весна.

* * *

Дождавшись, когда гости и хозяйка улягутся спать и огнище затихнет, Смеяна выскользнула из избы деда Добрени и неслышно метнулась к хлеву. Дверь скрипнула, но шагов девушки не было слышно. Кошка не могла бы пройти тише. И в темноте Смеяна видела не хуже кошки. Осторожно пробравшись вдоль стойла, где дышали восемь коров, она ступила на большую кучу сена в углу, встала на колени, потянулась, пошарила возле стены. Ее пальцы скоро наткнулись на чье-то мускулистое плечо.

– Брате! Даян! Проснись! – позвала Смеяна сначала шепотом, а потом и громче. – Ну, проснись, еще вся ночь впереди, успеешь отоспаться! Ну ты слышишь!

Она с силой потрясла спящего за плечо, и он повернулся.

– Ну чего тебе! – послышался из-под сена хриплый со сна голос. Молодой мужчина с сухими травинками в темных кудрях – точь-в-точь батюшка-овинник! – поднял голову и сел, моргая. – Ой! – вдруг воскликнул он. – Да у тебя в темноте глаза горят! Как у кошки!

– А ты только сейчас увидел? – Смеяна фыркнула и тихо засмеялась. – А я еще десять лет назад девчонок пугала по ночам. Подстерегу за углом или в сенях...

– Десять лет назад меня здесь не было! – Даян сел поудобнее и стал выбирать сухие травинки из волос и кудрявой короткой бородки. – Я еще у батюшки сухую ложку облизывал – восьмым после всех. Чего тебе надо-то? Или княжичу слишком много пирогов натащили, самому не съесть? Подмога требуется?

– Требуется! – подтвердила Смеяна. – Только не ему, а мне. Открой мне ворота.

– Да ты куда собралась? – удивился Даян. – Ночь на дворе!

– А был бы день, я бы тебя не звала, сама бы управилась. Да я засова не подниму. И как обратно пойду – отвори.

– Что же мне, полночи сидеть под воротами тебя дожидаться? – Даяну вовсе не понравилась эта просьба. – Не лето! Там холод не хуже, чем зимой! Ты, девка, не дури! Тебе погулять надобно, а я тут...

– Ну как знаешь! – перебила Смеяна и вскочила, не дослушав. – Обойдусь и без тебя! Только и ты, как тебе опять жена рожу расцарапает, без меня обходись! И на Перунов день стрелок не проси!

Она подалась к двери, но Даян вдруг схватил ее за щиколотку. Смеяна вскрикнула от неожиданности, чуть не упала на него, но взмахнула руками и удержала равновесие.

– Тьфу ты! Леший кучерявый! Лягни тебя лягушка! – негромко, но с большим чувством бранилась Смеяна. – Чтоб тебя граблями да по лбу!

А Даян только смеялся в ответ.

– Да ладно тебе, уже и обиделась! – сказал он, когда Смеяна немного выдохлась. – Ты прямо как боярышня! Да разве я когда тебе в чем не помог? Надо, так пойдем.

– Так бы сразу и сказал... – обиженно проворчала Смеяна.

Даян выпустил ее и поднялся, стал отряхивать сено с одежды. Уже не в первый раз он, поссорившись с молодой женой, ночевал в хлеву. Как и Смеяна, он не был родным Ольховикам по крови, а в род был принят благодаря женитьбе на одной из здешних девушек, Синичке. В роду Ольховиков он был больше всех дружен со Смеяной. Оба они знали, что ими род не гордится, и это сближало их.

– Потихе ты! Всех перебудешь! – кошкой шипела Смеяна названому брату, пробираясь от хлева к воротам через двор.

Собаки кинулись к ним, но узнали Смеяну и присмирели, как будто поняв, что шуметь не нужно.

– А княжеские-то дозора не выставили? – прошептал Даян.

– Нет, я посмотрела. Спят все.

– Спят! – Даян хмыкнул. – А лиходеи-то, что на реке были, вокруг бродят! Слышь, Смеянка, ведь что отроки говорили – дремичи на нашем берегу остались? Не ходить бы тебе...

Но Смеяна только отмахнулась. В лесу для нее не существовало опасностей.

У ворот Даян бесшумно поднял тяжелый брус, нажал плечом на створку, чтобы засов не стучал, и вынул его из скобы.

– Давай! – шепнул он, дав створке отойти самую малость, чтобы не заскрипела.

Смеяна неслышно метнулась в щель. Даян вдруг взял ее за плечо свободной рукой:

– А все же – куда собралась ночью-то?

– Нос прищемись! – дразняще шепнула Смеяна ему в лицо.

– Не пущу! – Даян грудью загородил щель. – Уж не к парню ли какому?

– А хотя бы! – ехидно ответил Смеяна.

Даян хотел что-то ответить, но не успел. Смеяна подалась лицом к его лицу и быстро укусила его за нос. От неожиданности Даян охнул, а Смеяна отпихнула его от створки, выскользнула за ворота и мигом пропала во тьме. Растаяла, как тень, даже трава не шуршала под ее легкими ногами.

Даян осторожно оттянул на место створку, заложил дубовый засов в железную кованую скобу – свое же собственное изделие. При этом он презрительно фыркнул, как будто Смеяна все еще могла его слышать. Усевшись на землю под тыном, он прислонился к бревнам спиной, потрогал нос, пожал плечами, усмехнулся, а потом вдруг вцепился зубами в рукав, чтобы не рассмеяться в голос.

* * *

Облака затянули луну, за тыном огнища царила густая, холодная весенняя тьма, но Смеяна хорошо знала дорогу. Миновав луговину и поле, где утром катали Светловая, она вошла в лес, где тесно перемешались сосны, мелкие березки, разлапистые елки, ольховые заросли. Ни в какую темень, ни в какой чаще, даже совсем чужой, ей не случилось заблудиться. Старшие учили ребятшек определять дорогу по солнцу, по коре деревьев, по муравейникам, по лишайникам на стволах – да мало ли других способов? Много, и наука не всякому покажется легка, но без нее никому нельзя – пропадешь, будешь блуждать по лесу, как слепой. Но Смеяна никогда не могла толком рассказать, почему выбирает эту дорогу, не смотрела ни на мхи, ни на солнце. Она просто знала – туда. Ей казалось, что какие-то глаза смотрят на нее из чащи, зовут, раздвигают ветки. И она шла, доверяясь зовущему взору этих невидимых глаз, и еще ни разу они не подвели ее.

Под горкой, возле ручья, стояла избушка. Крохотное окошко было изнутри задвинуто заслонкой, не выпуская запаха дыма; чужой человек, случись ему идти здесь ночью, прошел бы мимо избушки, приняв ее за пригорок. Но Смеяна, безошибочно найдя крылечко и дверную ручку из изогнутого корневища, без стука толкнула дубовую дверь и шагнула через порог.

Навстречу ей мигнули два ярко-зеленых огонька. Черный кот, совершенно не видный в темноте, бросился под ноги Смеяне и стал об них тереться, выгибая спину и высоко задрал пушистый хвост.

– Какой леший тебя принес? – послышался из темноты хриловатый мужской голос. – Ни днем ни ночью от тебя покою нет! Вот смотри – прикую тебя к прялке и не выпущу, пока...

– Да ладно тебе, дядька! – перебила Смеяна. – Не сердись. Тебе бы без меня скучно было. Другие-то к тебе по доброй воле не ходят.

– А мне и не надо никого... – проворчал голос.

В глубине избушки послышалось движение, скрип дерева, шарканье ног. Раздался глубокий вздох, словно сама темнота, разбуженная вторжением неугомонной Смеяны, втягивает в грудь воздух, чтобы выдуть прочь виновницу беспокойства. Взметнулось облачко золы над очагом, из-под пепла мигнули красным непогасшие угли.

Смеяна бросилась на колени возле очага и принялась раздувать огонек. Избушка осветилась. Кот ходил вокруг нее, терся боками о плечи Смеяны. С другой стороны от очага на полу сидел рослый мужчина лет сорока, темнобородый, с выпуклым высоким лбом и большими карими глазами навывкате. Волосы на его висках отливали рыжиной, борода вокруг самого рта тоже.

– Ты все спишь! – с упреком сказала Смеяна, видя, что он морщится от яркого огня. – Ты хоть знаешь, что у нас сегодня на реке делалось?

– Как не знать! – с насмешкой сказал ведун, быстро глянув на нее поверх низкого огня. – Ты ведь самого княжича в полон взяла.

– Да ну, ты скажешь – в полон взяла! – Смеяна хотела сказать это насмешливо, а получилось скорее жалобно. Она опасалась, что княжич взял в полон ее саму, и насмешка показалась не забавной, а горькой и обидной. – Ему бы самому побережться!

– А что так?

– Боюсь я, как бы его берегиня не заполонила.

– Берегиня? – Велем поднял брови, так что три глубокие продольные морщины на лбу уехали под самые волосы. – Да ты, рыжая, стала басни сказывать! Откуда же он ее взял в травень-то месяц? Я и то их еще не слышал.

– А я почему знаю? – с намеренной небрежностью отозвалась Смеяна. – Он про девку какую-то спрашивал, да так ее расписывал, что краше ее на всем свете нет.

– А тебе и завидно? – со снисходительной издевкой спросил ведун. – Не на тебя же ему смотреть, рыжую! Ты бы хоть кислым молоком умывалась, может, веснушек бы поменьше осталось!

– А я так нечисти не боюсь! – вызывающе ответила Смеяна. Веснушки никого не красят, но она не хотела этого признавать. – Она пока будет мои веснушки считать, забудет, чем навредить хотела.

Ведун хмыкнул. Его забавляла Смеяна, которую ничем нельзя было смутить или озадачить.

– Ну так и что? Чего тебе было ночью бегать?

– Дядька Велем! – просительно заговорила девушка. – Поворожи на эту девку! Кто она, живая или морок?

– Дела мне мало! – возмутился Велем и даже отворотился от Смеяны. – И ради этого ты мне спать не даешь? Ты смотри, девка! – грозно хмурясь, пригрозил он. – Я терплю, да вот возьму и превращу тебя в лягушку! Будешь у меня в горшочке сидеть да помалкивать!

– Жди! – дерзко крикнула Смеяна. – Я тебе тогда уснуть не дам! Всю ночь буду квакать!

– А вот не будешь!

– А вот буду! Буду, буду! – Смеяна замолотила кулаками по земляному полу, затрясла разлохмаченными косами. – Ты, дядька, со мной не ссорься! Ты лучше погадай – я сразу уймусь!

– Вот еще! Ради всякой блажи Высокий Мир тревожить!

– Да ты не можешь! – с вызовом воскликнула Смеяна. – Не сумеешь тебе, вот и отпираешься!

– Мне не сумеешь? – закричал Велем, возмущенный ее дерзостью. – Да ты помнишь, с кем говоришь? Быть тебе лягушкой!

– Не сумеешь! – не слушая, кричала Смеяна. – Это тебе не телушку заблудшую искать! Не рыбу с лягушками пополам в сети манить! Позабыл давешнюю уху!

– Да ты... – свирепо начал Велем, взметнув брови и швыряя глазами молнии в отблесках пламени.

На пять дней пути в обе стороны по Истиру не нашлось бы человека, которого не бросило бы в дрожь при виде гнева ведуна. А Смеяна вдруг задорно сощурила глаза и рассмеялась. И Велем остыл, словно устыдился шумной ссоры.

– Мужа тебе рябого! – от всего сердца пожелал он. – Плюнуть бы, да огня стыдно. А тебе зачем про эту девку знать?

– А любопытно! – ответила Смеяна, точно это было самое надежное основание.

Она уже видела, что дело ее удалось и Велем согласен попробовать. Даже с ведуном можно совладать, если взяться умеючи.

– Да как же я на княжича стану ворожить? Был бы он сам здесь...

– Врешь, дядя, да не обманешь! И я знаю – не надо его самого. У меня вот что есть.

Смеяна извлекла из-за пазухи туго свернутый платок, которым Скоромет на берегу пере-взывал лоб Светловою. На тонком белом полотне темнело засохшее пятно крови, к которому пристало несколько золотистых волосков.

– Чтоб тебя кикиморы щекотали! Вот сядет на шею полудянка, так узнаешь! – Ворча, как глухой дед, Велем встал и ушел в темный угол избышки. – Сама за водой пойдешь!

– Пойду, пойду! – примирительно отозвалась Смеяна. – Кринку давай.

– Сама возьми. Чай, знаешь, где что.

Смеяна подхватила с полки в углу кринку из красной дебрической глины и мигом исчезла за темным порогом. Черный кот метнулся за ней. А Велем вернулся к очагу и снова сел, осторожно поставив рядом с собой на пол большую глиняную чашу с широким горлом. Через равные промежутки на ней было три маленьких круглых ручки, а полоса вокруг горла была

покрыта тонким сложным узором. Полоса была поделена на двенадцать частей, и в каждой части был нанесен знак одного из двенадцати месяцев. Это была священная чаша гаданий и заклинаний, малое подобие Чаши Годового Круга, которую хранит сама Мать Макошь.

Смеяна вернулась мгновенно – другой бы и светлым днем не обернулся к ручью и обратно так быстро, как она темной ночью. Кринка была полна воды, и Смеяна сама, не дожидаясь указаний, перелила воду в чашу.

– Отойди! – буркнул Велем, глянув на нее исподлобья. – Не лезь под руку.

Не возражая, Смеяна послушно отошла в самый дальний угол и села там. Добившись своего, она стала удивительно тиха и послушна. Для нее пришло время молча смотреть и ждать. К ворожбе у нее было способностей не больше, чем к рукоделию. Ее искусство врачевания было основано не на премудрости, перенятой ученьем, а все на том же лесном чутье: знаю, что надо делать так, а почему – не знаю. В руках ее жила целящая, животворная сила, но сама Смеяна так же мало могла на нее повлиять, как на свои веснушки. Она дружила с ведуном только благодаря своей смелости и любознательности, а вовсе не потому, что он готовил ее в преемницы себе – хотя все в волости ждали именно такого исхода их дружбы. И Велем никогда не сознавался, что присутствие Смеяны придает ему больше сил для ворожбы.

Не отрывая глаз от поверхности воды в чаше, Велем ждал, пока она успокоится. Сам его взгляд, тяжелый, осязаемый, умирал воду, и она быстро затихала. Смеяна из своего угла смотрела затаив дыхание. Она давно смирилась с тем, что сама никогда не научится ни прясть как следует, ни ворожить, но чужое искусство восхищало ее и завораживало. Раз за разом она наблюдала ворожбу Велема, вглядывалась в его лицо и действия рук до боли в глазах, все пыталась поймать ускользающую тайну общения с Надвечным Миром. Иногда ей казалось, что тайна эта близка, вот-вот кто-то окликнет ее из-за Синей Межи, и голос этот будет понятен ей. Но чаще всего это бывало в лесу, когда она шла от избушки ведуна домой. И песни леса радовали ее одну – она не сумела бы перевести их на понятный людям язык и заставить послужить всему роду. А значит, какой в них толк? А никакого, баловство одно.

– Вода темна, Бездна глубока, – глухо забормотал Велем. Слова его заклятий были просты, но в каждое слово его низкий невнятный голос вкладывал огромную, непостижимую и неодолимую силу. – Огонь ярок, уголь жарок.

С этими словами он прямо рукой взял с очага пылающий уголек и опустил его в темную воду. Уголек яростно зашипел и погас, канул во тьму. Так искры Огня-Сварожича пропадали в Бездне перед началом мира. В те безначальные времена, пока Сварожьим молотом не был еще создан белый свет.

– Уголь проглоти, мне тьму освети, – бормотал Велем.

Глаза его выпучились больше обычного, взор застыл.

Смеяна почти перестала дышать, крепко прижимая к себе черного кота. Выйдет, не выйдет? Вода в чаше начала бурлить, сначала тихо и медленно, потом быстрее. Над широким горлом поднимался легкий пар. Вдруг в прозрачных клубках мелькнуло что-то живое. Вода успокоилась. Из глубины чаши показалась голова огромной черной жабы. По размеру эта уродливая голова с частыми пупырышками была не меньше головы кота. Огромные, широко раскрытые, ярко-желтые глаза жабы смотрели прямо в глаза Велему.

– Вела-матушка! – глухо, почти не разжимая губ, забормотал Велем. – Хозяйка Волны! Покажи мне путь Светловая, Велемогова сына.

Медленно подняв руку, он бросил в чашу тонкий светлый волос. Голова жабы еще какое-то мгновенье помедлила, а потом тихо погрузилась во мрак и исчезла.

Поверхность воды затуманилась и засеребрилась, как тонкий гладкий лед. Потом на ней возникла та полянка возле ручья, словно была где-то поблизости и только ждала знака, чтобы появиться. Брови Велема дрогнули: такая быстрота насторожила его и послужила первым намеком на ответ. Склоняясь над чашей, Велем видел полянку и Бычий ручей, видел Светло-

воя и рядом с ним... Нет, это не была девушка, это вообще не было человеком или каким-то иным существом. Над травой рядом с сидящим Светловым парило облачко полупрозрачного золотистого света, полное радужных переливов. Глазам стало нестерпимо больно. Велем отшатнулся от чаши, жмурясь и прижав к глазам ладонь. Но и за это краткое мгновение он успел увидеть и понять главное.

Смеяна молча ждала, не решаясь даже задать вопрос. Наконец ведун крепко потер лоб, словно хотел разглядеть глубоко врезанные продольные морщины, провел ладонью по бороде, в которой наверняка теперь появятся седые волоски. Общение с Надвечным Миром не проходит даром. Юный княжич, спящий на огнище Ольховиков и видящий во сне свою любовь, сам еще не знает, какие огромные силы протянули к нему руки.

– Ну что там? – подобравшись поближе, нетерпеливо шепнула Смеяна. – Что ты молчишь? – с тревогой повторила она. – Я ему обещала узнать, что за девица ему встретилась. Что я ему скажу? Что ты видел?

– Ничего я не видел! – вдруг отрезал Велем, и Смеяна с изумлением поняла, что он лжет.

Ведун хмурился и не поднимал на нее глаз, а Смеяна потрясенно хлопала ресницами. Что же такое он увидел, если даже рассказать не хочет?

– Ничего я не видел! – с напором повторил Велем в ответ на ее молчаливое недоверие. – Так и ему скажешь. Не было никакой девки. Померещилось ему! Сперва по лбу щитом ударили, потом вода холодная – еще и не то привидится! Отлежится – пройдет! Поняла?

Велем бросил на Смеяну хмурый взгляд исподлобья. Он понимал, что не проведет ее, ему было стыдно за эту ложь, но он твердо держался правила не вмешиваться в дела Надвечного Мира, недоступные его разумению. А это как раз и было такое дело.

– Ну да! – со смесью неуверенности и готовности согласилась Смеяна и фыркнула в кулак.

Это объяснение ей понравилось, и очень захотелось поверить. Примерещилось! Не было никакой девки! Никакой! И слава Ладе Белой Лебеди! Нам никого и не надо! Мы и сами хороши!

– Да ты сама-то на княжича глаза не пяль! – приходя в себя, бросил Велем. – Не по тебе дерево, и голову дурью не забивай!

– Да я не... – с горячим возмущением начал Смеяна.

– Слушай! – грубо перебил ее Велем, и она замолчала: в пронизательности ведун ей не уступал, и ей тоже было его не обмануть. – И думать не смей! Лучше вышивать учись, да вышей рубаху берегиням, да повесь в Ярилин день на березу, да попроси себе личика поприглядней да жениха доброго...

– Да ну тебя! – Смеяна небрежно отмахнулась.

Об этом она слышала не в первый раз.

– Чего да ну! Замуж выйдешь, будешь как все...

– Да где уж мне! – Довольная Смеяна вскочила на ноги и повернулась, притоптывая, подражая хороводным пляскам: – Я еще похожу, себе ладу погляжу!

Велем безнадежно махнул рукой и отвернулся.

* * *

Утром Светловой проснулся от шума шагов и голосов. Насмешливо-ласковый женский голос приговаривал и напевал что-то, вытягивал Светловую из сладкого сна, полного радужного сияния. Приподняв ресницы, Светловой увидел гибкую, по-кошачьи ловкую девичью фигуру в небеленой рубахе: она скользила по клетке, как солнечный луч, склонялась то к одному отроку, то к другому. Светловой сел на лежанку и сразу встретил взгляд Смеяны. Легко просочившись через общую суету, она подошла и присела рядом. В ее желтых глазах прыгали задорные искры,

в чертах лица дрожал смех, каждое движение дышало бодростью, и Светловой вдруг ощутил прилив сил, как будто глотнул живой воды.

– Как спал, княжич светлый? – весело спросила она. – Дай-ка я развяжу!

Светловой подставил ей голову и приготовился терпеть, когда она будет отрывать присохшее к ране полотно. И вдруг Смеяна бросила ему на колени повязку с несколькими темными пятнами. Ничего не чувствуя, Светловой поднял руку и осторожно провел пальцами по лбу. Там, где вчера болела глубокая рваная царапина, сегодня оказался тонкий шрам над бровью, гладкий, как будто прошел не один месяц.

– Да как же так? – Светловой в изумлении вскинул глаза на Смеяну.

А она расхохоталась, как будто сама подстроила что-то забавное:

– Я-то тебе что говорила? Как Заря на небо выйдет – забудешь, где болело!

– Да у тебя руки золотые!

– Что ты говоришь? – в притворном изумлении Смеяна протянула к нему свои загоревшие ладони.

А Светловую вспомнились руки Белосветы, нежные и белые, как лебединый пух. Улыбка исчезла с его лица, и он вопросительно взглянул на Смеяну.

– Ну что – узнала? – вполголоса спросил он, вспомнив ее вчерашнее обещание.

Он хотел придать вопросу вид шутки, но сердце его замерло в ожидании ответа. В душе билась сумасшедшая надежда – а вдруг Белосвета все же не привиделась ему? А вдруг она есть на свете, эта волшебная красота? С ней весь мир изменится, станет богаче и мудрее, золотой Сварожий Сад приблизится к земле...

Смеяна вздохнула. Зря все-таки она ввязалась в это дело, поддавалась глупому порыву помочь – на свою голову! Ей было больно видеть в глазах княжича отражение любви к другой.

– Узнала, – шепнула она, быстро глянула в глаза Светловую и отвела взор, снова вздохнула, собираясь с духом.

Лгать для Смеяны было то же самое, что ходить на руках. Но Велем же сказал, и не ей выше ведуна тянуться.

– Узнала, что морок тебя одолел, княжич светлый. Ведун в чаше ворожил – не видел никого. Блазень один.

Светловой опустил глаза, стараясь скрыть тоску разочарования. Не было ее, Белосветы. Мир погас для него, словно из него ушла радуга или заря. А он чего хотел – красавицу лучше самой богини Лели? Не бывает таких... Он и не ждал ничего... Но как ни старался Светловой благоразумием обуздать тоску, душу заполнила тьма, как будто у него отняли самое дорогое.

Женщины звали отроков умываться, принесли полотенца, девушки уже раскладывали на столе еду.

– Смеянка! – крикнула одна из женщин. – Что ты опять к княжичу прилипла! Иди сюда!

Смеяна мгновенно отскочила от Светловы и бросилась на зов. Она была рада, что трудная беседа осталась позади, и понимала, что гостю сейчас лучше побыть одному.

Как же, дадут тут поразмыслить на воле!

– Ну что, княжич светлый, прикажешь коней седлать? – раздался голос Скоромета.

Светловой поднял глаза: отрок стоял рядом с ним, одетый и перепоясанный, с шапкой на голове, готовый в дорогу.

– Куда? – не сразу взяв в толк, спросил Светловый.

– Да за лиходеями теми, – пояснил Скоромет.

– Ты уж нас не оставь, княжич, выведи их из наших мест! – поклонясь, подхватил Варовит. – Что же, так и будут дрёмичи по нашим лесам разбойничать?

– Ах да! – спохватился Светловый и погладил шрам на лбу.

То ли из-за девушек, то ли из-за раны, но он забыл о самом главном: о необходимости покончить с разбойничьей ватагой. Светловую стало стыдно, что он забыл такую важную вещь.

Вскочив, он торопливо затянул пояс, краснея при мысли, что сказал бы отец, узнай он о такой промашке сына. Прогоняя прочь тоску, Светловой старался сосредоточиться на деле, привести мысли в порядок.

– Я вам мужиков и парней кое-кого в провожатые дам! – обрадованно говорил Варовит. – Покажут вам и тропы, и броды.

– А полон куда будем девать? – спросил Скоромет.

Светловой вопросительно посмотрел на Варовита. Везти с собой по лесу раненых дрёмичей не хотелось. Но старейшина решительно замотал головой.

– Нет, княжич светлый, ты их полонил, ты и держи. А ну как лиходеи за своими вернутся? Спят мне все жилье, весь род перебьют. Нет уж, не огневайся!

– Да где ты видел, чтобы лиходеи за своими возвращались? – спросил Скоромет, которому очень не хотелось таскать с собой такую обузу. – Там же одни изгои, без роду без племени, им бы свою шкуру спасти!

Но Варовит непреклонно качал головой:

– Я про их порядки знать ничего не знаю, а у меня род на плечах – свое и берегу!

– С собой возьмем, ничего! – сказал Преждан. – Сохраннее будут.

Провожаемые поклонами и благими пожеланиями хозяев, Светловой и его дружина выехали с огнища. Впереди скакали четверо мужчин-Ольховиков, посланных Варовитом в проводники. На крепкой гнедой кобыле ехал широкогрудый парень лет шестнадцати, а за его спиной устроилась Смеяна.

– Лесовицу свою вам даем! – усмехаясь в бороду, сказал Варовит Светловую. – Лучше нее никто в лесу дороги не сыщет!

Поглядывая на ее загорелые крепкие ноги, видные из-под подола рубахи, отроки поддразнивали Смеяну, перебрасывались шуточками, на что она отвечала тем же, задорно и без смущения улыбаясь всем подряд. Только Скоромет хмурился: рыжая егоза любой поход способна превратить в купальское игрище.

* * *

Нетрудно было догадаться, что дрёмические лиходеи будут уходить через Истир на свою землю и неминуемо выйдут к берегу. Разделившись на две половины, дружина Светлова направилась от Бычьего ручья вверх и вниз по течению. Смеяна ехала с той половиной, где был сам Светловый, и первой заметила на прибрежном песке отпечатки множества ног.

Спешившись, славенцы осмотрели следы. Несомненно, это они и искали. Около двух десятков человек побывало здесь ночью: весь берег был истоптан, на песке темнело несколько подсохших пятен крови. Должно быть, здесь перевязывались те, кто был ранен легко и смог уйти на своих ногах.

Заметив на песке отпечатки днища сначала одной лодки, потом другой, Светловый вздохнул с досадой. И как он вчера не подумал! После битвы на реке никому не пришло в голову собрать лодки дрёмичей, в которых они напали на смолятинские ладьи, и ничто не помешало тем отыскать свои лодки ночью и уплыть на дрёмический берег.

– Точно, уже там! – говорил Взорец, приложив ладонь ко лбу, чтобы не мешало солнце, и вглядываясь в противоположный берег. – Вон там два челнока.

Скоромет тяжело вздохнул, и вздох его был красноречивей целой кошуны. Князь их не похвалит: благополучный уход разбойничьей ватаги значительно обесценивал вчерашнюю победу. И не обещал ближним речевинским родам будущего спокойствия: разбитые вчера, лиходеи смогут вернуться завтра.

– Ну что, надо домой поворачивать! – с деланой бодростью сказал Миломир, подводя бесславный итог, и вопросительно посмотрел на Светловоя. – Прикажи трубить: позовем Преждана, да и к Славену...

Светловоя молча кивнул: на душе у него было пасмурно, но иных предложений не находилось. Искать лиходеев на том берегу было бы и глупо, и опасно: дрёмический князь Держимир никому не дает ступить на свою землю без позволения.

– А что, если и нам – туда! – Взорец азартно мотнул головой на Истир. – Им, стало быть, к нам можно...

– Помолчи! – перебил его Скоромет. – Еще нам чего не хватало! Дрёмичи – все разбойники, от самого князя начиная! Вот им и можно! А нам если – так это целый поход, война настоящая! Это князю решать, не тебе!

Смеяна сидела на зеленом пригорке, жалея о промашке княжича. Не вышел их поход, не удалось ей ничего необычного увидеть – враги подвели, сбежали...

Вдруг она вскочила на ноги и смешно дернула носом, принюхиваясь. Это у нее вышло настолько по-звериному, что отроки засмеялись, но у многих мазнуло холодом по спине.

– Стойте! – Смеяна замахала обеими руками, ее румяное лицо стало так серьезно, что даже веснушки побледнели. – Помолчите!

Отроки молчали, выжидательно глядя на нее, а она прислушивалась и принюхивалась, быстро вертя головой. Шум леса нес ей непонятное, но резко-тревожное предчувствие: где-то рядом была опасность. Смеяна верила своим предчувствиям, но сейчас не знала, как их истолковать. Из леса ощутимо пахло чужими. Но где они, что делают? Изю всех сил Смеяна пыталась разобраться в своих ощущениях, отчаянно злилась на свой бестолковый дар. Велем бы со своей чашей быстро разделался! А она хуже собаки: и сама не знает, что такое ей чудится.

– Нет, рано вам в Славен! – воскликнула она, быстро оглядывая настороженные лица отроков. – Видно, не ушли они! Я на нашем берегу чужой дух чую!

Руки отроков привычно скользнули к оружию. Преждан обернулся к лесу, шагнул к опушке, и вдруг из-под ветвей с коротким свистом выскочила стрела и ударила его в плечо. Преждан вскрикнул от неожиданности, в воздухе закружилось несколько березовых листочков, сорванных стрелой в полете. Отроки мгновенно вскинули щиты, закрываясь от новых стрел, выхватили мечи и бросились к опушке. Меж деревьями мелькнуло несколько фигур с личинами вместо лиц, и никто уже не удивился.

– Гром Перунов! – закричали в лесу дрёмический боевой клич.

– Молот и Чаша! Руби их! – крикнул Светловоя и метнулся к ближайшему из лиходеев, с берестяной личиной и козлиными рогами, выкрашенными в красный цвет.

Мигом вспыхнул вчерашний боевой азарт, негодование, жгучее стремление на сей раз довести дело до конца.

С занесенным для удара мечом Светловоя бросился к противнику, но тот отскочил назад и пропал за деревьями. Одним прыжком Светловоя влетел в прохладную тень ветвей, держа щит перед собой, и тут же ощутил сильный удар, чужой клинок звякнул по умбону. Метнувшись вперед, стремясь выбраться из заслонивших зрение ветвей, Светловоя увидел своего врага в нескольких шагах впереди: тот прижался к осине, и его серо-зеленая рубаха почти сливалась со стволом. Только краснеющие рога личины выдавали его, оскаленная пасть, казалось, щерила кривые черные зубы в ухмылке. «В прятки играет?!» – с изумленным негодованием мелькнуло в голове у Светловоя, но в это мгновение «оборотень» ловко метнул в него нож, так что Светловоя пришлось закрыться. Выглянув из-за щита, он увидел своего врага уже у дальнего дерева.

Вокруг них раздавались выкрики, резкий шорох веток, звон оружия, глухие удары железа о щиты и о стволы деревьев. Возле опушки лес был не очень густым, между серыми стволами осин и редкими, мелкими елочками было видно шагов на двадцать в глубину. Но драться здесь

было нелегко: лиходеи, одетые в серые, зеленые, коричневые рубахи, выскакивали из-за каждого куста, как лешие, их казалось много, гораздо больше, чем было на берегу. Отбиваясь то с одной стороны, то с другой, славенцы углублялись в лес, рубились между деревьями, задевая оружием стволы и ветки. А лиходеи ловко скользили меж стволами, то прятались, то внезапно выскакивали, как настоящая нечисть.

Берег возле опушки почти опустел: здесь остались только семеро пленных дрёмичей, раненый Преждан, Смеяна, двое провожатых-Ольховиков, да бродили брошенные отроками кони. Смеяна стояла на коленях возле Преждана; ей хотелось скорее бежать в лес следом за Светловоем, но она не могла бросить раненого. Ей еще вчера не понравился надменный и слишком самоуверенный боярич, но не пропадать же ему теперь! Кривясь не столько от боли, сколько от обиды, отрок прижимал ладонь к ране, в которой все еще торчала стрела. Сгоряча он хотел ее выдернуть, но Смеяна не позволила.

– Клешни убери, полоумный! – непочтительно кричала она, силой отдирая руку парня от раны. – Не смей! Стрелы с зазубриной, я вчера на берегу видела! Вырвешь себе мяса, не птицу же Нагай кормить собрался! Помрешь, дурак!

– Пусти! – грубо отвечал Преждан, пытаясь оттолкнуть настырную девку, встать и следовать за товарищами. – Не видишь – мне надо...

– Сиди! – Смеяна уже не шутя толкнула его в плечо, и он сквозь зубы взвыл от боли. – Ведь за первым кустом упадешь! Так со стрелой и побежишь? Дай хоть вытащу!

Боль заставила Преждана опомниться, и он сел на песок, но лицо его выражало твердое намерение ждать не больше трех мгновений. Смеяна рванула его рубаху на плече, осмотрела древко. Стрела вошла глубоко и пробила мягкую часть плеча, не задев кости. И то слава Велесу! Наконечник виднелся с другой стороны.

– Терпи! – сердито приказала Смеяна, обломала древко и потянула за наконечник стрелы.

Преждан резко скривил рот и зашипел. Хмуро сдвинув брови, Смеяна недрогнувшей рукой вытащила стрелу, бросила ее на песок и поспешно зажала рану ладонью. Кровь обильно стекала через ее пальцы и падала на песок.

– Вот, горе мое, навязался... – бормотала Смеяна, невольно подражая бабке Гладине. – Держи!

Отняв ладони от плеча Преждана, она поспешно задрала подол своей вздевалки, выхватила с пояса отрока нож и безжалостно отрезала от подола нижней рубахи длинную полосу. Ох, бабка и мамки не похвалят – так что же, дать ему, лося безголовому, кровью изойти? Закусив губу, она поспешно перевязывала, бормоча отрывочные слова заговора.

Вдруг Преждан дернулся, приподнялся, будто хотел встать. Взгляд его был устремлен мимо Смеяны куда-то на реку.

– Ты куда? – возмутилась Смеяна.

Преждан не ответил, но на лице его было такое изумление, что Смеяна, зажав в зубах конец льняной полосы, обернулась и посмотрела туда же.

Из-за берегового выступа показалась небольшая ладья, весел на шесть, и быстро приближалась к ним. В ней сидели дрёмичи, одетые в такие же серые и зеленые рубахи, но без личин. Преждан попытался встать, привычно шевельнул рукой в поисках оружия, но глухо застонал и осел снова на песок. Лицо его стало бледным до серости.

Ладья ткнулась носом в песок, дрёмичи попрыгали на берег и сразу кинулись к пленным. На Смеяну и Преждана они едва глянули. Быстро перерезав веревки, дрёмичи потащили своих к ладье. Один из них поднял руки ко рту и заревел оленем на гону. Весной этот звук казался неуместным и диким – как и все это зрелище, как фигуры ряженных с окровавленным оружием в руках.

Из глубины леса ответил такой же «олень». Дрёмичи расхватили весла, оттолкнули ладью, и она стрелой полетела через широкую реку к другому берегу.

Смеяна обернулась к лесу: шум битвы совсем затих, ветви качались на ветерке, листва тихо шумела. Из-за дерева выглядывало бледное лицо брата Кудрявца, дядьки Изнанца вовсе не было видно. Все было как всегда: ни людей, ни битвы. «Примерещилось!» – Смеяне вспомнился Велем.

Преждан рядом с ней шевельнулся, попытался встать, и Смеяна опомнилась.

– Сиди! – Она удержала его на песке, а сама встала на ноги, приложила ладони ко рту и закричала в лес: – Эй! Княжич! Люди добрые!

Никто ей не ответил. Смеяне стало страшновато: уж не перебили ли разбойники всех славенцев?

Ладья с дрёмичами уже была на середине реки. Теперь их и стрелой не достанешь. Обмениваясь бессвязными восклицаниями, Смеяна и Кудрявец вертели головами, лицо Преждана было искажено болью и бессильным отчаянием. А из-за берегового выступа выше по течению показалась еще одна ладья, большая. В ней было не меньше двух десятков человек, все в тех же серых и зеленых рубахах. Личины они сбросили на грудь, и Смеяна невольно вскрикнула: казалось, что это оборотни с двумя лицами.

А Кудрявец вдруг лихорадочно рассмеялся и сел на песок.

– Ты что? – Смеяна с возмущением обернулась к нему. – Может, они самого княжича зарубили, а тебе весело! Пойдем искать скорее!

– А если зарубили, так и надо дураку! – с юным презрением шестнадцати лет ко всякой ошибке отозвался Кудрявец. – Как щенков слепых дрёмичи славенцев обошли! Нарочно на берегу наследили, нарочно в лес заманили, а тем временем своих увезли! Ну был бы я княжич...

– Ты язык-то придержи! – хрипло рявкнул Преждан. – Куда тебе с ним равняться!

Кудрявец глянул на княжеского отрока, хмыкнул, но замолчал.

Дядька Изнанец наконец оправился от страха и выбрался из-за коряги, потирая то лоб, то спину.

– Ох, мудр наш отец Варовит! – бормотал он. – Ох и мудр! Лиходеи-то непростые оказались – вернулись-таки за своими! Оставь мы их на огнище – ох, что было бы!

– Да ладно вам! – хмуро воскликнула Смеяна. Она тоже понимала, что княжич отличился сегодня не лучшим образом, ей было обидно и стыдно за него. – Пойдемте-ка в лес покричим. А не то ведь заблудятся...

Кудрявец снова хмыкнул и встал с песка. Изнанец вздохнул, махнул рукой и направился к опушке.

* * *

Первый поход княжича Светлова вышел на редкость бесславным, и на огнище Ольховиков, где оставались их раненные вчера товарищи, отроки возвращались в понуром молчании. По десять-двенадцать лет их обучали всевозможным ратным премудростям старшие оружники Велемоговой дружины, отцы и кормильцы. Все они знали – а сами в первый же раз так опростоволосились! Отроки старались не глядеть друг на друга. Только Взорец, которого в Славене прозвали С-Гуся-Вода, продолжал поддразнивать Смеяну. Но она, глядя на хмурого Светлова, поскучнела тоже и не отвечала на шутки.

– Что-то я не слыхал, чтобы простые лиходеи своих отбивали, да еще у княжеской дружины! – хмурясь, бормотал Скоромет, словно хотел перед кем-то оправдаться.

Но и сам он понимал, что князя это не убедит.

– А ты подумай! – с вызовом ответил Миломир. Ему тоже было стыдно, и он очень сердился сам на себя, что не подумал раньше. – Кабы из наших кто в полон попал – ты бы не пошел их вызволять?

– Спрашиваешь! – обиделся Скоромет.

– Вот и думай! Ватага то была или...

– Или что? – спросил Светловой, впервые обернувшись.

– Или дружина! – уверенно ответил Миломир. – И не мне тебе объяснять, в чем разница!

Светловой не ответил. Он и сам отлично знал разницу между случайным сборищем ватаги, в которой у каждого на совести пятно от нарушенных законов рода, и дружиной, которая сама – единый род.

На огнище рассказ Изнанца и Кудрявца вызвал переполох. Варовит не раз похвалил себя за предусмотрительность, а Смеяна тем временем перевязывала новых раненых. Ольховики сновали вокруг с озабоченными лицами, и Светловую не хотелось задерживаться здесь. Не такие подвиги к лицу будущему князю.

Желая засветло добраться до Лебедина, Светловой сразу после полудня стал прощаться с гостеприимными хозяевами. Отроки во дворе седлали коней, все Ольховики высыпали их провожать. Уже готовясь сесть в седло, Светловой обернулся и поискал глазами Смеяну. Она стояла у крыльца беседы, грустная, потухшая, и Светловой помолчал, поглаживая шею коня, чувствуя, что должен сказать ей что-то на прощанье, но не находя слов. Весь этот поход сейчас казался ему странным, как сон: и битва, и красавица Белосвета, и эта девушка, простая, но похожая на источник живой воды. Пожалуй, завтра подумается, что и она тоже примерещилась. Но нет, она живая. Ее глаза смотрели на Светлова с дружелюбным сочувствием, утешали и подбадривали, и ему было жаль расставаться с ней. А что поделать?

– Хочу тебе спасибо сказать – хорошо ты моих отроков вылечила! – наконец произнес Светловой, пытаясь взглядом досказать ей остальное. – Чем мне тебя отблагодарить?

– Вела и Велес лечат, а я так, помогаю...

Смеяне было тоскливо, словно ее увозят из родного дома к чужим людям, навсегда. Отныне родное огнище станет для нее чужим и запустелым, потому что здесь нет Светлова. Привычная улыбка на ее лице сейчас казалась ненастоящей, она смущенно отводила глаза. Ольховики подталкивали друг друга локтями: такой смущенной еще никто Смеяны не видел. Влюбиться в самого княжича – только от нее такой глупости и можно было ждать!

Но Светловой не замечал этих взглядов: он видел одну Смеяну, и на сердце его было тепло и грустно, как будто он надолго прощался с родной сестрой и даже не мог сказать ей, как сильно ее любит.

– Чего хочешь – серебра? – Светловой прикоснулся к кошелью на поясе, сам не веря, что какие-то подарки смогут облегчить ей разлуку. – Или полотна – из Славена пришлю?

– Не надо мне ничего такого... – не глядя на него, отговаривалась Смеяна.

Разве можно серебром или полотном заплатить за это странное смятение, грусть и радость, жаркое счастье встречи и тягучую тоску расставания?

– Может, хочешь какой-нибудь убор дорогой? Перстней, ожерелий?

– Убор... – повторила Смеяна и вдруг ахнула, вскинула загоревшиеся глаза на Светловую. – Хочу! Скажи деду, чтобы мой клык отдал! – с внезапным воодушевлением воскликнула она.

– Какой клык? – Светловой с удивлением обернулся к Варовиту.

– А! – Тот с досадой махнул рукой. – От матери ее осталось ожерелье. Да его моя старуха прибрала...

– И прибрала! – поддакнула бабка Гладина. – И прибрала! Куда ей, непутевой! Там янтари дорогие! У меня у самой такого нет! Она в лес пойдет да потеряет!

– Не твоя забота! – горячо возразила Смеяна. Об этом они спорили далеко не в первый раз. – Даже и потеряю! У меня Лес возьмет, мне и назад отдаст! Мое это, а не ваше! Княжич, вели им отдать! Моя мать с ожерельем пришла, а они мне его не отдают!

– Отдай! – сказал Светловой Варовиту. Он видел, как сильно Смеяна хочет получить ожерелье, и стремился помочь ей хотя бы в этом. – А хочешь, я тебе из Славена еще лучше пришлю?

– Не надо мне лучше, а пусть мое отдадут!

Светловой посмотрел на Варовита. Хмурясь, тот кивнул старухе. Бормоча что-то под нос, Гладина ушла в избу и скоро вернулась, неся в платке ожерелье. Смеяна почти выхватила платок у нее из рук и торопливо развернула. На тонком ремешке висел ряд ярко-желтых полупрозрачных кусочков янтаря, а в середине к ним был подвешен звериный зуб. Приглядевшись, Светловой узнал клык рыси. А Смеяна тут же надела ожерелье на шею, и глаза ее засияли ярче янтаря.

– Спасибо тебе, княжич! – разом повеселев, задорно поблагодарила она. Каждая веснушка на ее лице, казалось, смеялась сама по себе, в улыбке ее было столько веселья, что Светловой невольно улыбался тоже. – Лучше подарка мне никакой князь не сделал бы! Коли еще с кем биться надумаете – присылайте за мной, я помогу!

– Молчи, бесстыжая! – разом накинулись на нее и Варовит, и Гладина, и еще кто-то из стоявших вокруг родичей. – Язык придержи – накличешь беды!

Заливаясь счастливым смехом, Смеяна прижала руку к ожерелью на груди и бросилась вон из ворот. Когда Светловой с отроками выехали следом, ее уже нигде не было видно. Зажав в кулаке ожерелье, она крепко прижималась к березе, обняв белый мягко-шероховатый ствол, как плечи сестры. Желтыми глазами лесовицы Смеяна смотрела из гущи ветвей на удалявшуюся дружину, губы ее старались улыбаться, а брови дрожали, как от усилия сдержать слезы. И в эти мгновения ей казалось, что она остается совсем одна в глухом лесу, покинутая светлым весенним божеством.

А береза качала над ее головой широкими зелеными крыльями, как будто сама богиня Лада ласково гладила по волосам дочь человеческого рода, и в мягком шелесте листы таилось обещание будущей радости сердцу, которое умеет любить.

Глава 2

За обратную дорогу у Светловой нашлось время опомниться и поразмыслить. Порой ему вспоминалась сияющая розовыми лучами красота Белосветы, но ее черты почти растаяли в памяти, взору представлялось только чистое облако радужного света. Зато хорошо ему помнилось лицо Смеяны, ее вздернутый нос с россыпью веснушек, желтые глаза, то мечущие искры задора, то полные горячего сердечного сочувствия. Он тосковал по обеим сразу и сам себя не понимал. Ни разу за восемнадцать с половиной лет ему не приходилось переживать такой бури в душе. Его как будто разрывало пополам: тянуло к недостижимой, небывалой, чистой мечте и в то же время влекло к живому и горячему человеческому счастью, яркий свет которого он видел в глазах Смеяны.

Светловой гнал от себя образы Белосветы и Смеяны, и на память ему приходили смолятинские гости, две битвы с дрёмичами. Хороша пшеничка во поле стояла, а до овина одна солома дошла! Чем больше он вспоминал о произошедшем на реке, тем больше проникался уверенностью, что все это неспроста – и торговые гости необычные, и лиходеи напали на них не случайно. И голубоглазого старшину смолятичей он несомненно где-то видел, и тогда тот вовсе не был купцом. Неумно было упускать глиногорцев из вида, но Светловой сообразил это только сейчас. «Видно, крепко меня тот козлиномордый приложил! – с досадой думал он. – Совсем соображать перестал. Еще и не то примерещилось бы!» Мысли путались, впечатления мешались. В эти дни Светловой с необычайной силой ощутил красоту земного мира, но и впервые в своем сердце узнал жгучее негодование против зла, пятнающего кровью цветущий лик земли. Метание чувств обессилило Светлова, так что к концу второго дня обратного пути ему уже казалось, что он пробыл в походе не пять дней, а целый год.

Нечего было и думать догнать смолятичей, опередивших дружину на целый день, и Светловой увидел знакомые ладьи только у славенской пристани, где останавливались неподалеку от Велесова святилища все торговые обозы. На княжьем дворе Светловой не успел сойти с коня, как навстречу ему выбежала мать. К сорока годам княгиня постарела, сходство Светловой с ней стало меньше, чем было в детстве, но он по-прежнему любил ее больше всех на свете. Завидев ее встревоженное лицо, Светловой почувствовал острый укол тревоги и торопливо бросился к ней на крыльцо.

– Соколик мой! – вскрикнула княгиня, встретив его на середине ступенек и поспешно обняв. – Что с тобой?

Светловой взял ее за плечи с чувством нежной заботы: теперь он был выше ее и сам мог укрыть ее в объятиях, как она укрывала его в детстве.

Княгиня вскинула голову и общаривала торопливым взглядом его лицо. Заметив тонкий белый шрамик над бровью, которого не было раньше, она осторожно прикоснулась к нему кончиками пальцев.

– Мне рассказали, что ты ранен, что у тебя вся голова... – начала княгиня и запнулась, не находя подтверждения тому, чего ждала.

– Ах, это! – Светловой все понял и рассмеялся от облегчения, что для беспокойства не было настоящего повода. – Пустяки. Оцарапали только, видишь, уже все зажило. Тебе смолятичи рассказали?

– Да, сам Прочен говорил: «Сын у вас молодец, витязь настоящий!» А у меня сердце не на месте... – Облегченно вздыхая, княгиня приложила руку к сердцу. – Целая битва, говорит, была, а ведь Прочен зря не скажет, – продолжала княгиня, но Светловой перебил мать.

– Погоди, матушка. Он здесь, Прочен этот?

– А где же ему быть? – Княгиня удивилась. Она говорила о смолятинском госте как о старом знакомом. – Они не сильно вас опередили, перед полуднем только приплыли. К отцу пошли, он их сперва в гриднице принял, потом Прочена к себе увел. И по се поры беседуют. И никого к себе не пускают, только Кременя одного позвали.

– Так кто же он такой? – нетерпеливо воскликнул Светловой. – Не купец же, в самом деле! Почему отец его так принимает?

– Какой купец? – Княгиня посмотрела на сына с недоумением. – Прочен же это! Ах! – сообразив, воскликнула она. – Ты ведь забыл его! Уж лет пять, как он у нас был в последний раз! Да нет, все шесть будет! А мне и невдомек... Так он тебе купцом сказался?

– Да, да! – От нетерпения Светловой едва сдерживался, чтобы не повысить голос на мать. – Так кто же он?

– Да он тысяцкий глиногорский, князя Скородума первый воевода. Как же ты его забыл?

Светловой промолчал, озаренный воспоминанием. Да, теперь он вспомнил. Когда шесть с лишним лет назад его опоясывали мечом, воевода Прочен приезжал с подарками от смолятинского князя. Конечно, за шесть лет Прочен изменился, да и не мог двенадцатилетний отрок запомнить всех – слишком много впечатлений обрушилось на него тогда. Но теперь понятно, почему лицо смолятича показалось Светловой знакомым.

– Зачем же он приехал?

– Ох, не знаю. – Княгиня вздохнула и озабоченно покачала головой. – Меня на беседу не звали. Знаешь ведь отца – сперва сам решит, а уж после нам скажет. А я боюсь – не дай Перун войны...

– Да что ты, матушка! – Светловой обнял княгиню, стараясь говорить бодро и уверенно. – С кем нам воевать теперь? У нас со всеми землями мир...

Успокаивая мать, он помнил о дрёмических лиходеях. За этот рубеж речевинам нельзя быть спокойными, и он теперь знал об этом не понаслышке.

Князь не заставил сына долго теряться в догадках и скоро прислал за ним. В горнице с ним сидели Прочен и Кремень. Воспитатель Светловая поседел и стал плохо видеть, отчего в разговоре постоянно шурился и подавался вперед. Прочен был невозмутим, как и тогда на реке, но по лицу его Светловой сразу понял: для него приготовлено какое-то значительное известие. Уж не поход ли, в самом деле?

По усвоенной с детства привычке Светловой не торопился рассказывать о своих делах, тем более что и радости в таком рассказе было бы немного, а ждал, пока отец спросит его сам. А князь не спешил с расспросами, на уме у него было что-то другое. Похвалив сына за речную битву, Велемог оглянулся сначала на Прочена, потом на Кременя, потом посмотрел на Светловую.

– Хоть и горько мне было слышать, что завелись на Истире лиходеи, а все же рад я, что Небесный Воин тебя туда привел, – заговорил князь. – Теперь не надо мне смолятинским гостям рассказывать, что сын мой вырос молодцом – сами видели. Сами видели, что ты и в возраст, и в разум вошел, женихом стал. И невеста для тебя уже есть.

Светловой сдержал возглас, но брови его сами собой взметнулись вверх. Он не сразу смог справиться со своим лицом – оно не слушалось. Какая невеста?

– Князь Скородум дружбу свою нам заново явил, предлагает родством ее скрепить, – продолжал Велемог. – Ему Макошь послала единственную дочь, зато уж она и красотой, и умом, и вежеством десять других девиц за пояс заткнет. Хочет князь Скородум ее за тебя сосватать. И я с кормильцем твоим рассудил – лучше нее и желать нечего. Славная будет тебе жена, а речевинам – княгиня.

– Да куда же спешить? – обеспокоенно подала голос княгиня, потрясенная не меньше сына. – Всего-то восемнадцать нашему соколику, а Дароване уж двадцать лет, не меньше! Да и какая она...

Княгиня нечасто решалась возражать мужу, но сейчас волнение придало ей смелости. Она мечтала женить сына на одной из славенских боярышень, которые выросли у нее на глазах, выбрать такую, которая сделает Светловую счастливым. А тут хотят везти княжну, которой они даже не видели! Сваты всегда хвалят невесту. Красоту ее и искусство в рукоделии можно проверить, но в душу к ней не заглянешь.

Но князь принял решение, и не жене было заставить его передумать. Он бросил на нее лишь один взгляд, но княгиня тут же смешалась и замолчала.

– Ничего, – подал голос Кремень. – Двадцать – не сорок. Нашему молодцу пора жениться, а княжна смолятинская как раз ему под стать. Не ровен час – пойдет Держимир дрёмический на нас ратью, вот мы со смолятичами его единым строем встретим, как братья родные!

Велемог одобрительно кивнул. Жизнеслава побледнела, задышала чаще, прижала стиснутый кулак к груди. Мало того что ее сына хотят женить неведомо на ком, так еще и грозят войной!

– Княжна Дарована – красавица редкая! – продолжал Прочен, и даже в его невозмутимом лице мелькнул легкий проблеск оживления. – Среди говорлинских княжон такой не бывало давно. Только Добровзора, дочь Гордеслава...

– О ней нечего вспоминать – она уже бабушка! – прервал его Велемог.

Жизнеслава чуть изменилась в лице и опустила глаза. Двадцать пять лет назад Велемог сватался к дебрической княжне Добровзоре, и только после ее отказа взял в жены Жизнеславу. А Добровзора, всем известно, потом родила оборотня с волчьей шерстью на спине. Вот и ищи в жены красавицу!

– А сейчас красивее Дарованы нет на Истире никого! – уверенно продолжал Прочен. – За княжну нашу многие сватались. Даже Держимир дрёмический сватался. Дважды! – многозначительно отчеканил смолятич.

Жизнеслава удивленно покачала головой. Только Светловой не понял, что повторное сватовство гордеца Держимира значит больше, чем восхваления целого полка свах.

– Вот я и подумывал между делом, княже, – продолжал Прочен, снова обращаясь к Велемогу. – Не Держимир ли нас на Истире поджидал?

– Так ведь у нас есть пленные? – Князь посмотрел на сына. – Что ваши оборотни речные рассказывают?

Светловой опустил глаза. Но теперь князь ждал его ответа, и спрятаться от позора было некуда.

– Нет у меня пленных, – как в холодную воду бросаясь, ответил Светловой. – Потерял.

– Как – потерял? – Кремень даже усмехнулся, не понимая. – По дороге, что ли, обронил? Лукошко дырявое было?

– Как – потерял? – совсем другим голосом повторил князь.

Он был пронизателен и по натянутому лицу сына видел, что тот вовсе не шутит.

С трудом подбирая слова и стараясь ни на кого не глядеть, Световой начал рассказывать. Никто больше не улыбался; князь, княгиня, оба воеводы ловили каждое его слово.

– Не знали вы Держимира... – многозначительно протянул Прочен. – Теперь будете знать!

Его голубые глаза заблестели, он словно сам был там, на берегу Истира, и видел все то, о чем рассказывал Светловой. Многие из этого рассказа было ему знакомо по опыту прошлых лет, и даже в пересказе он понимал гораздо больше Светловоя, очевидца и участника событий.

– Там был Держимир? – воскликнула княгиня, задним числом испугавшись, что ее сын был совсем рядом с этим страшным человеком.

– Ну-ка, расскажи получше, кто у них старшим был? – потребовал Кремень.

– Под козлиной мордой прятался, – не поднимая глаз, ответил Светловой. Ему ясно вспомнился широкоплечий и рослый вожак разбойников, краем щита разбивший ему лоб. – И голос у него – что рог боевой.

Оба воеводы переглянулись.

– А лет-то ему сколько? – спросил Кремень.

– Под личиной не разглядел.

– А так не догадался? – с едкой насмешкой осведомился Прочен, сощурился глазами.

– Ну как вам, – решился определить Светловой. – Лет сорок-пятьдесят,

– Нет, это Озвень, – решил Кремень. – Держимир-то лет на десять всего тебя постарше...

– На одиннадцать, – жестко уточнил Велемог.

Все это время он молчал, но буравил сына таким взглядом, что княгиня себя не помнила от тревоги.

– На одиннадцать, – согласился Кремень. – Он в груди широк, а в плечах ровен. И кричать не любит.

– Да Озвень это был, тысяцкий Держимиров! – уверенно повторил Прочен. – И выучка вся Держимирова. Любит он засадные полки – у него все отроки обучены в лесу прятаться и в лесу драться так, что и нечисти лесной за ними не угнаться. Брата его не видал?

– Какого брата? – Светловой бросил на смолятича короткий взгляд.

Его подавляла эта подробная осведомленность обоих воевод и отца во всех делах дремического князя, и перед ними он чувствовал себя сущим ребенком.

– У старого князя, у Молнеслава, жила куркутинка – черная, что галка, – пустился объяснять Кремень. – У нее мальчишка родился, старше тебя года на три. Черный, лицом куркутин. Князь его на колени не сажал, постыдился под старость, но все знают – сын. И Держимир знает. При себе держит, доверяет, в походы посылает. А тот зол на драку! Не видел его?

Еще бы не видел! Светловой замялся, не зная, что ответить. Он вспомнил парня с черной косой, его перекошенное злобой и болью смуглое лицо, волчий блеск белых зубов и большие пятна крови на песке. Как сказать, что тот был в его руках и ушел? С рассеченным бедром ушел!

– Так я к чему говорю! – не дождавшись ответа, Прочен снова обратился к Велемогу. – Как в воду глядел! Держимировых рук это дело. Видно, он знал, что не купцы к тебе плывут. Знал, что мы будем княжну вам сватать. А ему это...

– Да откуда же он мог узнать? – жестко спросил князь. – Мы сами не знали – значит, от вас, от смолятичей, ручеек бежит!

– У вас в Глиногоре на торгах за день все тайны Мирового Дерева услышать можно! – подхватил Кремень. – Были бы уши!

Прочен не ответил – это была правда. Богатый торговый город Глиногор знал и умел многое, не умел он только одного – хранить тайны.

– Значит, надо поспешить, – сказал Велемог. – Тянуть больше нечего. Сваты сговорились – дело за невестой. На Макошиной неделе будем ждать ее в Засечье...

– Нет – в Велишине, – возразил Прочен. – За невестой к ней в род приезжают – и мы вам ее на нашей земле отдадим.

– Хорошо, пусть в Велишине. – Князь кивнул, не споря о такой мелочи. – Доедем, не заблудимся.

– Мы на своей земле ее убережем. А вот вы...

– И о нас не тревожься! – Велемог уколол смолятича взглядом. – Уж теперь мы никаких оборотней к себе не пустим. Верно я говорю?

Князь требовательно взглянул на сына, никак даже к нему не обратившись. Это служило признаком нешуточного гнева, но Светловой даже не заметил этого – так потрясло его все произошедшее. Его сговорили, почти женили, не спросив даже его согласия. Все его существо возмущалось – перед глазами его встало сияющее лицо Белосветы. И пусть ее нет на свете – теперь он знает, какая она – любовь. И назовет своей женой только ту женщину, в которой вновь увидит Белосвету.

– Да что же ты, батюшка! – Он поднял глаза на отца. – Неужели вот так судьбу мою и решишь, а мне и слова сказать не дашь?

Князь не ответил, только брови его вопросительно дрогнули. Казалось, он удивлен, что сын его вместо почтительного согласия говорит что-то совсем лишнее.

– Не хочу я на Дароване жениться! – продолжал Светловой. Он пытался говорить решительно, но невольно в его голосе звучала мольба. – Не любя она мне, да и я ей, верно, тоже – мы и не видались никогда.

Князь подался вперед, опираясь на подлокотники, сдвинул брови, словно с ним вдруг заговорили на непонятном языке. Он ожидал от сына удивления, но не возражений. За восемнадцать с половиной лет это был первый случай, когда Светловой решился ему перечить. И в чем! В самом важном деле, когда речь идет о прочном союзе со Скородумом смолятинским, жизненно необходимым перед угрозой войны с дрёмичами.

– Да ты сам понимаешь, что говоришь? – недоуменно спросил Велемог. Он был так удивлен, что даже не разгневался поначалу. – Как так – «не женюсь»? Женишься! Как будто сам не видал Держимировых лиходеев на своей земле! Мало тебя Озвень щитом в лоб приложил? Добавить надо?

– Но я...

– Ты! – с напором повторил князь, и это короткое слово вместило в его устах больше презрения, чем целые потоки брани. – Ты уже себя показал! Теперь слушай, что старшие говорят!

Светловой не выдержал взгляда отца и опустил глаза. Мысли его путались, он не знал, как доказывать свою правоту. Да и есть ли за ним правота? Простой человек подчиняется роду, князь – всему племени. Это верно, но образ Белосветы как живой встал перед ним, заслонил собой весь мир.

– Молчишь? – раздался над ним тихий голос отца, но и грохот грозы не показался бы страшнее. – Хорошего же я себе наследника вырастил!

Вдруг княгиня тихо ахнула и привалилась спиной к стене. Ее правая рука была крепко прижата к сердцу, лицо с закрытыми глазами исказилось от боли, она пыталась вдохнуть, но не могла, вместо воздуха в ее грудь входил, казалось, острый стальной клинок.

Кремень недовольно крякнул, встал и пошел в верхние сени звать челядь. Велемог и Светловой обменялись взглядом, и каждый хотел обвинить другого. Но для Светловой обвинять или оправдываться было неважно; он кинулся к матери, стал поддерживать ее, бормотать слова ободрения, а сам все метал взгляды на дверь – не идет ли бабка-травница, из-за слабого здоровья княгини жившая здесь же, на княжьем дворе. В верхних сенях уже слышался гомон челяди, суетились девки. Только смолятинский воевода Прочен остался сидеть где сидел, и его лицо с холодными голубыми глазами не выражало ни тревоги, ни сострадания.

До вечера Светловой ходил как потерянный. Когда княгине полегчало и тревога о ней схлынула, на него снова навалилась растерянность. Еще недавно простая и ясная, его жизнь мгновенно запуталась, как клок кудели, которым поиграла шаловливая кошка. Никогда прежде

Светловой не ссорился с отцом, не принужден был выбирать между желанием и необходимостью так, чтобы это затрагивало всю его судьбу. Ему стыдно было вспоминать презрительные слова отца, но при мысли о свадьбе с княжной Дарованой Светловой словно бросался грудью на нож.

Всю жизнь прожив в мире и любви, он не умел бороться и выбирать. И борьба внутри своего сердца оказалась много тяжелее тех двух битв над Истиром.

* * *

На другой день после отъезда княжича бабка Гладина послала Смеяну в лес. В месяц травень, когда все цветет, приходит пора собирать многие целебные зелья. По большей части этим занимался Велем, но Смеяна обладала поистине звериным чутьем на травы, и ведун охотно доверял ей эту часть своей работы. Бабка Гладина дала Смеяне лукошко, острый нож и велела нарезать цветков бузины. У старухи и у Варовита часто болела спина, пухли суставы, а отвар из цветков бузины приносил им немалое облегчение. Но бузина – дерево злое, опасное, в нем селятся духи непогрешенных, умерших дурной смертью и всякое другое зловерье. Гладина не боялась за Смеяну – ничего ей не сделается, не раз проверено. За все девятнадцать лет жизни – на вид Смеяне казалось меньше, чем было на самом деле, – она ни разу не болела, ни разу ее не кусали змеи, не трогали звери, даже ветки не царапали. Иной раз старики и задумывались, что такая милость леса к непутевой девке неспроста, но лес всегда благосклонен к убогим, к слабоумным, к увечным. И в теплую пору года Смеяна целыми днями пропадала в лесу, счастливо соединяя таким образом пользу рода с собственным удовольствием.

Бузина росла далеко – верст за шесть от огнища, почти на меже с Перепелами. Утро выдалось такое жаркое, что Смеяне было душно в сорочке и вздевалке и она шла не спеша, лениво помахивая лукошком. Нож с бузиной рукоятью – Даяновой работы – болтался на дне. Шагая через поле, где катали княжича, Смеяна улыбалась, вспоминая о нем. Со вчерашнего дня почти ни о чем другом и не думала. Ей вспоминались его голубые глаза, смотревшие на нее с добротой и приветом, его открытое лицо, улыбка, и в душе разливалась такая яркая и горячая радость, что Смеяна не замечала насмешек сестер и попреков бабки. Впервые в жизни она была счастлива не просто по счастливому расположению своей натуры, а благодаря другому человеку, и в благодарность за это невольное и невыразимое счастье она готова была сделать для Светловой все что угодно. Вот только что ему может от нее понадобиться, княжичу от простой девки, непутевой и не очень-то красивой? «Чем мне тебя отблагодарить?» – вспоминался ей голос Светловой, и снова хотелось ответить одно: «Возьми меня с собой».

Перелески между полями густо зеленели, и только особая яркая свежесть зелени обличала весну, а не лето. Дорога совсем просохла, ростки на полях стояли с радующей глаз частотой. Небо ярко голубело, вдали живым серебром поблескивал Истир. Радость заливала волной душу Смеяны: себя саму она ощущала живой частью этого мира, этой земли и неба, ветра и шума ветвей. Душа ее была в каждом ростке, в жаворонке над полем, в солнечном луче. Она была почкой на ветвях Мирового Дерева, ствол которого – Священный Истир.

Бросив наземь лукошко, Смеяна раскинула руки крыльями, потянулась, словно хотела лететь вслед за жаворонком, зажмурилась. Горячие солнечные лучи пронизали ее насквозь, она не ощущала своего тела, растворившись в этих лучах и теплом ветре, не чувала земли под ногами. Нет, не случайно всю жизнь она не походила на других, что-то в ее крови роднило ее с землей, со всем живым, земным и небесным. Что? Этого она не знала, но и не думала об этом сейчас. Ей было хорошо, так хорошо, что... Нет таких человеческих слов, чтобы высказать это. Это поймет ветер, солнце, травы, прибрежная ива, березы под солнцем, весь свой век тысячей языков поющие славу Матери Макоши – жизни земного мира.

Вдруг в лицо Смеяне повеяло каким-то теплым и живым потоком. Открыв глаза, она не сразу узнала знакомое поле. Легкая радужная оболочка виделась ей вокруг, словно радуга попала под веки и окрасила все поле зрения новым светом. Смеяна замерла с поднятыми руками, восхищенная невиденным ранее волшебством. Солнечный луч перед ней вдруг уплотнился, стал похож на золотистое полотно, на дорожку... на дверь...

В плотном потоке света появились очертания девичьей фигуры. Смеяна смотрела не дыша. Луч побледнел, а фигура осталась стоять прямо посреди поля, словно соскочила с небесной лестницы. Это была девушка – высокая ростом, статная, с пышной грудью и округлыми бедрами, с ярко-румяными щеками и двумя толстыми русыми косами. Ее босые ноги стояли прямо на ростках ячменя, не но сминали их. Смеяна залюбовалась ею, подивилась тонкому белому полотну и искусной вышивке на рубахе. Она не поняла еще, кто перед ней, но твердо знала – это ей не мерещится.

Девушка на поле медленно подняла руки, потянулась, запрокинула голову. На румянном круглощекоем лице ее была сладкая истома, словно после крепкого приятного сна. Жмурясь, она разводила руками, сильными и белыми, как у работающих девок после зимы, когда старый загар сошел, а нового еще нет. Повернувшись вокруг себя вслед за солнцем, девушка качнулась из стороны в сторону, повела руками и плечами, будто собиралась плясать. Ноги ее переступили по земле, вышитый подол весело качнулся.

И Смеяна сообразила. Это полудянка. Полуденный полевой дух, стражница, приставленная Макошью и Велесом следить, чтобы люди в поле в урочный час не ленились, а в полдень не забывали отдыхать. Все холодное время года полудянки спят, а весной просыпаются, чтобы потом не отдыхать до самых Спожин. Это одна из них.

Пританцовывая, неспешно стряхивая с себя зимнюю дрему, Полудянка плавно поворачивалась, легко переносилась с места на место, не делая ни шага. Никому не угнаться за полудянкой – не захочет, так конем ее не догнать. А захочет...

Глаза Полуденной Девы были закрыты, на полных румяных губах блуждала сладкая, мягкая улыбка, словно она сквозь опущенные веки любовалась слепящим солнцем и вспоминала свой долгий сон. Смеяна не сводила глаз с нее, и вся душа ее ликовала. Не каждый день и не всяким глазам являются тайны Надвечного Мира. Но в этот яркий, чистый и теплый день не могло быть иначе! Должно было случиться какое-то радостное чудо, и оно случилось! Надвечный Мир откликнулся на радость в душе Смеяны, и с тем большей силой она ощутила свое живое родство с ним. Все так и должно было быть!

А полудянка была уже далеко, словно волны теплого света носили ее над полем. Теперь ей долго, до жатвы, плясать над этим полем. Белая ее рубаха мелькала уже возле опушки дальнего перелеска.

Опомнившись, Смеяна вдруг всплеснула руками, звонко расхохоталась, повернулась и бросилась бежать. Плещущая через край сила восторга и восхищения несла ее, как на крыльях, она сама, казалось, не касалась ногами земли. Непривычная тяжесть янтарного ожерелья с рысьим клыком на шее добавляла радости, словно к Смеяне вернулось что-то утраченное, родное и драгоценное и придало ей новых сил. Золотистые неровные кусочки янтаря были горячими, словно вобрали в себя солнечные лучи. Смеясь на бегу, Смеяна летела через перелесок, нырнула в чашу, и прохладная свежесть лиственной тени подхватила ее в объятия. Теперь случайный встречный принял бы ее саму за полудянку или до срока явившуюся берегиню. И был бы не так уж и не прав – Смеяна сама ощущала себя другим существом, сильным и прекрасным.

Блеск весеннего дня остался позади, Смеяна оказалась в чаще. Вокруг нее стояли ели, осины, качали белыми головками соцветья бузины, за которыми ее и посылали. Споткнувшись о корень, Смеяна чуть не упала, но мягко присела на корточки, уткнув руки в землю. Рубаха прилипла к вспотевшей спине, волосы на лбу тоже намокли, Смеяна тяжело дышала и все еще

смеялась. Прохлада леса приятно освежила ее, и она села на землю, стараясь отдышаться от смеха.

И вдруг какой-то странный, неуместный запах коснулся ее чутких ноздрей. Смеяна насторожилась, подняла голову, оглянулась, принялась. Откуда-то тонкой струйкой веял запах крови. Притом крови несвежей. Смеяна сморщилась, но пахло не мертвым, а живым. Разом она уняла дыхание, стала неслышной. В зелени кустов и подлеска трудно было что-то разглядеть. Шагах в пяти от нее виднелась огромная ель, вывернутая с корнем. Ее задравшиеся корни подняли круглый пласт черной болотистой земли шириной не меньше сажени. Под корнями оставалась яма вроде норы. Чутье подсказало Смеяне, что запах идет оттуда. И это был запах человека.

Убрав волосы с лица и закинув за спину болтающиеся косы, она неслышно шагнула по мху и хвое к ели. От недавнего ликования в ней не осталось и следа. Вся она стала – настороженное внимание, равно готовое и устремиться вперед, и бежать прочь без оглядки.

Смеяна обошла лежащий на земле еловый ствол. В яме под корнями что-то шевельнулось. Осторожно Смеяна выглянула из-за пласта земли и опустила взгляд в яму. Она увидела плечо и локоть человека, тусклое серебро на поясе, ногу. На бедре, прямо поверх бурых шерстяных портов, виднелась повязка из неровных лоскутов, видно оторванных от одежды. Вся ткань была пропитана засохшей кровью, лежала неровно. Отсюда и шел тот запах, который учуяла Смеяна. Головы и лица не было видно.

Увидев в лесу чужака, любая разумная девица бросится бежать. Но Смеяну никогда не считали разумной. Разум часто несовместим с любопытством, и в их борьбе побеждает последнее.

Высунувшись из-за корней, вытянув шею, Смеяна поглубже заглянула в яму. Человек пошевелился; она вздрогнула. Но он только чуть повернулся и опять затих. Настороженный слух Смеяны различал тяжелое, трудное дыхание. Вдруг раздался тихий, приглушенный стон. Так стонут в беспомощности.

Осмелев, Смеяна вышла из-за корней и подошла к яме спереди. Она увидела черноволосую голову с длинной, до лопаток, косой, не чесанной несколько дней, с набившейся рыжей хвоей. Волосы и одежда чужака были испачканы серо-черной лесной землей. Вернее, порты и остатки рубахи, потому что почти половина рубахи была оборвана на повязку и среди белых обрывков виднелась смуглая кожа плеча с гладкими, налитыми силой мускулами.

От близости чужого Смеяну пронизала дрожь. Она замерла над ямой, не зная, что делать. Верёна или любая другая сестра побежала бы на огнище и рассказала там. А он покуда пусть лежит? Вид окровавленной повязки беспокоил Смеяну, она знала, что помощь нужна скорее. Если еще не опоздала. Если в рану попадает лесная земля, то грозит столбняк, а от него никакой ворожкой не спасешься, посылай сразу родню по дрова и по бересту на погребальный костер.

Подняв руку, Смеяна пробежала пальцами по янтарным камешкам, словно спрашивая у них совета, задела рысий клык. Он был теплым, впитав тепло солнечных лучей. И все остатки трусливой осторожности исчезли из сердца Смеяны. Слабого не боятся, ему помогают.

И она решительно взяла чужака за плечи, чтобы выволочь из-под корней. Он вздрогнул, запрокинул голову. Смеяна, в свою очередь, вздрогнула, увидев его лицо. Ей бросились в глаза бледная смуглость кожи, густые угольно-черные брови, выступающий вперед нос с горбинкой, негустая черная щетина на щеках и подбородке. В первый миг Смеяна чуть не бросила его и не отскочила – Мать Макошь, да не нечисть ли он, такой черный? Но под руками ее были крепкие плечи живого человека. «Видно, он не из говорлинов, – рассудила Смеяна. – Мало ли племен на свете? Купцы рассказывают...»

Но думать про рассказы купцов она не стала, а потянула чужака на свет. Он опять простонал, мотнул головой, но глаз не открыл. Смеяна уложила его на мох и стала осматривать

рану. Порты были порваны ударом клинка, длинный порез был еще сильнее разодран руками, как видно, самого раненого. Ткань портов и полотно повязки присохли друг к другу и к ране, так что трудно было что-то рассмотреть. Смеяна попыталась размотать тряпки, но кровь прилипла и держала их крепко. Смеяна рванула, хмурясь от той боли, которую приходилось ему причинить. Воды бы, да тут негде взять. На огнище надо. А как? Чужак ростом был выше Смеяны и уж точно тяжелее, а она ведь не муравей, чтобы таскать на спине больше себя.

Оглядевшись, Смеяна отыскала неподалеку листья подорожника, поплевала на них и приложила к ране. Потом перевязала поверх старой повязки полосой от своей нижней рубахи – невелика красота, жалеть нечего. И задумалась, что делать дальше.

В чаще послышались чьи-то шаги. Смеяна обрадовалась и повернулась в ту сторону – кто-нибудь да поможет. Из-за бузиновых кустов вышла Верёна.

– Вот она ты! – радостно воскликнула она, увидев Смеяну. Чужака загораживал от ее глаз ствол упавшей ели. – А я тебя ищу. Мать сказала, что ты в бузину пошла.

– Зачем же я тебе? – удивилась Смеяна. – Ты бы, сестра любезная, по лесу-то не ходила одна. Весною вся нечисть на свет выползает – не боишься?

– А обереги на что? – ответила Верёна и попросила: – Сорви мне бузиновых листьев!

– Зачем? – насмешливо спросила Смеяна.

Она и сама догадывалась зачем.

– А под подушку на ночь положу. Как у меня все будет... Ведь весна к концу завернула – вот-вот Ярилин день, а там...

– А там вечером из нашего дома уйдешь, а под утро в другой войдешь! – со смехом dokonчила Смеяна. – Ты не у бузины, ты лучше у самого Заревника спроси! Он тебе лучше расскажет!

– Ой, молчи! – Верёна в испуге взмахнула руками, торопливо сделала знак Молота и Чаши, другой рукой хватаясь за обереги в ожерелье. – Страшно! Ведь нечисть всякая только и ждет, чтобы человек обрадовался – сразу и выползет, захочет чужим теплом погреться. Теперь, когда так близко уже, вдруг все и потеряешь! Я и гадать-то боюсь. Хочу у бузины спросить, да вдруг злое дерево попадетсЯ? А ты знаешь, какое злое, какое нет. Сорви мне три листика, что тебе стоит? А я тебе почелок новый отдам, для себя вышивала.

– Да уж, тебе скоро не почелок, а повой понадобится!

– Не говори! – Верёна снова замахала руками. – Нечисть услышит. Здесь ведь нечисти...

– Ой, верно! – со смехом воскликнула Смеяна. – Посмотри, что я тут нашла!

Она показала на землю у себя под ногами. Верёна глянула и вдруг истошно вскрикнула, будто увидела гадюку – так напугал ее вид черноволосого чужака. Взмахнув руками, как на краю обрыва, Верёна повернулась и бросилась бежать со всех ног, даже не слушая, что кричит ей вслед Смеяна.

А Смеяна осталась ждать. Уж конечно, Верёна понесется прямым ходом на огнище и все там расскажет. И скоро сюда пожалуют родичи. Усевшись на землю, Смеяна обняла руками колени и стала разглядывать лицо чужака.

Он глухо охнул, не разжимая зубов, голова его перекатилась со стороны в сторону. С удивлением Смеяна разглядела, что он молод, лет двадцати, не больше. Глаза его казались очень большими, веки натянулись, на веках и под ресницами лежали глубокие темные тени. Внешний их уголок был сглаженным книзу, и это придавало всему лицу чужой, не говорлинский вид.

И тут Смеяна вспомнила. В тот вечер, когда она собралась перевязывать пленных, тот белесый отрок с розовым, как поросычья морда, лицом, говорил: один лиходей сбежал. С раненой ногой. Вот глупая! Смеяна охнула и закрыла рот кулаком, дивясь, как не догадалась раньше. В уме ее вспыхнуло множество обрывочных мыслей: о том, как дрёмические «лешии» уносили своих раненых из-под самого носа Светловоевой дружины, как жалели славенцы об

этой потере. И Смеяна вдруг почувствовала себя так, как будто нечаянно нашла клад. Она снова посмотрела на чужака. Ну и упрямый же народ эти дрёмичи! Как далеко от берега он сумел уйти с такой раной! Что погнало его в чужой лес? Что, кроме неистребимой жажды воли, способно придать человеку таких сил?

Смеяна подняла руку, помедлила, но все же решилась и положила ладонь на грудь чужаку. Сердце билось, она ощущала живое тепло его кожи. И в ее сердце вдруг зародилось какое-то теплое чувство к этому лиходею, жалость, смешанная с уважением. На его месте она тоже предпочла бы умереть на воле – хоть ползком бы поползла. Ей хотелось скорее помочь ему, и она, чутко прислушиваясь к звукам лесной жизни, с нетерпением ждала прихода родичей.

* * *

Мужчины Ольховиков явились в лес целой толпой, притащили с собой на всякий случай и волокушу. После жарких споров – везти чужака на огнище или оставить здесь – решено было послать за Велемом. Ведун осмотрел чужака, повертел в пальцах его длинный черный волос и разрешил взять – нечистью и нежитью от него не пахло.

На огнище чужака уложили в пустой клетки. Здесь Смеяна ободрала с него окровавленные лоскуты рубахи и надела другую, данную дедам Добреней. Потом она толком промыла, смазала и перевязала его рану на бедре, радуясь, что успела вовремя. И дело это досталось ей не потому, что она лучше других умела. Просто никто другой и не захотел бы прикоснуться к черноволосому чужаку, больше похожему на лесную нечисть, чем на живого человека.

В разгар ее работы он пришел в себя, дернулся, открыл глаза и попытался вскочить.

– Лежи! – резко прикрикнула Смеяна. Она сама испугалась от неожиданности. – Лежи спокойно.

Чужак приподнялся, опираясь локтями о подстилку, посмотрел на нее, потом на свою ногу, над которой она ворожила, быстрым настороженным взглядом окинул стены и потолок клетки. В его темно-карих глазах зрачок был почти не заметен, и Смеяну кольнула сладкая жуть: а вдруг и правда нечисть? Темные круги вокруг глаз усиливали сходство с выходцем из Навьего Подземелья, но взгляд чужака был вполне человеческим, живым, осмысленным и настороженным.

– Ты на огнище Ольховиков, возле того места, где бились, – стала рассказывать Смеяна. Чужак молчал в ответ, но она была уверена, что он ее понимает. – Я тебя в лесу нашла вот только что. Дед с дядьками в беседе сидят, думают, что с тобой делать. Гляди, Велем придет, еще примется проверять, не из навей ли ты. Да ты не бойся – ты живой, я знаю.

– Я тоже знаю, – вдруг сказал чужак.

Смеяна так удивилась, услышав его голос, что даже бросила перевязывать и подняла глаза. Голос у него был хриплый, а выговор чужой, не речевинский.

– А! – обрадовалась Смеяна. – А я боялась, что ты по-говорлински не знаешь. Как тебя зовут?

Но чужак промолчал, полуприкрыл глаза, спрятав блеск глаз. Лицо его стало таким отчужденным, что Смеяна не стала добиваться ответа.

В беседе тем временем кипел жаркий спор. Дед Варовит стоял за то, чтобы сегодня же послать в Славен весть для князя и княжича о том, что найден сбежавший лиходея.

– Его княжич в полон взял, он его по праву! – говорил старейшина. – Надобно вернуть!

– Он у княжича сбежал, на нашей земле оказался – теперь он наш! – возражал ему один из старших сыновей, хозяйственный и прижимистый мужик, прозванный Заботой. – Он парень молодой, крепкий! Работать будет! Да его на торгу продать – шесть гривен дадут, ей-Велесу,

чтоб мне до жатвы не дожить! Или у нас, отец, лишнего серебра много? Вот за солью поедем – и его свезем.

– Или себе оставим! – поддерживал Заботу Изнанец. – У нас работы много – новое же поле надумали рубить, или ты забыл, отец? Нам самим холоп пригодится! Нам его Велес послал!

– Не к добру нам его оставлять! – спорил с ними осторожный Разумник, младший брат Варовита. – Черный у него глаз! Сами управимся! Продать, и дело с концом! И на огнище-то не надо было его... Да и увечный – какой с него прок?

– Ничего, за жерновом сидеть или в ступе толочь он и сейчас сможет! А что черный глаз – так у Велема глаз сильнее!

– Да он оправится и уйдет от нас! – убеждал братьев Разумник. – К жернову приковать можно, а на других работах как прикуешь? Он же сидеть не будет! Оправится и уйдет! Сохрани Свароже, чтобы не зарезал никого!

Мужчины помолчали, задумались, качая головами. Оставлять черного чужака у себя было страшновато, но и потерять молодого сильного работника казалось обидным. А работник был нужен. Как на беду, у Ольховиков рождалось больше девочек, чем мальчиков. Вон, до того дошло, что зятьев приходится брать к себе, а не отдавать девушек на сторону.

– Ты-то что скажешь, ведун? – Варовит обратился к Велему. – Что нам делать теперь? Не сбежит у нас холоп?

– Сбежать не сбежит, – успокоил его Велем. – Я его таким заклятьем опутаю, что от огнища на шаг не отойдет.

Успокоив родичей, Велем прошел в клеть, где лежал чужак. Смеяна уже кончила перевязывать и зашивала прореху на портах, которые стащила еще с беспамятного и успела кое-как отмыть от засохшей крови. Не очень-то ловко у нее выходило, она хмурилась, продергивая кривую иглу из птичьей кости. Ни одна из сестер-рукодельниц за такую работу не взялась бы, однако не ходить же ему без портов! Человек все-таки, не леший!

Чужак лежал на охапке сена и смотрел вверх, словно все вокруг его совершенно не занимало. Украдкой бросая взгляды на его замкнутое лицо, сглаженные внешние уголки глаз, жесткую складку губ, Смеяна ощущала какую-то радостную дрожь, испуг и любопытство разом. Много лет ей не доводилось видеть ничего занятнее.

Войдя, Велем недолго посмотрел на них, а потом принялся разматывать какую-то веревочку.

– Ты это зачем, дядька? – спросила Смеяна, бегло глянув на него поверх шитья. Мало кто смел задавать Велему вопросы «почему?» да «зачем?», но Смеяна в этом тоже не стеснялась. – Вязать его незачем, он на ноги не так уж скоро встанет. И так не убежит. Чудом ему бедренную жилу не перебили – а то умер бы на месте. Везучий...

Велем не ответил ей, пристально глядя на чужака. Тот не повернул головы, но по лицу его ведун видел, что чужак их слушает и все понимает.

– Сейчас не убежит, а на ноги встанет скоро! – сказал Велем, не отводя глаз.

Чужак незаметно напрягся, подобрался. Приход ведуна и обещание скорого исцеления не могло оставить его равнодушным.

– Вот тогда и сослужит службу мой науз...

– Науз! – воскликнула Смеяна и бросила шитье.

В один миг она вскочила на ноги и оказалась возле ведуна. Ее жадно-любопытный взгляд был устремлен на веревочку в руках Велема, и даже чужак, услышав это слово, не утерпел и слегка повернул голову.

Велем держал не веревочку, а тонкий берестяной ремешок. Легкий и непрочный на вид, он обладал в руках умелого ведуна большой силой и мог быть крепче железной цепи.

– Дай посмотреть! – взмолилась Смеяна.

На ее глазах снова происходило чудо: простая полоска березовой коры, той самой, какой покрывают горшки, наливалась волшебной силой. Что давало эту силу – заговор? Или просто ведун переливал в ремешок часть своей силы?

– Не тронь! – Велем отвел ремешок от ее нетерпеливо протянутых рук. – Это тебе не забавы. Отойди. А не то выгоню.

Досадливо прикусив губу, Смеяна смирилась и отошла в угол. Она знала, что Велем вовсе и не хочет ее выгонять, но для нее опять пришло время молча смотреть. Любая ворожба, даже самая трудная, выходила у Велема гораздо лучше, если непутевая желтоглазая девка с вечно растрепанными косами была поблизости. Умный и наблюдательный ведун давно заметил это, и это была тайна, которую он стремился разгадать не меньше, чем Смеяна – тайну превращения простого берестяного ремешка в волшебное средство.

Велем подошел к лежащему чужаку, опустился на колени рядом с ним и негромко позвал:

– А ну-ка, человек, погляди-ка на меня!

Чужак не хотел поворачивать головы, но в тихом ровном голосе ведуна было столько повелительной силы, что послушался бы даже пень. Медленно чужак повернулся и посмотрел в лицо Велему. Ведун смотрел прямо ему в глаза, и чужак не мог отвести взора. Большие глаза навывкате открылись еще шире, придвинулись ближе, и все вдруг заволочлось туманом. Не стало ни охапки сена, ни потолка и бревенчатых стен клетки, ни даже самого Велема. Только глаза ведуна, темно-карие, с большими черными зрачками, тяжело и страшно смотрели прямо в душу чужаку. Зрачки дышали, как два живых источника волшебной силы, то расширялись, то сжимались, неотвратно затягивали взор.

– Как твое имя? – раздался глухой голос из тумана.

– Байан-А-Тан, – ответил чей-то голос, в котором чужак не мог признать свой собственный.

– Откуда ты родом?

– Из Прямичева.

– Каков твой род?

– Мой род – дружина князя Держимира.

– Кто твоя мать?

– Моя мать – Айбика, дочь Кара-Минле. Из народа куркутэ.

– Отец?

– Не знаю.

Смеяна наблюдала за ними из угла, зажав в кулаке иголку и опустив порты на колени. Широко открытые глаза куркутина смотрели в лицо Велему, голос звучал безучастно. Похоже, он сам не осознавал того, что говорит.

– Князь Держимир прислал вас на Истир? – продолжал расспрашивать Велем.

– Да.

– Зачем? Он велел вам ждать ладьи Прочена?

– Да.

– Он приказал перебить смолятичей?

– Да.

– А роды речевинов над Истиром он не велел трогать?

– Нет.

Велем кивнул. Это и было то, что он хотел знать.

– Так слушай меня, Байан-А-Тан из Прямичева, – окончив вопросы, заговорил он. – Как сосна корнями в земле сидит, с места не сойдет, и вода ее не смоеет, и ветер ее не повалит, и медведь ее не обрушит, так и ты возле Ольховиков жить станешь и с места сего не сойдешь! Как река бежит, а от своего истока не убегает, так и ты вокруг огнища ходи, а от огнища не

уйди! Как рыба по суху не может ходить, так и тебе нет дороги, кроме Ольховиков! Запираю я слова мои на три замка, завязываю на трижды три узла, и слово мое крепко, вовек нерушимо!

Произнося заговор, Велем обвил берестяной ремешок вокруг тела чужака под рубахой, завязывая на нем поочередно девять узелков. Теперь чужак оказался связан, и науз волшебной силой будет держать его на огнище крепче железной цепи.

– Спи! – велел Велем, окончив заговор.

Он слегка коснулся пальцами лба чужака, и тот мгновенно откинулся назад, на подстилку из сена. Глаза его закрылись, грудь задышала глубоко и ровно. Он спал.

Смеяна смотрела на ворожбу широко открытыми глазами, и во взгляде ее мешались ужас и восторг. Ее восхищала сила ведуна, но участь пленника внушала жалость. Ей уже мерещился такой же науз и на собственном теле. И никогда от него не избавиться, никогда не жить больше своей волей!

Велем поднялся и пошел к двери. На ходу обернувшись к Смеяне, он бросил только одно слово:

– Молчи!

Смеяна ничего не ответила. Этого предупреждения ей не требовалось.

* * *

Так получилось, что неожиданно обретенный холоп оказался под началом Смеяны. Своего имени он не говорил, Смеяна тоже молчала о том, что услышала, и его стали звать Грачом. Едва ли кто слышал от него хоть слово, и Ольховики считали, что он вовсе не понимает поговорлински. Взгляд его из-под полуопущенных век был так угрюм, что с ним старались не встречаться глазами. Он покорно вертел жернов, пока не мог еще ходить, молча съедал то, что ему давали, потом отворачивался к стене и засыпал. Он так и остался в пустой клетки – пускать его в избы, в хлев к коровам или в конюшню к лошадям Варовит боялся.

Смеяна каждый день старательно обновляла ему повязки, промывала отварами, шептала свои немудреные заговоры, и через несколько дней Грач мог ходить, почти не хромя. Его стали брать в лес за дровами. Чаще всех с ним ходила Смеяна – она одна его не боялась. Несмотря на все его странности, Смеяна сочувствовала ему – ведь он тоже не имел рода и не знал своего отца. Она старалась обходиться с Грачом поласковее, надеясь, что он привыкнет к ней и разговорится, приберегала ему кусочки побольше, как любимой собаке, подолгу разговаривала с ним, не смущаясь ответным молчаньем. И чужак скоро стал смотреть на нее не так дико, как на других.

Грач не походил на тех, кто легко смиряется. Смеяна была уверена, что он хотя бы попытается убежать. И поэтому она несколько не удивилась, когда на седьмой или восьмой день он исчез.

Это случилось в том самом перелеске, где Смеяна нашла его. Ее послали нарезать-таки бузинного цвета, и она взяла с собой Грача нести корзину. Наполнив корзину белыми соцветьями, она огляделась, но Грача нигде не было. Смеяна покричала на всякий случай, не надеясь дождаться ответа. Она не слишком беспокоилась, твердо веря в крепость науза, наложенного Велемом. Бросив корзину на поляне перед бузинными зарослями, Смеяна отправилась на поиски.

Немного покружив по лесу, она вышла к ложбине, где ручеек служил межой земель Ольховиков и Перепелов. Грач лежал на траве на ближнем берегу ручья и смотрел в небо.

– Вот он ты! – воскликнула Смеяна и подошла к нему. – Я так и думала. Здесь межа – этот берег наш, а тот – Перепелов. Потому тебя науз за ручей и не пустил. Ты не думай – наш Велем ведун умелый, таких поискать. Как скажет – так и будет.

Грач не ответил и даже не посмотрел на нее. Смеяна села рядом с ним на траву. Его смуглое лицо было неподвижно-равнодушным, но темные тени под глазами говорили о том, что он переносит неволю далеко не так спокойно, как хочет показать. Смеяне было его жаль: слишком хорошо она себя саму представляла вот так же запертой в чужом племени, да еще и в холопстве. А отроку из княжеской дружины попасть в холопы – хуже смерти.

Смеяна вздохнула. Грач не посмотрел на нее, но ресницы его дрогнули.

– Я бы тебя отпустила, – пояснила Смеяна. – Да не могу. Велем заговор наложит, никому не снять.

Грач приподнялся на локтях и посмотрел на нее. В его глазах появился проблеск живого чувства. Это воодушевило Смеяну, и она вскочила на ноги.

– Давай попробуем! – воскликнула она. – Давай, поднимайся! Может, не один, а со мной ты как-нибудь... Вставай, вставай!

Грач встал. Смеяна живо перепрыгнула через ручей, который был не больше локтя в ширину, и протянула Грачу руку:

– Давай же!

Грач подал ей руку над ручьем. Вид у него был нерешительный – он не очень-то верил в успех. Но Смеяну нелегко было разуверить. Вцепившись в запястье Грача, она изо всех сил потянула его через ручей. Только бы за межу, а там... Но сколько она ни тянула, Грач стоял на том берегу, как дерево. Он хмурился, сжимал зубы, напрягся, силясь сделать шаг, но напрасно. Его ноги не повиновались, словно вросли в берег. Невидимая преграда, которая для Смеяны не существовала, для него была непреодолима.

– Не получается! Матушка Макошь, Зволина Милосердная! – в отчаянии зывала Смеяна к Небесной Пряхе, одной из восьми дочерей Макоши, позволяющей изменить злую судьбу. – Да что же это!

Грач отнял руку и досадливо вздохнул. Но Смеяна, раз пожелав чего-то, не хотела так быстро сдаваться. Препятствия только усиливали ее решимость во что бы то ни стало добиться своего.

– погоди, вот еще что!

Смеяна перескочила назад на свой берег, подобрала брошенный на траву бузинный нож, подскочила к Грачу и задрала край его рубахи. Он вдруг рассмеялся, и Смеяна фыркнула тоже, просто потому, что не могла молчать, когда рядом смеялись. Да, девичьей скромностью и стыдливостью Макошь ее сильно обделила.

Но сейчас ей было не до того. Склонившись, она внимательно осмотрела науз, обвязанный вокруг тела Грача. Девять заговоренных узелков крепко охраняли запрет. При свете дня она заметила на боку Грача длинный белый шрам, хорошо заметный на смуглой коже, мельком полюбопытствовала про себя, откуда он взялся. Но науз занимал ее больше.

– Я уже пробовал, – сказал Грач, поняв, о чем она думает.

– Я знаю, что ты пробовал! – отозвалась Смеяна. – А теперь я попробую!

Едва ли у кого-нибудь во всем роду поднялась бы рука на науз, наложенный ведуном. Но Смеяна не умела бояться. Она осторожно подцепила берестяной ремешок острым концом ножа и попыталась его перерезать. Отведя вперед локоть и придерживая край подола, Грач через плечо смотрел, что она делает. Но с таким же успехом можно было резать морковкой – ремешок оставался целым. Смеяна попробовала лезвие – острое, как всегда. Даян заточил только вчера. И бузину он резал. А вот науз – не режет. Со вздохом Смеяна разогнулась.

– Не выходит, – сказала она с унынием, как будто не удалась попытка ее собственного спасения из неволи. – Знаешь, как бывает, – кто заклятье наложил, только он и снимет. А Велема уговорить снять...

Она безнадежно махнула рукой. Ведуна она могла уговорить на многое, но на это не стоило и пытаться.

– Пойдем, что ли! – сказала она и пошла прочь от берега.

Грач шагнул за ней, и вдруг обнял ее сзади за плечи и поцеловал в щеку возле глаза. Смеяна вскрикнула, быстро обернулась и успела увидеть, как он улыбается. Видно, не всегда он был таким угрюмым! И все уныние Смеяны мигом прошло.

– Ты что! – с веселым возмущением воскликнула она. – Этого еще не хватало! Я невеста плохая, меня целовать нельзя!

– Я вижу, какая ты! – ответил Грач.

Смеяна надеялась, что он скажет чего-нибудь еще, но он ничего не прибавил. Но теперь он поверил, что Смеяна – друг ему, и лицо его заметно оттаяло. И еще не раз по пути к огнищу они обменивались взглядами и дружно фыркали от смеха, как будто у них появилась какая-то забавная тайна. И Смеяне подумалось: а не был ли он у себя дома таким же «блаженным», как она у Ольховиков?

Родичи вскоре заметили их дружбу, особенно видную среди общего отчуждения. Даян стал коситься на Грача с недовольством. Смеяна сначала не понимала, к чему кузнец роняет намеки о черных дурных глазах и дрёмических лиходеях, а потом однажды поняла и расхохоталась.

– Да ты, брате любезный, не ревнуешь ли? – спросила она.

– Я! – Даян дернулся, как ужаленный. – Да ты сдурела, девка! У меня, чай, жена есть!

– Вот за женой и гляди, ее от черных глаз и береги! Глядишь, пореже в хлеву будешь ночевать! – с торжеством объявила Смеяна.

Она давно знала, что Даян на нее смотрит не как брат, а жена его, Синичка, все чаще ссорилась с ней по пустякам. Вопреки древнему обычаю, по которому принятый в род мужчина имеет равные права на любовь всех сестер своей жены, Синичка не могла смириться с тем, что Даян слишком часто смотрит в сторону Смеяны.

– Ты тоже поберегись! – досадливо бросил Даян. – Я вот тоже приглажу, где ты ночевать будешь. Еще нам таких чернявых младенцев в роду не хватало! Мало тебя, рыжей!

Но Смеяна отвечала только смехом. Она редко задумывалась и сама не смогла бы объяснить, как относится к Грачу. Конечно, за лихое действие пирогов не подносят, и княжич Светловой чудом в живых остался. Но Грач служил своему князю, а служба – все же не разбой. В душе Смеяны говорило какое-то глубинное чувство свободы, звериная нетерпимость ко всякой неволе. Как она помогла бы всякому больному, если бы только могла, так и Грач казался ей больным – больным неволей.

А сестры теперь не упускали случая подразнить Смеяну.

– Смотрите-ка – и Смеянка себе жениха нашла! – веселились девки, глядя, как Смеяна и Грач вдвоем ведут лошадь с волокушей, нагруженной дровами, или волокут от реки бадью с мокрым тряпьем. – Две рукавицы – пара!

– А вам никак завидно? – крикнула однажды утром Смеяна в ответ.

Женщины доили коров перед выгоном на луг; Смеяну к этому важному делу не подпускали, и они с Грачом таскали воду.

– Право слово говорю – береги его, в мужья тебе сгодится! – отвечала ей Синичка. – Другой-то кто едва ли к тебе свататься будет! Смотри только, корми его получше – а то сбежит!

– От тебя, может, и сбежит, а за меня не бойся! – Смеяна остановилась, повернулась, держа два ведра. – Я как замуж надумаю, так себе жениха не хуже ваших найду!

– А то как же! – смеялись сестры. – Хоть княжича!

– А хоть и княжича! – с вызовом крикнула Смеяна. Она редко злилась или обижалась, но эти насмешки вывели ее из себя. – Вот увидите еще!

Сестры заливались смехом, а Смеяна побежала догонять Грача. Слыша сзади ее шаги, он обернулся. «Ну чего там такое?» – спросил он легким движением бровей.

– Вот дуры-то! – в сердцах сказала ему Смеяна. – Слышал?

– Слышал! – понизив голос, ответил Грач, отворачиваясь, чтобы никто другой не видел его лица.

Он привык прятать от Ольховиков и глаза, и речь, как будто никому, кроме Смеяны, нельзя было знать самого важного – что он тоже человек. Однако в голосе его Смеяна услышала насмешку, а в темных глазах заметила веселый отблеск. В редкие мгновения в Граче словно прорывался какой-то другой человек, и Смеяна подозревала, что этот и есть настоящий. Веселым он нравился ей гораздо больше, но сейчас его насмешка только усилила ее обиду.

– Чего смеешься-то? – возмутилась Смеяна. – И ты, как эти сороки, думаешь, что я получше тебя жениха не найду?

– А ты не пыхти! – с дружеской простотой посоветовал Грач и глянул на Смеяну многозначительно и лукаво. – Во-первых, я гораздо лучше, чем все они думают. В Прямичеве у меня две жены, и обе боярского рода.

– Здесь-то не Прямичев! – поостыв, сказала Смеяна. – А здесь-то ты...

Она встретила взгляд Грача, вдруг ставший очень серьезным, и запнулась, почему-то не решившись произнести слово «холоп». А он помотал головой, как будто отметал само существование этого слова.

– Запомни, сердце мое! – тихо и твердо сказал он, глядя ей в глаза. – Кто родился свободным, тот холопом не будет. Никогда.

Смеяна ждала продолжения, чувствуя, что эти слова имеют какое-то значение и для ее собственной судьбы, но какое? Каким родился, таким и будешь жить... Или не так?

Но Грач больше ничего не прибавил и понес ведра в хлев.

* * *

Натаскав воды, Смеяна бросила ведра в сених и убежала. Она привыкла, что ей не равняться с сестрами и никогда не быть завидной невестой, но раньше это не задевало ее. Она сама не знала, что изменилось, – должно быть, это княжич Светловой невольно виноват. Но теперь насмешки сестер больно ранили ее, осознавать свою непохожесть и ущербность стало нестерпимо. Каким родился, сказал Грач, таким и будешь жить. Так неужели это навсегда? Матушка Макошь, за что мне такое? За то, что с веснушками родилась?

По привычке забрав корзинку и бузинный нож, Смеяна побрела к лесу. В лесу ей всегда было хорошо: здесь каждое дерево приветствовало ее качанием ветвей и никто не попрекал ее веснушками или неумелостью. Разве цветы и деревья умеют прясть и шить? Им это не нужно – Мать Макошь без труда одевает их уборами, с какими не сравняться самому утонченному мастерству человеческих рук.

Ноги сами несли Смеяну привычной тропой – к избушке Велема. Черный кот сидел на крыльчке, в избушке было тихо, но Смеяна чуяла где-то поблизости и самого хозяина.

– Дядька? – позвала Смеяна. – Ты где?

– Здесь я, здесь! – послышался недовольный голос из-за угла.

Смеяна обошла избушку. С задней стороны Велем раскладывал сушиться на солнечной полянке срезанные стебли горлицы.

– Чего тебе опять?

Держа в руках зеленые стебли, Велем смотрел на Смеяну, выжидая, когда она скажет и уйдет. А она опустила корзинку, села на траву, обхватила руками колени. В это утро она вдруг осознала то, что все девятнадцать лет своей жизни не замечала. Что она родилась и выросла в роду Ольховиков, но не родная им, что она не похожа на них и одинока. Но как об этом рассказать? Какого тут совета попросить?

– Что, онемела? – с нетерпеливым недовольством спросил Велем, всем видом выражая желание поскорее от нее отделаться.

Смеяна подняла на него непривычно грустные глаза и сказала то, что было на сердце:
– Хоть бы ты, дядька, придумал бы чего-нибудь, чтоб я стала как все.

Велем взгляделся в ее лицо, как будто нашел в давно знакомом что-то небывалое. Ему не верилось, что это всерьез.

– Вот тебе чего! – неопределенно протянул он. – А давеча кричала, что не хочешь как все! С чего же передумала?

Смеяна скривила губы. Вчера было одно, сегодня – другое. Зверь и тот линяет – и человек меняется.

– Чем же я тебе помогу?

Бросив стебли горлицы, Велем сел на землю напротив Смеяны. От удивления его недовольство прошло, ему стало любопытно.

– Ну как-нибудь... – Смеяна с надеждой подняла глаза на Велема. – В чаше посмотри, что ли? Откуда я взялась, такая непутевая? Где-то же и моя судьба на веретено смотана!

Она слишком привыкла полагаться на мудрость ведуна, особенно глубокую рядом с ее собственной бестолковостью. Но сам-то Велем понимал, что чем больше человек знает, тем больше неразгаданных тайн открывается ему в земном и небесном мирах и тем большим невеждой он себя чувствует.

– Ну, куда хватила! – Велем потер бороду, обводя медленным взглядом верхушки берез вокруг избушки. – Чаша у меня малая, и мудрость в ней малая. В ней судьба рода Ольховиков. А твоя дорожка издалека тянется, я не знаю откуда. Знал бы – давно бы сказал.

– Ты не знаешь? – Смеяна широко раскрыла глаза. Незнание Велема для нее было такой же нелепостью, как нехватка воды в Истире. – Кто же тогда знает?

– Да вот кто! – Велем развел руки широко в стороны, словно хотел показать всю землю разом. – Макошь Матушка.

– Она-то знает, да у нее не спросишь! – Смеяна начала сердиться и нахмурилась. Ей казалось, что ведун нарочно морочит ее, потому что не хочет помочь. – Как я у Макоши спрошу! Она с дочерьми судьбы наярала да у себя в ларе заперла, нам не показывает! В Надвечный Мир к ней мне прикажешь влезть? Тут ведь не кошуна про Заревика в Сварожьем Саду! Мне-то серый волк спину не подставит!

– Ты пришла совета спрашивать – так слушай, что говорят! – с резкой досадой прервал ее Велем. – В Надвечном Мире тебя только и ждали! Да тебе туда и не надо! Ведь Макошина Чаша Судеб не на небе хранится, а на земле. И кто до нее дойдет, тому она и ответ даст – кто он, откуда он да зачем.

– Как – на земле?

– Так богами завещано. Судьба земли – на земле, судьба неба – на небе. И как небо без земли не может быть, так и судьбы их вместе. Здесь – Чаша Судеб, а там, – Велем показал вверх, – там Чаша Годового Круга хранится, а в ней – весь мировой порядок. И на этих двух чашах весь белый свет держится.

– Ой! – Смеяна зажмурилась и потрясла косами, словно ослепленная светом небесной мудрости. Она представила себе только краешек мирового порядка, но и это зрелище оказалось для нее слишком огромно. – погоди, дядька! Ну пусть она на земле. Да как же я ее найду, чашу-то эту?

– Кому надо – того она сама найдет. Иди – и найдешь. Най-дешь, – отдельно повторил Велем, чтобы Смеяна лучше уразумела смысл слова и подсказку, заключенную в нем самом.

– Благо тебе буди, утешил! – мрачно поблагодарила Смеяна. – Как же я пойду?

Велем пожал плечами и ничего не добавил. Он свое сказал. А Смеяна попыталась представить этот поход – в одиночку, неведомо куда, в надежде на благосклонность Макоши. А если Богиня-Земля не сочтет ее достойной видеть Чашу Судеб? Что же, всю жизнь по свету бродить? Смеяна потрясла головой. Ее считают безрассудной, но она не сумасшедшая!

– Это чего-то... Как-то уж слишком... – пробормотала Смеяна.

Никакого толкового пути ей не виделось.

– А ты чего хочешь? Чтобы тебе твою судьбу на шитом рушнике поднесли?

– Тебе легко говорить! Тебя бы так послали – за тридевять земель незнамо за чем!

– Знамо за чем – за судьбой. Судьбу искать надо. Сама она никого не ищет. А вот если зовут – откликается.

– Чего-то ты намудрил, дядька! – наконец решила Смеяна. – Не по мне. Я же не хочу, чтобы про меня кошуны складывали. Я только-то и хочу – чтобы не хуже других...

– Это можно! У нас в коробах всякого товару достало! – дурачась, чтобы скрыть досаду, затянул Велем, подражая торговым гостям. – Не хочешь своей судьбы искать – твоя воля. А девке чего надо? Жениха доброго да приданого, чтоб перед новым родом не стыдно. Женихов у берегинь просят, да к ним надо с подарком являться. Ступай-ка ты лучше к полудянке. Знаешь, что говорят? Плясать полудянки до страсти любят. Позови ее плясать. Коли ты ее перепляшешь, то она тебе все что ни попросишь даст. Хочешь – красы даст ненаглядной, хочешь – приданого сундук, что хоть боярышне впору. Будешь невеста не хуже других, на Купалу, гляди, и за тобой сваты явятся...

Ведун потер бороду, хмыкнул и отвернулся, скрывая усмешку. А Смеяна слушала, не понимая, смеется он или говорит правду. Да, полудянки могут одарить чем угодно, но на ее памяти не находилось таких смелых девиц, чтобы ходили к ним за подарками. Так что же – опять отказываться? И это не по плечу?

– А тебе чего бояться? – продолжал Велем. – Коли ты чего и умеешь – так петъ-плясать. В том твое богатство и есть – так не робей, пробуй, авось чего и выйдет. А под лежащий камень, сама знаешь... Или хочешь весь век вот так сидеть да на судьбу жаловаться? Не любят меня, дескать, не жалеют, никому я не нужна...

– Да когда же это я жаловалась? – возмутилась Смеяна. Она уже забыла, что говорила вот только что, на щеках ее разгорелся румянец, она вскочила на ноги и даже сжала кулаки, наступая на ведуна. – Да когда же! И ничего я не робею! Вот пойду и к полудянке! Сей же день пойду! Смотри, как раз полдень скоро! Сейчас же пойду!

Велем посмеивался про себя, глядя, как быстро пылкая решимость сменила ее недолгое уныние. Это ему и было нужно.

– А вот я посмотрю, как ты пойдешь! – отвечал ведун на ее горячую речь, с издевкой прищурился. – На словах-то как на гусях, а как до дела...

– Вот и погляди! – запальчиво отвечала Смеяна, не замечая, что Велем толкает ее к решению так же, как она подбивала его на трудное гадание. – Вот и увидишь! Сейчас и пойду!

Забыв о своей корзинке, она повернулась и бросилась бежать прочь от избушки, так что две рыжие косы полетели за ней, едва успевая. А с лица Велема мигом пропала усмешка.

– Иди, иди... – бормотал он, глядя ей вслед.

Ему не давала покоя загадка ее силы, которой он не мог найти объяснения, несмотря на всю свою мудрость. Разгадку знает только Надвечный Мир. Сумеет Смеяна переплясать полудянку, не сумеет – в этом и будет ответ. Если не сумеет – душа ее стгорит под жаркими лучами полуденного солнца, Полуденная Дева возьмет ее разум, а может, и саму жизнь. А если сумеет... Вот Велем и хотел узнать, что тогда будет.

* * *

Солнце указывало полдень, широкое пространство ржаного поля было залито светом. Смеяна медленно вышла из лесной тени и остановилась на меже. В душе ее решимость боролась со страхом, от волнения сердце стучало под самым горлом. Всю жизнь, сколько Смеяна себя помнила, она ощущала живое дыхание Надвечного Мира, но ни разу ей не приходилось

встречаться с его детьми лицом к лицу. Сколько рассказывают басен и быличек о смельчаках или безумцах, которые решались на подобное, но успешными таким походы бывали только в древние времена. Купцы рассказывали, что дебрический князь недавно добыл себе в жены берегиню – но это же князь! Ей ли тягаться... И в то же время собственный страх казался Смеяне каким-то ненастоящим, вроде обычая вежливости, который обязывает кланяться неприятным людям. Этот страх перед Надвечным Миром был внушен ей с детства бабками и дедами, которые учат всех детей остерегаться берегинь, лесовиц, межевиков, всех лесных, водных и полевых духов. Но чем дальше шла Смеяна по полю, тем слабее делался этот страх, как будто оставался позади, на берегу обыденного мира. Она сама удивилась, насколько мало боится. Люди боятся чужого и неведомого. А Смеяне вовсе не казалось, что она идет к чужим.

Встав посреди поля, Смеяна медленно огляделась. Жаркие солнечные лучи лились с неба прямо ей на голову, жгли плечи. Воздух вокруг уплотнялся. Щурясь от слепящего зноя, Смеяна оглядывалась, выискивая в блеске лучей знакомое мельканье. Впервые в жизни она пыталась собрать в кулак все буйные, но беспорядочные силы своей души. И оттого, что кулак этот оказался вовсе не пустым, Смеяна поняла, что сможет многое.

– Полудянка-сестрица, красная девица! – позвала она вслух. – Выйди, покажись! Я к тебе пришла поплясать!

Над полем бродило блестящее марево, в глазах рябило. По земле, покрытой ржаными ростками, по лесу, по небу с белыми легкими облачками поплыли отблески прозрачных радужных цветов. Смеяна насторожилась – это двигались вокруг нее ворота Надвечного Мира. Она позвала Полуденную Деву по имени и назвала сестрой – та не может не откликнуться.

В дальнем конце поля мелькнуло светлое пятно, будто солнечный зайчик пробежал и пропал. Смеяна поспешно обернулась туда, но не успела уследить. Блестящий зайчик мелькнул снова, уже в другой стороне, но ближе. Полудянка играла с ней, ходила кругами, рассматривала свою гостью, но сама не показывалась.

Смеяна прижала руку к янтарному ожерелью – солнечные камни были горячее огня. И вдруг глаза ее раскрылись, взор прояснился. Из слепящего марева возникла девичья фигура – такая же статная и нарядная, как была десять дней назад. Только теперь лицо и руки полудянки покрывал легкий золотистый загар, такой же, какой успела приобрести сама Смеяна, а в густых русых косах пестрело несколько цветков. Смеяна смотрела прямо в лицо Полуденной Деве и мигом притянула ее ответный взгляд.

– Ты меня звала? – спросила полудянка, с любопытством глядя на нее.

Не перебирая ногами, она мигом оказалась в нескольких шагах от Смеяны, словно сам солнечный луч ее перенес.

– Я звала! – подтвердила Смеяна, и собственный голос показался ей необычным. – Хочу я с тобой поплясать!

– Вот радость-то! – Полудянка высоко подпрыгнула и захлопала в ладоши. – Давно мне ни с кем плясать не случилось! До сена и до жатвы далеко еще, а по огородам да репищам скучно мне бродить, на шеях склоненных кататься! Давай попляшем! Ты одолеешь – чего хочешь у меня проси. А я одолею, – полудянка расхохоталась, взмахнула рукавом, – не прогневайся!

На миг Смеяне стало жутко: в суетливом проворстве полудянки, в каждом ее движении, в красивом и бессмысленном лице было что-то настолько нечеловеческое, так жадно, с торжеством и предвкушением близкой поживы кривился ее румяный рот, что сама попытка состязаться с ней показалась верной гибелью. Но Смеяна не дала воли страху: в ней мигом вспыхнула жгучая злость, решимость во что бы то ни стало одолеть знойную хохотушку. Ты, нежить, узнаешь, как со мной плясать! В груди у Смеяны быстро разгорался ярко-желтый огонек, сила растекалась по жилам, наполняла нетерпеливой жадой борьбы. Ты у меня узнаешь!

– О чем уговор? – Из травы на краю поля вдруг высунулась разлохмаченная голова старичка, ростом не больше пятилетнего ребенка. – Почему без меня?

Смеяна посмотрела на него без удивления, только с любопытством. Она чувствовала, что вокруг полным-полно жизни-нежити, скрытой от человеческих глаз.

– Как же без тебя, дедушка межевик? – радостно воскликнула полудянка. – Без тебя нельзя! Ты за межами следишь, порядок бережешь – ты и погляди, чтобы все без обмана было!

– Погляжу, как же не поглядеть, внучка! – Межевик вылез из травы и уселся на бугорок.

Его густые волосы были цвета молодых ржаных ростков, и ровный пробор разделял их на две равные части.

– А я зову Лес Праведный! – воскликнула Смеяна. – В лесу деды живут, из каждого дерева их глаза глядят! Не знаю я, где мои деды, но пусть они меня услышат! Лесные Отцы всем людям родня, сколько ни есть – пусть и моя родня за меня постоит!

Смеяна огляделась. Тесным строем белоствольных воинов обступил клочок ржаного поля лес, ее давний друг и защитник. Сотни глаз глядели на нее, тысячи зеленолистных рук готовы были потянуться ей на помощь.

Межевик опасливо оглянулся на лес, будто ждал оттуда подвоха.

– Пусть будет лес! – согласился он и заерзал, будто устраиваясь поудобнее. – Мы двое с внучкой – полевого рода, а от тебя, девица, вроде лесом пахнет. Ну, с Ладой и Лелей – начали!

Межевик хлопнул в ладоши, свистнул. Полудянка вскинула над головой беленький платочек, поклонилась Смеяне, притопнула. Смеяна взмахнула рукавом, поклонилась ей в ответ, и обе они разом пустились в пляс. Полудянка плясала легко, как солнечный зайчик, играла и руками, и ногами, и плечами; русые косы вились вокруг нее, белая рубаша блестела под солнцем, слепя глаза. Но и Смеяна не отставала от нее. Не зря ее уже не один год выбирали на Купалу для русальных плясок – в этом она не имела равных, не знала усталости. А теперь в ней забил вдруг новый родник, источник небывалых сил. Руки, ноги, плечи ее двигались ловко и слаженно, как бы сами собой, и ей было радостно, как ни в какой из прежних велик-дней. Она плясала от радости, а вовсе не ради состязания; ликование от красоты мира бурлило в ней и искало выхода. Она не видела полудянки, не ощущала жары и солнечных лучей. Над ее головой шумела березовая роща, овевая прохладой, шум ветвей лился ей в душу и качал на прохладных волнах. Вокруг нее колыхались березовые крылья, словно толпа березок водит хоровод вокруг нее и пляшет вместе с ней. Она была в Ладиной березовой роще, где сама богиня обитает круглый год, где стоит вечная весна. Смеяне было легко, как будто Лада Бела Лебедь, дарящая радость человеческой душе, улыбается где-то рядом. Невидимые руки играли для нее на солнечных дучах, как на гусях, и эта задорная гудьба сама несла ее дальше и дальше.

Вокруг них поднимался гомон. Отовсюду собирались полевики, травнички, коренички, разные мелкие полевые и луговые духи; все хлопали себя по бокам, дивились необычному зрелищу. Из леса тарачили глаза лесовухи и болотницы, подпевали скрипучими голосами, подсвистывали.

Смеяна не видела никого из них, только иногда мельком замечала, как перед ней кружится в пляске полудянка. Она не ощущала времени, для нее исчезло прошлое и будущее, исчезли утро, день и вечер. Весь мир для нее стал одним бесконечным полднем, ярким, жарким и слепящим. Плясать стало то же самое, что дышать, – единственным способом жить. Она забыла весь земной мир, перед ней открывалось что-то новое, далекое. Березовое царство Лады и Лели растворило зеленые ворота ей навстречу и звало ее.

В зелено-золотистом море березовой листвы вдруг загорелись два ярких желтых огня. Сначала далекие и неясные, они все приближались, разгорались ярче. Из глубины Ладиной рощи прямо на Смеяну смотрели два огромных желтых глаза, прозрачно-золотистых, как кусочки янтаря, насквозь пронизанные солнцем, с узкими, как острые щели, черными зрачками. Эти глаза смотрели из глубины Надвечного Мира, но не внушали ей страха, а придавали новых сил. Пока они смотрят – она не узнает усталости и будет плясать хоть до окончания мира...

И вдруг пронзительный крик прорезал напев березового хоровода. Мир резко крутанулся вокруг Смеяны, взмыл вверх, как будто она провалилась. С трудом удержавшись на ногах, она остановилась, сжала голову руками, чувствуя, как раскаленная земля покачивается, словно хочет уплыть куда-то прочь.

Ладина роща исчезла. Смеяна стояла посреди ржаного поля, перед глазами у нее все плыло, яркие пятна света мешались с черными тенями – так бывает, если солнцем сильно напечет голову. И сквозь эти плывущие пятна Смеяна увидела полудянку. Ее соперница сидела на земле, вскинув руку с выставленным локтем, как будто защищаясь, и на ее румянном лице отражался ужас.

Разом Смеяна ощутила, что задыхается, что руки и ноги у нее дрожат от непосильного напряжения. Горячая мокрая рубаха прилипла к спине и при каждом движении шевелилась, словно слезает старая кожа. Но Смеяна стояла, а соперница ее сидела на земле.

– Ты... чего? – жадно глотая горячий воздух, еле выговорила Смеяна. – Чего села?

А сама понимала: продлись их состязание еще немного, у нее, пожалуй, сердце лопнуло бы от напряжения.

– Там, там! – Полудянка замахала рукавом, не отводя от опушки леса испуганных, широко раскрытых глаз. – Я видела, видела!

– Чего ты видела-то? – Межевик тоже оглянулся к лесу и поежился. – Кто-то на нас смотрел, да сам-то не показался.

– Я видела... глаза... – еле выговорила полудянка. – Страшно, дедушка!

– От глаз и упала? – Межевик покачал растрепанной головой. – Проплясалась ты, выходит, внучка. Верх-то упустила. Что же ты так? Никогда такого с тобой не было!

– Не было, да вот вышло! – обиженно отозвалась полудянка. – Дажьбог-батюшка дурно со мною пошутил. Сколько я людям глаза морочила, а тут самой примерещилось невесть что!

Она поднялась с земли, отряхивая ладони и рубаху. Ее темные пушистые брови были сдвинуты, на румянном лице отражались обида и досада. Девы Надвечного Мира не привыкли терпеть поражения от людей.

– За мной верх остался! – объявила Смеяна, стараясь говорить ровнее и скрыть тяжелое дыхание.

Полудянка дышала спокойно – дети Надвечного Мира не устают.

– Уж видно, так! – нехотя согласилась та. – Знать, судьба. Говори, чего хочешь?

– Хочу... – Смеяна помедлила, собираясь с мыслями.

Она еще не успела осознать свою победу и не чувствовала радости, ей все казалось, что она должна торопиться, скорее схватить за радужный хвост свою сумасшедшую удачу, пока не поздно. Но мысли путались, она совсем не помнила, чего хотела и ради чего пришла на это яркое полуденное поле. В памяти мелькнуло лицо Велема и его насмешливые советы.

– Хочу вот что! – объявила она. – Хочу сундук с приданым, чтоб был боярышне впору, хочу красивой стать, чтобы все женихи с меня глаз не сводили, хочу чтобы на Купалу меня сватать приехали... Нет, за княжича замуж хочу!

Межевик хмыкнул, закрыл рот коричневой ладонью.

– Ой! – изумленно воскликнула полудянка. – Ну и жаден же род людской! Неужто тебе столько всего нужно! И зачем? Тебе же лес помогает! Не знаю я, не пойму, кто ты такая, да только ни одна бы девка меня переплясать не сумела! И глаза те желтые – неспроста. А ты сколько всего захотела!

– Мое дело – чего хочу, того и прошу! Ты обещала мне все дать, что попрошу, – так давай!

– Да бери! – Полудянка пожалала плечами. – Мне разве жалко? У меня всего много.

Она махнула платочком, и тут же Смеяна увидела возле себя большущий сундук – пожалуй, она сама без труда поместилась бы в нем. Бока и крышка его были обиты медными полосами с хитрыми узорами из цветов и листьев, сам по себе он уже стоил немало.

– Бери, чего желала. Да потом не жалуйся – сама себе счастье выбрала.

– Спасибо тебе! – пробормотала Смеяна. – Прощай.

– Свидимся! – повеселев, воскликнула полудянка. – Мой срок еще долгод – до самых Спожин! Будет в чем нужда – еще помогу!

Она звонко расхохоталась, снова махнула платочком и мигом оказалась в другом конце поля. Смеяна пыталась проводить ее глазами, но увидела лишь неясный отблеск солнечного луча. И лучи стали более милосердны – полдень миновал.

В глазах у Смеяны разом прояснилось, радужные отсветы и темные пятна исчезли, мир вокруг принял обычный вид. Она стояла посреди ржаного поля, такого же, как всегда. Только у ног ее стоял огромный сундук с узорными накладками. Смеяне казалось, что все это был сон, морок, стерегущий людей в открытом месте в полдень. Но вот же он, сундук. Смеяна осторожно положила ладонь на крышку. Под пальцами ее были настоящее дерево и медь, горячие от солнца. Значит, все-таки не морок.

– Вот услужила, подруга! – со смесью досады и удивления сказала Смеяна вслух. – Да как же я такой сундучище до дома поволоку! Да его лошадьё не свезешь! Обещалась помочь – так помогла бы донести! Уж не про это ли говорила – не пожалеть?

Она вдруг разозлилась на этот сундук – да что бы в нем ни было, какая же тяжесть! И на кой леший он ей сдался, в самом-то деле? На кой Морок ей наряды – всю жизнь ходила в чем есть, не жаловалась!

Из леса со стороны Перепелов вышли двое. Подняв ладонь к глазам, Смеяна вгляделась и узнала одного из старших Перепелов, Остроума, и его сына, Заревника.

– Вот, хоть какая подмога! – обрадовалась она.

Остроум с сыном заметили ее и ускорили шаг.

– Ты чего тут, девка, делаешь? – спросил Остроум, подходя.

– Да вот, люди добрые, жду, не поможет ли мне кто сундук до огнища донести, – непри-
нужденно ответила Смеяна и небрежно показала на свою добычу.

– Сундук? – Остроум опустил глаза и изумленно воззрился на подарок полудянки.

Похоже, он не верил своим глазам и принимал появление сундука посреди чиста поля за забаву жаркого солнца. Не гриб ведь, сундук-то, чтобы вот так сам собой взял и вырос!

– Да как же ты его сюда-то донесла? – начал Заревник и вдруг запнулся.

Смеяна посмотрела на него и встретила изумленный взгляд. Заревник поморгал, потер глаза ладонью, потом снова посмотрел на нее. В глазах его изумление сменилось восхищением, и Смеяна вспомнила еще об одном желании, которое сторяча высказала полудянке, – стать красивой.

– Конечно, поможем! – торопливо воскликнул Заревник, как будто тут толпились охотники помочь, и подмигнул ей. – Такой красавице как не помочь! В добрый час мы сегодня к Ольховикам собрались! Донесем тебе сундук! Чего хочешь, все сделаем! Прикажи только!

Смеяна не верила своим ушам. Никогда Заревник с ней так не разговаривал, да и никто другой тоже. Парни только поддразнивали ее, хотя и любили слушать ее болтовню или песни. Но ведь каждый род хотел взять к себе умелую и прилежную хозяйку, а Смеяне в этом было далеко не то что до лучших, а и до последних, поэтому серьезного внимания на нее никто не обращал. А Заревник был лучшим парнем во всех окрестных родах и отлично знал об этом, хотя умел держаться, не слишком заносясь. И невесту он себе выбрал под стать, самую лучшую, – Верёну. Все привыкли к тому, что Верёна и Заревник предназначены друг другу, и Смеяна удивилась, как будто подобные речи к ней обратил кто-то из женатых мужчин. Но, глядя ему в глаза, она не видела ни малейшей памяти о прошлом, никакой Верёны, – только свое собственное отражение.

– Ну, помогите, коли мимо идете, добрые люди, – немного растерянно ответила Смеяна.

Заревник с охотой ухватился за нагретую ручку сундука, отец его взялся за другую. Идя за ними, Смеяна украдкой потрогала свой нос. Каким он был вздернутым, таким и остался. Ей мучительно хотелось сбегать к Истиру, широко блестящему поблизости, и посмотреть на свое отражение в тихой заводи. А на ощупь черты ее лица, никого прежде не восхищавшие, ничуть не изменились. Может, хоть веснушки исчезли? Но косы были рыжими по-прежнему.

Вступая в лес, Смеяна подняла голову, окинула взглядом чащу, как будто надеялась здесь найти какой-то ответ. И снова ей встретился взгляд тех янтарных глаз с узким черным зрачком. Их не было видно, сами глаза были где-то очень далеко, но взгляд их был здесь и следил за ней. И Смеяна вдруг ощутила себя уже не одинокой. Она была под чьей-то могучей защитой, позволявшей не бояться никого и ничего.

* * *

Чем ближе был Ярилин день, тем больше места в мыслях Светловоя занимала Белосвета. Его будто окутывали чьи-то чары, все плотнее и плотнее: он не мог поверить, что ее нет. Прежнее убеждение, что она была лишь видением, растаяло, прогнанное сладостным дыханием весны. Стоило ему взглянуть на чарующе-голубое небо, на белое пушистое облако, на блеск воды под солнцем, как на память приходила Белосвета. Он видел ее во всякой травинке, в каждом луговом цветке, которые во множестве рассеял по земле щедрый на радость месяц кресень. Красота расцветающей земли наполнила сердце Светловоя каким-то мучительным восторгом, схожим с тем сладким чувством, что он пережил рядом с Белосветой, и от этого она казалась живой и близкой. Выбросив из головы сомнения, Светловоя помнил только ее обещание прийти в Ярилин день и ждал с надеждой, как к свету и воздуху стремясь к образу ее волшебной красоты.

Утром Ярилина дня Светловоя поднялся чуть не до зари, так что вся челядь еще спала и некому было даже подать ему умыться. На еду Светловоя не мог и смотреть, его наполняла лихорадочная дрожь нетерпенья. То ему казалось, что он может опоздать и не увидеть Белосвету, а то он вспоминал, что до сумерек никому из парней нельзя приближаться к Ладиной роще. А до сумерек еще так далеко! Длинный день, лежащий впереди, казался бесконечным, как дорога к Полуденному морю, и Светловоя, только взглядом окинув эту дорогу, чувствовал себя усталым и обессиленным.

Когда он кончал одеваться, к нему зашла мать.

– Собрался, соколик мой? – сказала она, целуя его в лоб, и с ласковой грустью прибавила: – Иди, погуляй! Может, в последний раз придется.

Светловоя не стал спрашивать, почему в последний. Женатому человеку на молодежных гуляньях делать уже нечего, но он не хотел и вспоминать о смолятинских послах и княжне Дароване. Сейчас она казалась далекой, как сама Зимерзла, и столь же нежеланной.

От стен Славена до Ладиной рощи было версты три. На мысу над Сварожцем, самым северным притоком Истира, возвышался пологий длинный холм, уходящий далеко в глубь берега. На вершине холма, в окружении густого березняка, уже много веков стояло святилище богини Лады и дочери ее Лели. По пути к Ладиной роще Светловоя с его отроками обгоняли веселые девичьи стайки. Славен был большим городом, хоровод одних только девиц мог обнять весь холм святилища. Пока же девичьи стайки каждой улицы детинца или каждого посадского конца собирались отдельно, и все несли в дар Ладе и берегиням вышитые рубахи, рушники, угощенья. Княжича встречали с радостью, весело приветствовали его. Отроки перешучивались с девушками, приглядывали себе пару на вечерние игрища. Светловоя улыбался в ответ на поклоны и улыбки, но на самом деле мало кого замечал. Среди румяных девичьих лиц под пестрыми венками не было Белосветы.

Из Ладиной рощи доносилось неясное далекое пение. От подножия холма было видно, как среди белых стволов в облаках зелени мелькают стройные девичьи фигуры в белых вышитых рубахах, яркие цветные пятна лент, венков, очелей. Казалось, сами берегини бегают по священной роще, пляшут, поют, радуясь приходу в земной мир.

*Пошли девки в лес гулять,
Березоньку завивать,
Ой, Леля, завивать! —*

пели девушки и по дороге к святилищу, и на самой горе. Светловой слушал, смотрел на раздурманенные весельем лица вокруг и все же чувствовал себя одиноким. Общее радостное воодушевление не захватывало его, как должно было. Дуновение свежего ветерка из-под берега Сварожца, мягкий шелест березовых ветвей, запах цветов, девичьи голоса только усиливали его тоску. Сияющий образ Белосветы казался растворен во всей природе вокруг, в земле и небе, и сама она как будто была где-то рядом, но оставалась невидимой и недоступной.

*Дай нам блага, Светла Леля,
По цветочки идти да веночки плести!
Как первый веночек – за батюшку,
Уж второй веночек – за матушку,
А третий веночек – за себя саму!*

– Княжич светлый, а ты что так невесел? – вдруг сказал рядом со Светловым юный звонкий голос.

Возле сидящего на траве княжича остановилась молоденькая девушка с длинными гладкими косами, с точеным носиком и ясными голубыми глазами в окружении длинных черных ресниц. На груди ее сверкало под лучами солнца ожерелье из синих стеклянных бус с тремя слепящими шариками хрусталя посередине. В руках девушка держала пестрый пышный венок.

– А, Светлава, добрый день тебе! – Светловой узнал ее и улыбнулся. Это была внучка ведуньи-травницы, жившей в тереме княгини Жизнеславы.

– Что ты невесел? – повторила Светлава. – Князю нельзя в велик-день печалиться, а не то весь год печальным будет! Ну-ка, раз пришел к Ладиной роще, изволь веселым быть, а не то богини разгневаются!

– Да, милость богинь мне больше всех нужна! – со вздохом согласился Светловой. – Вот что, голубка белая! – Он снял с пальца золотой перстень с голубым глазком бирюзы. – Сделай милость – завей и за меня венок и подари Ладе и Леле мой перстень.

– С радостью сделаю, княжич! – Светлава взяла у него перстень. – Верь мне – богини тебе помогут!

Светлава убежала в рощу, а Светловой долго провожал ее глазами. Внучка ведуньи была очень хороша – через год, как войдет в возраст, женихи из-за нее передерутся. Но ее юная красота не трогала его. В глазах каждой девушки он видел слабый отблеск красоты Белосветы, каждая казалась чем-то похожа на нее, но насколько она была прекраснее всех!

Наконец приблизился вечер. Парни разложили над берегом костры длинной цепью, и стало видно, что уже опускаются сумерки. По всему берегу под Ладиной горой завертелись хороводы, затеялись игры. Все вокруг двигалось, бегало, плясало, смеялось.

Сумерки сгущались, и ожидание стало нестерпимо. Теперь каждый отзвук задорного девичьего смеха отзывался в душе Светловой, в каждую жилку бросал горячую дрожь. Не в силах сдержать нетерпения, он вертел головой, оглядывался на каждый светлый девичий силуэт, пробегающий мимо; ему все казалось, что он может не заметить Белосветы, пропу-

стить, опоздать, навек потерять свое счастье. Каждый выкрик, казалось, звал именно его, но все это было не то.

Его отроки уже давно бегали с девушками, прыгали в хороводах, играли в горелки. Звали и его, но он отказывался, боясь увлечься и пропустить ее.

*За мной, миленький, поди,
Мой веночек принеси,
На головку положи! —*

пели где-то рядом, и в ушах у Светловой отдавалось: «Поди, поди, поди...» Дразнящие голоса девушек раскатывались с хрустальным звоном по близкому березняку, и белые березы из мягких сумерек подхватывали призыв десятком чарующих голосов.

И их слышал не один Светловой: парни и девушки с веселым испугом и любопытством оглядывались на рощу. Светлые берегини, дочери Дажьбога, пришли на землю, привлеченные песнями и жертвами. С ними придут и долгожданное тепло, и долгие солнечные дни, и дожди, необходимые для роста и цветения всему живому.

Из прозрачной тьмы рядом со Светловым выскочила легкая и стройная девичья фигура, положила ему на голову душистый веночек, пышный, но уже немного обтрепанный за вечер. Светловой не столько узнал, сколько угадал Светлаву. Вскинув голову, он сдвинул веночек повыше на лоб, чтобы не мешал смотреть, а девушка уже бежала прочь от него, призывая договорить и вернуть веночек. Вскочив, Светловой побежал за девушкой, провожаемый веселыми криками и девичьими визгами. Если княжеский сын останется грустить один, то какое же веселье всему роду речевинскому?

Светлава летела над темной травой, казалось, даже не перебирая ногами, иногда оглядывалась и смеялась. Мимо них мелькнули первые белые стволы, березовая ветка мягко хлестнула Светловую по лицу. Они оказались в Ладиной роще. Светлава бежала к вершине, к святилищу, княжич следовал за ней по склону холма все выше, выше, и у него захватывало дух, словно они поднимались прямо в воздух. Легкая девичья тень впереди казалась то ближе, позволяя Светловую приблизиться к себе, то снова отдалялась, смех ее звенел по березняку, как голос хрустальной росы. Она то пряталась за стволами берез, почти сливаясь с ними в своей белой рубаше, то снова показываясь, дразня Светловую смехом и маня все дальше за собой.

Впереди мелькнул светлым пятном белый валун ограды святилища, похожий на лежащего быка. Светловой едва не потерял девушку из виду, едва успел заметить, что она бросилась к валуну, прижалась к нему, на мгновение слилась с его гладким боком. Он устремился за ней, уже протянул руки, и вдруг она повернулась и оперлась спиной о камень.

Слегка задыхаясь, не столько от бега, сколько от волнения, Светловой приблизился к ней, снял с головы веночек и, держа на ладонях, подал его девушке. При этом нужно было что-то сказать, потребовать поцелуя для выкупа, но Светловой не мог собраться с мыслями.

Девушка подняла лицо ему навстречу, и Светловой охнул. Вместо Светлавы на него смотрела Белосвета. Несмотря на густые сумерки, он отчетливо видел каждую черточку ее прекрасного лица – оно само излучало свет. Светловой застыл, оглушенный счастьем, придавленный им, как болью или огнем, сердце его готово было разорваться, не в силах вместить этого счастья – просто стоять возле нее и смотреть ей в лицо.

– Спасибо тебе за веночек, – мягко сказала Белосвета и взяла веночек у него из рук.

Светловой не помнил о венке и не ощущал, что держит его, но нежные руки Белосветы коснулись его рук, и он вздрогнул. По всему его телу разливалось блаженство, словно вместо крови его жилы наполнились молоком и медом.

Белосвета надела венки себе на голову, и примятые, привядшие головки колокольчиков и бело-розовой кашки вдруг сами собой приподнялись, оправились, словно на них брызнула живительная роса с лебединого крыла берегини.

– Что же молчишь – или не ждал? – с улыбкой спросила девушка. – Я ведь обещала тебе, что на Ярилин день свидимся.

Сейчас она была еще прекраснее, чем в их первую встречу. Лихорадочное беспокойство и переменчивость, тревожившие его тогда, теперь исчезли. Весь облик Белосветы дышал теплом и нежностью, в ней загорелся новый свет, более яркий и чистый. Она походила на реку, в которой весеннее тепло растопило остатки льда и прогрело воду до самого дна.

– Я ждал, – едва сумел выговорить Светловой. В груди его теснилась буря, он желал бы высказать ей все – и свою тоску в ожидании, и свою радость встречи, но не мог, слова не приходили и язык его не слушался. – Я так ждал...

– И я ждала! – отвечала Белосвета, и от нежной прелести ее лица у Светлова кружилась голова. – Ждала, когда снова тебя увижу, когда опять подойду к тебе. Никогда я таких, как ты, не встречала.

– И я не встречал... – пробормотал Светловой.

Теперь он понимал, что значит «ослепительная красота». Именно так была красива Белосвета – глаза готовы были плакать слезами восторга, но не отрываться от ее лица никогда. Он почти сердился на себя, что стал вдруг таким глупым и неловким, боялся, что она не поймет, какое счастье для него в том, чтобы видеть ее. Но Белосвета смотрела на него с такой лаской, что она верил – она все понимает.

– Встречал, – сказала она, немного склоняя голову к плечу. – Ты меня каждую весну встречал, только не видел. От Медвежьего велика дня до самой Купалы я вокруг тебя ходила, только ты не замечал.

– Замечал, – сказал Светловой.

Теперь ему казалось, что каждую весну в последние годы, лет с четырнадцати, в нем просыпалось это сладкое и тревожное чувство. Просто раньше Белосвета не показывала ему своего лица и он не знал, что было причиной этому неясному чувству счастья.

– Ты меня видел, – говорила она, глядя ему в лицо и как будто любясь, в глазах ее светилось нежное томление, и Светловой едва стоял на ногах от волнения. – Я на тебя смотрела много-много раз... из чужих глаз... Я тебя видела, и ты меня видел. Только имени мне не давал. Ты меня любил, только сам не знал.

– Я знал... Теперь знаю! Одну тебя я всегда любил и одну тебя всегда любить буду!

– Да! – нежно и горячо выдохнула Белосвета, словно в этом и была ее заветная мечта. – Люби меня! Люби меня одну, тогда и я тебя любить буду!

– Будешь? – не помня себя, воскликнул Светловой и хотел обнять ее, не сразу решился, но все же взял ее за плечи, так бережно, словно боялся помять цветок.

Кружилась голова, он не мог толком понять, что ощущают его руки, но так хорошо ему не было никогда.

– Я вечно буду любить тебя! – шептала Белосвета, приблизив к нему лицо.

Светловой видел только ее глаза, огромные и ярко-голубые, как весеннее небо, полные небесного блаженства. Голос ее проникал в самую глубину его души, заслонял весь мир, делался единственным счастьем и единственным смыслом.

– Вечно буду любить! Каждую весну я буду приходить к тебе, и весна станет для тебя вечной! Ты не узнаешь старости, ты всегда будешь так молод и красив, как сейчас, и сердце твое будет так же полно чистого огня любви, как сейчас. Только люби меня, меня одну. Меня саму, а не тех, в чьих обличьях я являюсь людским взорам.

Светловой не различал слов, как будто смысл сам собой вливался в его память, чтобы звучать в ней вечно. Глаза Белосветы стали необъятны и бесконечны, как само небо. Ее руки

обвилились вокруг его шеи, и какое-то мягкое горячее облако обняло его и качало на мягких волнах. Светловой не ощущал земли под ногами, для него весь мир стал этим сияющим мягким облаком, вечным блаженством, дыханием Надвечного Мира.

– Помни обо мне всегда! – дохнуло ему в душу. – На Купалу я снова приду. А пока прощай. Помни меня!

И облако схлынуло. Не в силах поднять веки, Светловой прислонился грудью к белому валуну, уткнулся в него лбом. Камень был теплым, от него веяло запахом цветов. Белосветы больше не было. Она не ушла, она просто исчезла, растаяла.

Светловой долго стоял так, закрыв глаза, даже не пытаясь понять, где он и что с ним, а только прислушиваясь к затихающим звукам Надвечного Мира. Они медленно отдалялись, но не ушли совсем. Их голоса задержались в шуме берез, в шелесте травы. Как тонкие огненные нити, в них вплетались веселые крики и смех внизу под горой. Светловой снова вспомнил о людях. Но возвращаться к ним не хотелось. Люди, горячие руки, румяные щеки девушек, блестящие при свете костров глаза и зубы сейчас казались слишком грубы и чужды. И сам себе Светловой уже казался непохожим на других. Он не помнил ни единого слова из того, что ему сказала Белосвета, но во всем теле мягко сиял и грел его волшебный свет.

– Ау! – стало раздаваться сначала внизу, а потом все ближе. – Ай, княжич! Отзовись! Где ты!

Это искали его. Светловой оторвался от белого камня, в последний раз оглянулся на место, где стояла Белосвета. И вдруг он ощутил, что в левой его руке крепко зажато что-то маленькое и твердое. Неужели она оставила ему что-то на память?

Разжав ладонь, Светловой хотел поднести ее к глазам, чтобы разглядеть в темноте. Но этого не понадобилось: меж пальцев вспыхнул свет, словно он держал горсть искр. На ладони его лежал тот самый золотой перстень с бирюзой, который он дал утром Светлаве с просьбой повесить в березовый венок. Только теперь он ярко светился, как будто в нем поселился негасимый свет Надвечного Мира.

Глава 3

Несколько мгновений князь Держимир молчал, а голова его медленно клонилась ниже и ниже, как будто страшная весть давила на него каменной тяжестью. Потом он вдруг вскинул голову, и даже бывалый воевода Озвень вздрогнул и отшатнулся – такое дикое, нечеловеческое отчаяние било из глаз Держимира.

– Зачем ты вернулся? – с трудом, как будто цепкие пальцы Морены его самого держали за горло, выговорил Держимир, и глаза его от ненависти казались черными. – Зачем ты вернулся, дохлый козел?! – заорал он вдруг во весь голос.

Вскочив с лавки, он схватил Озвеня за рубаху на груди и рванул с такой силой, что затрещало полотно, а вся грузная фигура воеводы содрогнулась.

Десяток отроков жались возле дверей гридницы, никто не смел подать голос. Не успев сменить серые и зеленые походные рубахи на обычные, отроки-«оборотни» сейчас снова казались лесной нечистью, но испуганной и дрожащей, оттого что сам Перун гремит громами над их головами.

– Зачем ты ходил туда?! – бешено кричал Держимир и тряс Озвеня, а тот дергался, как мешок с шерстью, даже не пытаясь освободиться. – Ты погубил моего брата! Ты ничего не сделал! Ты дал этому щенку ободрать тебя и пришел с пустыми руками! Ты упустил смолятичей! Ты потерял моего брата! Лучше бы ты остался там сам! Лучше бы речевинские вороны выклевали тебе глаза, если ты еще смеешь смотреть на меня после этого! Ты дал ему погибнуть и не привез даже его головы!

Держимир отшвырнул Озвеня от себя, и тот пролетел по гриднице несколько шагов, с трудом удержался на ногах. А Держимир сорвал со стены секиру, висевшую над княжеским престолом, – заморянской работы, с серебряным змеем на обухе, – и со всего размаха ударил ею стол. Раздался треск дерева, крышка стола перекосилась, несколько глиняных блюд и серебряных чаш покатились по дубовому полу.

Отроки теснее прижались к дверям, похожие на овечье стадо перед волком. А Держимир, слепой и глухой от ярости и отчаяния, бешено рубил стол, лавки, стены, оконные переплеты. Трещало дерево, летели щепки, с хрустом сыпалась слюда. Бревна стен еще хранили кое-где следы от прошлых вспышек ярости, а среди лавок не нашлось бы ни одной, которая успела бы потемнеть от времени. В своем разрушительном порыве Держимир был неукротим и неутомим; среднего роста и не слишком плечистый, он был крепок и очень силен. Дыхание с хрипом вылетало из его широкой груди, и каждый выдох был похож на стон. В нем кричала дикая боль от потери брата, боль, от которой темнело в глазах; она искала выхода, но его не было, и с каждым ударом сердца боль вспыхивала заново. Держимир старался выплеснуть ее из себя, но чувствовал, что она станет вечной, потому что потеря неисцелима, Баяна нет и не будет. В это не верилось – казалось, он просто отстал от всех, заглянул в конюшню к своим

лошадям, что сейчас этот страшный сон кончится, и Баян войдет в гридницу, и его черноволосая голова с гладко заплетенной блестящей косой будет возвышаться почти над всеми русыми и белокурыми головами отроков. Не верилось, что он лежит где-то в чужой земле и его глаза закрылись навсегда.

Наконец Держимир бросил секиру, сел на ступеньки высокого княжеского престола и уронил лицо на сложенные на коленях руки. Его плечи вздымались от тяжелого дыхания, длинные темно-русые волосы рассыпались в беспорядке. Отроки не шевелились, уверенные, что настоящая гроза еще впереди. В своем стольном городе князь дрёмичей носил прозвище Крушимир, и никто из ходивших в бесславный поход на речевинский берег не мог даже надеяться, что все кончится так легко. Трудно было княжичу Светловою ехать домой в Славен с известием, что он потерял пленных. Но в десять, в двадцать раз труднее было «лешим» возвращаться в Прямичев с известием, что сводный брат Держимира погиб. Первое потрясение пройдет, за ним явится осознание потери – и жажда мести.

– Не убил бы никого! – беззвучно бормотал Озвень, бледный, с каплями пота на лбу, опасаясь в первую очередь за самого себя. – Брегана Заступница!

Подать голоса никто не смел. Челядь, умевшая чутьем улавливать расположение духа князя, вся попряталась. В тишине палат издали слышен сначала тихий, потом все более громкий, приближающийся тонкий звон. В нем было что-то суетливое, неровное, как будто кто-то бежит бегом. Отроки пару раз переглянулись, толкнули друг друга локтями. Озвень осмелился поднять руку, утер лоб и бегло оглянулся на дверь. На его лице было такое выразительное ожидание и надежда, словно к нему приближалась, в ответ на мольбы, сама дочь Макоши, богиня Брегана, охраняющая смертных от бед. Из восьми дочерей Макоши только на Брегану и оставалось надеяться провинившемуся воеводе: богиня Улада, смягчающая гнев, и Запрета, удерживающая от дурных поступков, не знали дороги в дом Держимира Прямичевского.

Звон подошел совсем близко, и на пороге гридницы вдруг появилась фигура женщины в длинной беленой рубахе с широкими рукавами, похожими на лебединые крылья. На плечах ее, на шее, на браслетах, на висках на ленте, под косой – везде звенели и дрожали серебряные подвески в виде лягушиных лапок. На первый взгляд она могла показаться молодой девушкой, но морщины возле глаз и несвежесть кожи, тень усталости на лице показывали, что ее молодость далеко позади.

Отроки вздохнули с облегчением, расступились, пропуская женщину в гридницу. Это была чародейка, много лет жившая в хоромах прямичевских князей и за постоянный звон серебряных подвесок прозванная Звенилой. Во всем Прямичеве было только два человека, которые не боялись спорить с Держимиром и могли усмирить приступы его дикого гнева – Звенила и Байан-А-Тан. Теперь она осталась такая одна.

С порога взгляд чародейки устремился к Держимиру, лицо ее дрогнуло, глаза раскрылись шире, в них мелькнуло страдание, потом они вдруг стали совсем пустыми. И словно тихий ветер пролетел по гриднице – ни один волосок не шевельнулся, но незримое дуновение ощутили все. Звенила шагнула к князю, и Держимир поднял голову. Его зубы были стиснуты, кожа обтянула скулы, черные брови сдвинулись, в синих глазах плескалась живая боль, отчего взгляд казался режущим. Множество мелких рубцов на щеках, на подбородке, на висках – следы неудачно пережитых юношеских прыщей – покраснели и были еще заметнее, чем обычно.

– Чего ты хочешь, ведьма? – хрипло выдохнул Держимир.

В голосе его смешались мольба оставить его в покое и угроза поубивать всех, кто не прислушается.

Звенила протянула руку к его плечу, но он вскочил и отшатнулся.

– Уйди от меня! – рявкнул он. – Еще тебя мне не хватало! Чего ты пришла? Иди слушай своих лягушек! Ты сказала мне, что в этом походе меня ждет удача! Ты обещала, что я получу все, что мне нужно! Где моя удача? Где мой брат?

– Не надо злиться, княже! Послушай! – низким мягким голосом, неожиданным при ее тонком сложении, взмолилась Звенила. – Послушай! Судьба не любит гнева!

– Тринадцать лет я тебя слушаю! – кричал Держимир, с ненавистью глядя на женщину и сжимая кулаки. – Тринадцать лет я не видал счастья никогда и ни в чем! То рароги лезут, то личивины, то засуха, то град, то черный мор! Но это всего хуже! Хватит с меня! Оба вы друг друга стоите – ты и этот хряк безголовый! Обоих вас видеть не хочу! Вон отсюда! Озвеню не дружину водить, а коров пасти! А тебя в омут с мешком на голове! Вон отсюда!

Звенила отшатнулась от Держимира, как от удара, подняла руки к лицу, ее глаза стали огромными, в них вспыхнули страх, отчаяние, лицо болезненно исказилось и вдруг показалось безумным.

Держимир резко отвернулся и снова сел на ступеньку престола, почти упал. Вспышка гнева мгновенно выгорела, осталась только тоска. Он закрыл глаза, как будто смотреть на свет ему было больно. Он не умел плакать, и боль его не находила облегчения.

Озвень топтался на месте, то словно порывался выйти, то снова оборачивался к Держимиру. Если бы какой-нибудь другой из говорлинских князей при дружине назвал воеводу сначала дохлым козлом, а потом безголовым боровом, то воевода самое меньшее бросил бы ему под ноги когда-то дарованный меч и ушел служить самому злому врагу, чтобы отомстить получше. Но Озвень слышал все это не в первый раз и никуда не уходил. Тринадцать лет назад, когда Моровая Девка унесла разом половину Прямичева и князя Молнеслава с женой, Озвень и Звенила остались за родителей шестнадцатилетнему Держимиру. Все эти годы они наставляли его в меру своего разумения, страдали от его злого нрава, но терпели, как терпят от родных детей, если не могут с ними справиться. И Держимир, остыв от очередной вспышки, терпел своих наставников, как терпят родителей, даже если боги послали не самых умных.

Но сейчас была не обычная ссора, от которой Держимир остынет и даже что-нибудь подарит, чтобы не помнили обиды. В таком всесокрушающем отчаянии его видели впервые, и это легко было понять. Если князь Держимир и мог кого-нибудь любить без ссор и обид, то только Байан-А-Тана. Живой, веселый и вдохновенно-отважный куркутин воплощал все то, чего самому Держимиру не хватало, но он не ревновал и не завидовал, а любил брата как лучшее продолжение самого себя. И вот его не стало. Держимиру казалось, что в нем самом умерло все хорошее, а остались только злость и неудачливость. Байан-А-Тан был удачлив, все легко давалось ему в руки, потому Держимир и послал его в этот поход. И теперь он не мог простить себе, что так неоправданно, как теперь казалось, отправил навстречу опасности самое дорогое, что у него было. Весь мир стал серой пустой равниной, вроде тех подземных полей, где Велес пасет духи умерших. И это теперь навсегда.

Наблюдая за Держимиром, Звенила задышала глубже, ее грудь часто вздымалась, так что колыхались серебряные лягушьи лапки, нанизанные на кольца и приколотые к рубахе на груди. Ее лицо побледнело, брови подрагивали. Повернув голову к отрокам, она мягко взмахнула рукой, как лебедь крылом, показывая им на дверь. Звякнули подвески на браслетах, а отроки быстро, с приглушенным топотом, потянулись вон. Озвень хотел что-то сказать, но чародейка сверкнула на него глазами, и воевода закрыл рот. Движением брови Звенила погнала его к дверям. Ее лицо стало строгим и решительным.

Когда они остались вдвоем, Звенила подошла к сидящему Держимиру и мягко погладила его по волосам. Он сильно вздрогнул, но не поднял головы, и Звенила приободрилась. На этот раз все же перегорело, хотя и труднее, чем обычно. Отцепив от пояса резной гребень, она стала ловко расчесывать волосы Держимира и мягко нараспев приговаривать:

– Отдай мне печаль, возьми покой! Отдай мне горе и тоску, я их по ветру развею. Поди, тоска, за широкие реки, за высокие горы, за быстрые реки, поди в ржавое болото, там под камнем черным тебе место до скончания века...

Держимир глухо и тяжело вдохнул. Обычно он после приступа гнева чувствовал себя неловко и торопился помириться с теми, кого только что бранил, но сейчас ему не было дела ни до кого. Для него существовал только Баян – и мысль, что он больше не придет.

– Нету его больше, и удачи мне не будет, – глухо бормотал Держимир, глядя перед собой, как будто заново привыкая к миру, который без Баяна стал совсем другим.

В его погасших глазах была такая неизбывная тоска, что Звенила испугалась ее больше, чем гнева. Она умела отнять у него гнев и дать покой, но не умела отнять тоску и дать радости. Это умел, безо всяких заговоров и ворожбы, один только Байан-А-Тан. Звенила многим бы пожертвовала за то, чтобы обладать его молодой силой, его задором и блеском глаз, его неизменной верой в будущие победы. Но этого она не имела. Когда за плечами тридцать лет службы Надвечному Миру, в душе поселяется мудрость, но уходит радость. Уходит безвозвратно.

– С тобой я остался... – уныло повторил Держимир. – А ты... Последнего долга и то я лишился. Хоть бы похоронить его толком, хоть тризну устроить на три дня, хоть курган насыпать... У куркутинов и у тех положено головы убитых на поле подбирать и хоронить с честью. А я и брата лишился, и дух его обидел. Видеть вас никого не хочу! – с тихой упрямой ненавистью повторил Держимир и снова отвернулся. Сейчас ему были нестерпимо противны все: и Озвень, и Звенила, и отроки. А больше всех он сам.

Звенила замерла, сжав тонкие сухие руки возле груди и не смея прикоснуться к Держимиру. В душе его сейчас больше тоски, чем она сможет прогнать. И что вложить взамен? Источники его боли так сильны, что ей с ними не справиться. Ему нужна надежда, хоть какая-нибудь.

– Рано жаловаться на судьбу! – сказала Звенила. – Послушай меня. Я не могу вернуть тебе брата, но я верну тебе его голову. Ты похоронишь ее с честью, и я сделаю так, что дух Баяна не будет держать на тебя обиды. Я узнаю, какие жертвы он хочет получить, каких из своих коней и женщин хочет взять с собой. Может быть, всех – ты дашь ему их, и он простит тебя. Его дух станет помогать тебе и передаст тебе свою удачу.

Держимир поднял глаза на Звенилу. Его взгляд чуть прояснился, и в душе Звенилы разом вспыхнули новые силы, как пламя, раздутое из головни свежим порывом ветра. За многие годы она сжилась с Держимиром крепче, чем он с ней. Ему было легче прогнать ее, чем ей – уйти. Ей было некуда идти, потому что на всем белом свете не было другого человека, к которому она была бы привязана, ради которого ей хотелось бы жить. И пока он хоть в чем-то ей верит, она готова была сделать все, чтобы удержать эту веру.

– Да, да! – воодушевленно повторила Звенила и взмахнула руками, как белая птица, готовая взлететь. Ноздри ее раздулись, глаза широко раскрылись и заблестели. – Я принесу тебе его голову! Я найду ее, я вырву ее даже из рук самой Велы! Она будет у тебя! Клянусь Истоком Истира.

Лоб Держимира разгладился, он слабо кивнул. Звенила воодушевилась; губы ее улыбались, а в глазах тлела сумасшедшая решимость. И Держимир содрогнулся: иногда он боялся этой женщины. В ней он с детства видел живое воплощение своей судьбы: иногда благосклонной, но большей частью злой, то обещающей благо, то обманывающей. Но она тоже – часть его самого, и до самой смерти ему не суждено от нее избавиться.

* * *

Приближался полдень, и было очень жарко. Девушки уже выпили весь квас, припасенный до обеда, и теперь то одна то другая разгибались, вытирали рукавом, платком или подолом взмокшее лицо, шумно вздыхали.

– Ой, Хорсе пресветлый! – раздавались здесь и там жалобы. – За что же так томишь нас? Отродясь такой жаркой весны не было.

Репище, усеянное зелеными хвостиками всходов, тянулось широкой полосой до самого березняка, а не было пройдено еще и половины. На каждом шагу из кривоватых рядков торчали бледные былинки сорняков, и каждый стебелек казался горячим. Упругие корни сорной травы упрямо цеплялись за землю, колючие стебли кололи натруженные руки.

– Смеянка, да куда ты! – закричала Топотушка. – Куда ты бежишь? Нас хоть бы подождала!

– Вот погоди – будет бабка смотреть, она тебя за прыть не похвалит! – с досадой пригрозила Синичка. – Половину пропускаешь!

– Найди хоть один! – весело крикнула Смеяна, обернувшись.

Эти выкрики сестер, полные удивления, зависти и досады, немало забавляли ее. С тех пор как они начали полоть репище, она далеко обогнала всех и была почти возле самого березняка. Еще немного – и ей можно будет спокойно сесть на травку в тени березы и отдохнуть, глядя, как девушки и молодухи гнут спины на своих нескончаемо длинных грядках.

Синичка злилась напрасно: ни бабка Гладина, которая к вечеру придет посмотреть их работу, ни сам межевик не сумеют найти в рядке Смеяны хоть один крошечный сорняк. Сестры дивились, глядя, до чего легко и быстро Смеяна справляется с прополкой, которую раньше терпеть не могла. Прошлым летом Гладина и Варовит разве что поленом могли загнать ее на репище, в лен, в просо. А теперь она первая!

Притворно промахнув рукавом по лбу, Смеяна прятала улыбку. Никто, кроме нее самой, не мог увидеть статную девичью фигуру, идущую по репищу чуть впереди нее. Учувя ее взгляд, полудянка обернулась и задорно улыбнулась Смеяне, не переставая работать. Сорняки так и мелькали в ее крепких загорелых руках, целыми тучами вылетая в междугрядья. Уже не первый день полудянка работала в поле со Смеяной, выполняя вдвое, втрое больше, чем смогла бы сделать самая прилежная и сильная девица. Старшие только руками разводили: Гладина и Варовит не привыкли хвалить непутевую Смеянку и не понимали, что с ней случилось.

– Может, замуж наконец захотела? – предполагал в растерянности Варовит.

– Вот погляжу, так ли она за прялкой будет проворна! – отвечала недоверчивая Гладина. – Может, у нее опять одно баловство на уме!

Первой добравшись до тени березняка, Смеяна опустилась на траву, прислонилась спиной к прохладному белому стволу в мягких пушинках отставшей кожицы. Полудянка улыбнулась ей, и Смеяна махнула рукой: иди куда хочешь! Полудянка повернулась на месте и вдруг разом оказалась в десятке шагов, пролетела над репищем, порхнула дальше, за овраг. Оттуда тоже слышались голоса: мужчины и парни возили навоз на отдыхающее в этом году паровое поле. К ним-то и улетела Полуденная Дева. Смеяна лукаво усмехнулась, вообразив, что увидит какой-нибудь из братьев, слишком заработавшийся и не ушедший в полдень отдыхать. Лукавая полудянка нагонит таких жарких видений, что он долго еще не опомнится.

– Смеянка, не лежи, нам завидно смотреть на тебя! – крикнула Топотушка. – Как ты только успеваешь!

– Хоть бы за водой сходила, что ли! – с досадой проворчала Синичка.

Верёна не подавала голоса, даже не разогнула спины, все дергала и дергала сорняки. Ее округлое лицо покраснелось от усердия, по щекам катился пот, волосы на висках намокли, но

она даже не поднимала рук вытереться. Она привыкла быть первой во всякой работе, и непонятные успехи Смеяны вызывали у нее недоумение и обиду. Как она ни старалась, а не могла догнать непутевую сестру.

– Правда, Смеянка! – подхватила Топотушка. – Или хоть холопа своего пошли! Мы тут зажаримся!

Грач, неторопливо собиравший в большую корзину выдранные девушками сорняки, вопросительно посмотрел на Смеяну. По его смуглому лицу тоже ползли капли пота, серая рубаха на плечах и на спине намокла и прилипла к коже. Но он даже не подавал вида, что ему нелегко. Для этого он был слишком горд, и его гордости не мог перебороть даже холопский труд.

– Иди, иди! – крикнула Синичка Смеяне. – И дружка своего ненаглядного с собой возьми!

– Да уж конечно возьму! – Смеяна поднялась с травы и встала, воинственно уперев руки в бока. – Не вам же, сорокам, оставлять!

– А сама-то кто? – Синичка тоже выпрямилась, сердито бросила сорняк, как будто он был в чем-то виноват. – Жениха-то надо побережь! Может, на чужих мужей будешь поменьше пялиться!

– Чужих мужей? – негодуяще воскликнула Смеяна и шагнула к репищу. – Да тебе, сестра, солнцем голову напекло! Ступай в тенечке полежи! Где же это я на чужих мужей пялилась?

– Где? Да весь род знает где! – пронзительно выкрикнула Синичка. Кто очень хочет увидеть – увидит даже то, чего и нет. – Постыдилась бы! Саму никто замуж не берет, а он ведь тебе брат, хоть и названный!

– Сама постыдись! Ты сдурела совсем, сестра! – возмутилась Смеяна. Раньше она только смеялась над ревностью Синички, но сейчас почувствовала себя задетой. – Очень мне нужен твой кудреватый! Я себе не хуже найду!

– Найди! Найди, попробуй! Глаза твои бесстыжие! Чтоб тебя градом побило! Сама рыжая, конопатая, как перепелиное яйцо, а все...

– Ах так! На себя погляди! От такой вздорной бабы любой мужик начнет по сторонам глядеть!

– Да я тебе глаза твои бесстыжие выцарапаю, чтоб знала, куда глядеть! – завопила Синичка и бросилась к Смеяне.

Смеяна мигом вскочила на ноги, подобралась – не Синичке было ее испугать. Вся ее сила как будто собралась в комок, в кулак, готовый ударить, и острые когти блеснули где-то в глубине...

И вдруг Синичка, не добежав до Смеяны пяти шагов, вскрикнула, разом встала на месте, взмахнула руками, как на жердочке над ручьем, и упала на землю. С визгом она вскинула перед собой локоть, как будто защищаясь от удара, а потом стала отползать назад, визжа, словно увидела что-то страшное.

На опушке, в дрожащей кружевной тени развесистой березы, на том месте, где только что стояла сжавшая кулаки Смеяна, Синичка вдруг увидела рысь. Крупный зверь со стоячими тонкими ушами подобрался, готовясь к прыжку, припал к земле на длинных широких лапах. В злобном оскале блестели белые зубы, желтые глаза горели яростью. Синичка не смогла заметить, куда девалась Смеяна и откуда взялась рысь – просто вдруг увидела одну вместо другой.

Девушки, еще во время их перебранки бросившие работу, не решались подступиться к визжащей Синичке, испуганно приоткрыли рты. Волосы пошевеливались у них на головах – столько дикого страха было в ее голосе.

Смеяна, удивленная не меньше других, выступила из тени березы на солнце. Уж не слишком ли Синичке напекло голову – не повредила ли она рассудком?

И Синичка мгновенно смолкла. Ее рука была прижата ко рту, как будто она хотела заглушить собственный крик, а огромные глаза дико смотрели на Смеяну. Смеяна шагнула к ней, и Синичка, как опомнившись, резво поползла по земле назад, замычала что-то.

– Не... не подходи! – выдохнула она, замахала в воздухе рукой, как будто отгоняя виденье. – Макошь Матушка! Чур меня храни! Гром на тебя! Брегана Заступница!

– Да ты что? Синичка! Опомнись! Что с тобой?

Сестры обступили ее, подняли с земли, отряхнули ей рубаху и подол плахты. Синичка дрожала и все оглядывалась на Смеяну.

А та сдвинула брови, ничего не понимая. Ей вспомнились собственные детские проделки, когда она подстерегала сестер в темных сенях и пугала их блеском своих глаз. Но сейчас она ничего такого не собиралась делать!

– Оборотень! – вскрикнула Синичка, как только отдышалась и снова обрела полный голос. – Оборотень! Гром на тебя! Рассыпья! Поди в болото, под черный камень, под кривую корягу, и там тебе место до скончания века!

– Да ты рехнулась! – снова возмутилась Смеяна. – Обезумела! То я тебе одно, то я тебе другое! Еще что?

– Перестань, ты на кого гром зовешь – не на мару, на сестру ведь! – пыталась успокоить Синичку Топотушка.

– Лесовуха ей сестра! – визжала Синичка, никого не слушая. – Я видела, видела! Она рысью обернулась! Обернулась и на меня зубы скалила! Она оборотень, оборотень!

Девушки недоуменно замолчали. Каждая пыталась вспомнить, что было в те мгновения со Смеяной, и не могла – все смотрели только на Синичку. А Смеяну скрывала полутьма березняка, дрожащая тень ветвей, резкий перепад света и теней. Никто не видел ее, но ни одна из девушек не поручилась бы, что этого не может быть.

– А ведь... – ахнула Верёна. – Ведь у нее глаза светятся...

Кто-то еще ахнул, кто-то позвал чуров. Все разом вспомнили детские игры.

– А как она царапается! – кричала Синичка, все больше убеждаясь в своей правоте.

– А как ходит тихо... – прошептала Коноплянка.

И все разом повернулись, глядя на Смеяну. И она застыла на меже леса и репища, почему-то не решаясь к ним подойти. Изумленные и испуганные взгляды сестер воздвигли между ними стену, более глухую, чем недавние упреки.

– Эй, девки! – вдруг закричал с соседнего поля, лежащего чуть ниже по Истиру, голос брата Кудрявца. – Заснули вы там, что ли? Глядите скорее! Сам князь к нам едет!

* * *

На стайку девушек, сбившихся в кучу на краю репища, словно брызнули живой водой. Забыв о Смеяне и Синичке, все бросились к высокому берегу реки, да и сама Синичка, торопливо оправляя сбившуюся плахту, поспешила за всеми. Смеяна тоже хотела бежать, но случайно бросила взгляд на Грача и остановилась. Его смуглое лицо разом как-то осунулось, на нем отразилось острое беспокойство. Он бросил корзину и сделал такое движение, как будто хотел бежать, но застыл на месте.

Князь! Зачем князь, не слишком любивший покидать Славен, поедет к ним в неурочное время? До полудня еще не один месяц! Смеяна сразу подумала, что приезд князя может быть связан с битвой на реке. С неудачей княжича Светловоя... и с ним, с Грачом! Верно, верно, так! А что, если князь узнал, что один из лиходеев, последний, остался на этом берегу Истира и живет у них? А что, если приехали за ним?

Грач, судя по его напряженному лицу, сообразил все то же самое, но гораздо быстрее Смеяны. Он-то хорошо знал ценность своей черноволосой головы, единственной во всем ниж-

нем течения Истира. Грач быстро оглянулся к берегу, его рука дернулась к поясу в привычном поиске оружия. И тут же он досадливо вздохнул, найдя там только ремешок науза; смуглые пальцы сжались в крепкий кулак. Тонкий и легкий, почти незаметный, науз напрочь лишил его возможности бежать.

– Иди сюда! – Смеяна кинулась к Грачу, схватила его за руку и торопливо потянула в ближний березняк. – Скорее!

Они вбежали в тень и бросились меж белых стволов в глубь березняка, туда, где он переходил в смешанный густой лес. В этой стороне далеко не было никаких соседей, и Смеяна молилась про себя на бегу, чтобы таинственные силы Надвечного Мира, призванные Велемом охранять пленника, отодвинули невидимую границу Ольховиков как можно дальше. Грач бежал за ней, ни о чем не спрашивая.

Звериное чутье вело Смеяну дальше от жилья, от хоженных троп. Она по-прежнему держала Грача за руку, как будто боялась его потерять. На пути встретился ручей, и Смеяна с разбегу вскочила в него, пошла по дну. Муть и взбаламученный песок мигом унесет водой, а следов не останется. Путая след, Смеяна по руслу ручья немного вернулась обратно, потом вывела Грача на берег и потянула в ельник. Здесь было полутемно, на плотном ковре старой рыжей хвои не оставалось следов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.